

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2022 Vol. 5 №2 (16)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

«Caucasian Science Bridge» journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 15.11.2022. Подписано в печать 29.11.2022. Выход в свет 30.11.2022.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,86. Тираж 550 экз. Заказ № 8729.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор;
Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный феде-
ральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св.
Климента, г. София, Болгария.

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела междуна-
родных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санк-
Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Стойка Петрова Пенкова – доктор социологических наук, доцент; Пловдивский
университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, США,
Вирджиния, г. Аннандейл, Международный языковой центр «ESZETT»

Даниела Коцева – доктор социологических наук, доцент; университет «Гоце
Делчев» – Штип, Северная Македония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-
Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г.
Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат со-
циологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований
«Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский
институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия.

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Stoika Petrova Penkova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

Daniela Kotseva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ковалев В. В., Дятлов А. В.

Диссертация как исследовательский проект: квалификационные
и научные критерии состоятельности 12

Шевченко О. М., Штофер Л. Л.

Общественное здоровье как ресурс стабильного развития российского социума:
риски и угрозы 30

Кузьменко И. С.

Социальное самоопределение как фактор противодействия
деструктивным формам солидарности 41

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Ильиных С. А.

Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка 52

Спасенкова С. В.

Проблемы обеспечения жильем детей-сирот в Оренбургской области:
основные аспекты 60

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Понамарёв А. Б.

Технократизм в государственном и муниципальном управлении:
опыт реализации и перспективы применения в России 70

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Колесникова Е. Ю.

Формирование гражданского патриотизма студенческой молодежи Юга России:
факторы и барьеры (по материалам фокус-групп) 82

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Клименко Л. В.

Социокультурные факторы реформирования ЖКХ
и реализации программы капитального ремонта в России 100

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Астоянц М. С., Тарасенко Л. В., Красножон А. Г.

Образовательная инклюзия и профессиональное самоопределение
выпускников школ с инвалидностью: по материалам регионального
социологического исследования 108

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Шахбанова М. М.

Роль национального языка в воспроизводстве этнической идентичности
городского населения Дагестана 122

Информация для авторов 136

CONTENTS

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Kovalev V. V., Dyatlov A. V.

Dissertation as a research project: qualification and scientific criteria of consistency..... 12

Shevchenko O. M., Shtofer L. L.

Public Health as a Resource for the Stable Development
of the Russian Society: Risks and Threats..... 30

Kuzmenko I. S.

Social self-determination as factor of counteraction
to destructive forms of solidarity..... 41

SOCIOLOGY OF FAMILY AND CHILDHOOD

Ilinykh S.A.

Values of matrimony, parenthood, kinship: meanings and interpretation..... 52

Spasenkova S.V., Mugil Y.V.

Problems of providing housing for orphans in the Orenburg region:
main aspects 60

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Ponamaryov A. B.

Technocratism in State and Municipal Governance:
Experience of implementation and prospects for application in Russia 70

SOCIOLOGY OF YOUTH

Kolesnikova E. Yu.

Formation of civil patriotism of student youth in the South of Russia:
factors and barriers (based on focus groups) 82

SOCIOLOGY OF CULTURE

Klimenko L.V.

Socio-cultural factors of reforming housing and communal services
and implementation of a major overhaul program in Russia 100

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Astoyants M. S., Tarasenko L.V., Krasnozhon A.G.

Educational inclusion and professional self-determination of school graduates
with disabilities: based on the materials of a regional sociological research..... 108

ETHNOSOCIOLOGY

Shakhbanova M.M.

The role of the national language in the reproduction
of the ethnic identity of the urban population of Dagestan..... 122

К ЧИТАТЕЛЮ

Кавказский мост... Эта метафора восходит к античным мыслителям, которые посредством ее выразили историческую роль Кавказа в соединении двух цивилизаций – Запада и Востока. Наш журнал, поднявший на свой щит это гордое название, продолжает традицию социальных, духовных, этнокультурных связей между представителями науки различных социокультурных пространств, разных научных школ и регионов.

Самое главное и знаменательное событие этого года для журнала – «Caucasian Science Bridge» вошел в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. В этой связи, совершенно неслучайно первый «ваковский» номер журнала открывается программной статьей «Диссертация как исследовательский проект: квалификационные и научные критерии состоятельности». Авторы статьи – главный редактор «Caucasian Science Bridge», председатель диссертационного совета по социологическим наукам, профессор Дятлов А.В. и член редакционной коллегии, профессор Ковалев В.В., имеющие большой опыт экспертизы диссертационных работ и научного руководства аспирантами. Статья ставит актуальные задачи по совершенствованию принципов и критериев экспертной оценки диссертаций как научно-квалифицированных работ, представляет скрупулезный анализ внутренней логики исследовательского проекта, а также затрагивает некоторые аспекты организации экспертизы диссертаций непосредственно в вузах, получивших право самостоятельно присуждать ученые степени. Статья продолжает дискуссию о критериях, требованиях, основаниях оценки диссертаций – эту академическую задачу традиционно ставили перед собой мэтры ростовской социологической школы, в частности, ее ведущий методолог, профессор Лубский А.В., чья разработанная и внедренная в практику логическая архитектура методологического конструкта научного исследования позволяет работать с самым сложным интеллектуальным контентом в предметном поле социологического знания.

В нашем журнале теперь «заложена» рубрика «Трибуна для молодых исследователей», где не только магистрантам и аспирантам, но и студентам предоставляется интеллектуальная площадка для испытания и апробации своих идей. Дать молодым ученым возможность для полноценного участия в серьезном социологическом дискурсе, и тем самым стать для них профессиональным «трамплином» в социально-гуманитарную науку – одна из ключевых задач нашего журнала. Поэтому редакция журнала обращается к начинающим исследователям и молодым преподавателям, аспирантам и студентам с приглашением попробовать свои силы на страницах нашего журнала.

Также с этого года содержательный каркас журнала «приращен» постоянными рубриками: «Методология и методы социологических исследований»,

«Социология семьи и детства социология управления», «Социология культуры», «Социология образования», «Социология молодежи», «Этносоциология» и др. Данные рубрики представлены в настоящем номере статьями наших коллег, которые делятся своими достижениями и новациями, теоретическими наработками, открытиями, результатами авторских исследований. Высокий теоретико-методологический и эмпирический уровень этих работ представляется важным условием для укрепления академического авторитета нашей науки.

Среди отраслевых разделов журнала и традиционная для социологических изданий рубрика «Социология молодежи», которая в этом номере представлена статьей «Формирование гражданского патриотизма студенческой молодежи Юга России: факторы и барьеры (по материалам фокус-групп)». Остановимся на этой статье в связи с проблемой, волнующей сегодня многих исследователей: как представить в новых условиях социологические статьи, написанные по эмпирическим материалам до 2022 года. События, которые произошли в стране за последний год, вызовы, с которыми столкнулось общество и общественное сознание, по идее, не могут не учитываться при постановке проблемы в предметном поле социологической науки. Действительно, то время, в которое работал автор статьи, из социального на глазах превратилось в историческое. Но дело в том, что в данном материале исследованы фундаментальные основания социального поведения, имеющие самостоятельную ценность – вне зависимости от изменившихся социальных условий. А то обстоятельство, что в статье зафиксированы «ментальные программы» молодежи, их представления, ценности, мотивации и установки до изменения исторического времени, делают ее «точкой отсчета» для исследования новой, изменившейся социальной реальности, и в этом качестве она приобретает особую эвристическую значимость и ценность для будущих социологов-исследователей.

С радостью отмечаем, что расширяется круг авторов журнала, в том числе из республик Северного Кавказа. Так, профессор Шахбанова М.М., представляющая Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, познакомила читателей с результатами своих эмпирических исследований в статье «Роль национального языка в воспроизводстве этнической идентичности городского населения Дагестана», в которой национальный язык рассматривается как один из ключевых идентификаторов воспроизводства этнической идентичности.

Надеемся, что в нашем журнале будет широко представлена география нашей страны, читатели смогут ознакомиться с социологическими идеями и прикладными исследованиями авторов из самых разных ее регионов. Особое внимание редакция журнала планирует уделять научным школам Северного Кавказа, представлять результаты исследований ученых из Адыгеи, Дагестана, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ставропольского края, с которыми у Института социологии и регионоведения, на базе которого существует наш журнал, давние профессиональные и дружеские связи.

Институт социологии и регионоведения также традиционно активно взаимодействует и с крупнейшим в стране «тиглем» фундаментальных исследований – Федеральным научно-исследовательским социологическим Центром Российской академии наук, социологическими факультетами ведущих университетов и научными социологическими центрами Москвы и Санкт-Петербурга, представляющими эти институции российскими учеными, определяющими образ и магистральные направления современной социологии. Редакция надеется на плодотворное сотрудничество с ними и в дискурсивном пространстве «Кавказского научного моста».

В стремлении затронуть на наших страницах не только, по возможности, весь спектр волнующих социологов вопросов, но и самые инновационные исследовательские поля мы планируем на перспективу открытие рубрик, которые тематически представляли бы такие направления, как социология виртуального мира, цифровая социология, визуальная социология, социология экологии и т.д. В связи с этим ждем от наших авторов и читателей предложения, которые бы позволили нам уточнить свои позиции и содержательно наполнить эти рубрики интересным материалом. Особое внимание хотелось бы уделить качественным методам социологических исследований, растущий интерес к которым объясняется, в том числе, мнением научной общественности относительно будущего социологии. Мы живем в эпоху колоссальных изменений, мир меняется на глазах, данные больших массовых опросов не позволяют «ухватить» и проанализировать меняющуюся социальную реальность, так как новое появляется первоначально в форме единичного или в виде отклонения от нормы. Эксперты полагают, что будущее социологии связано с переориентацией социологического знания на локальные социокультурные и этнокультурные проблемы, требующих для своего изучения особых «глубинных» инструментов – методов качественного анализа.

На площадке журнала будет даваться обзор важнейших научных мероприятий – конференций, форумов, фестивалей и т.д., а также традиционно главного социологического события – проводящейся каждый год Школы молодого социолога, собирающей участников и экспертов из разных регионов России. Мастер-классы, интерактивные лекции, круглые столы, деловые игры, тренинг-семинары – вот лишь малая часть «школьных» мероприятий по совершенствованию социологического мастерства, и самые интересные и захватывающие идеи и методики, рожденные на Школе, будут представлены на страницах нашего журнала.

Редакция приглашает к публикации коллег по цеху, участвующих в грантовой деятельности, реализующих научно-исследовательские проекты и программы – для апробации идей, концепций и результатов эмпирической верификации разработанных теоретических моделей.

«Caucasian Science Bridge» исповедует принцип «научной полифонии», предполагающий представление самых различных точек зрения, и будет приветствовать их публикацию в целях дискуссии и конструктивного обсуждения. Для «горячих» дискуссионных материалов в журнале планируется специальная

рубрика под названием «Дискуссионная площадка». Провокативные, спорные, даже не вполне академические, но «живые» интенции и сюжеты вызывают, как правило, множество откликов, они способны «зажечь» новыми, неординарными идеями, а значит, и мотивировать к дальнейшей научно-исследовательской работе.

Дорогой читатель, ждем статей, материалов, новых предложений, живого участия в дискуссиях и полемике по поводу опубликованных результатов теоретических и прикладных исследований, словом, Вашего активного содействия в благородном деле обогащения социологического контента журнала.

Выпускающий редактор
Е.Ю. Колесникова

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья

УДК 316.1

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.1

EDN FTYNQI

**Диссертация как исследовательский проект:
квалификационные и научные критерии состоятельности****Виталий В. Ковалев¹,**¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Александр В. Дятлов²² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: avdyatlov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы представленной статьи обосновывается изменением нормативных условий и социальной ситуации для функционирования диссертационных советов. В первом случае речь идет о создании новой модели присуждения ученых степеней; во втором о росте требований к качеству исполнения диссертационных исследований. Цель работы состоит в том, чтобы через анализ квалификационных и научных критериев состоятельности выйти на понимание диссертации как исследовательского проекта.

Методы. Статья написана в рамках неопозитивистской парадигмы и концептуально выстраивается в русле операционалистского подхода.

Результаты и их обсуждение. Исследование квалификационных и научных критериев состоятельности диссертации, а также собственный опыт работы в диссертационных советах позволило прийти к следующим результатам: 1) работа с текстом диссертации должна предваряться системным изучением сложившегося дискурса по решаемой социальной задаче; 2) практические рекомендации должны быть системно связаны с решаемой социальной задачей и занимать по объему весь последний параграф работы; 3) внутреннее единство диссертации обеспечивается посредством применения модульно-алгоритмического подхода, в соответствии с которым каждый модуль текста имеет свои определенные (промежуточные для всей исследовательской работы) задачи, четкую последовательность их выполнения и прописывается в отведенную ему очередь, выступая основанием для перехода к последующему модулю; 4) положения новизны выводятся отдельно в пределах каждого модуля; 5) научная состоятельность диссертации прямо пропорциональна способности научного руководителя осуществлять квалифицированное руководство аспирантом (соискателем).

Ключевые слова: диссертация; научный проект; состоятельность; формальные критерии; научные критерии; качество; ВАК РФ; ДАНК ЮФУ.

Для цитирования: Ковалев В.В., Дятлов А.В. (2022). Диссертация как исследовательский проект: квалификационные и научные критерии состоятельности. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 12-29. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.1>

**Dissertation as a research project: qualification
and scientific criteria of consistency****Vitaliy V. Kovalev¹,**¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Alexander V. Dyatlov²² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: avdyatlov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic of the presented article is justified by the changes in the regulatory conditions and the social situation for the functioning of dissertation councils. In the first case we are talking

about the creation of a new model of awarding academic degrees; in the second case about the growth of requirements to the quality of dissertation research. The aim of the work is to reach an understanding of a dissertation as a research project through the analysis of qualification and scientific criteria of competence.

Methods. The article is written within the neopositivist paradigm and is conceptualized in terms of the operationalist approach.

Results and their discussion. The research of qualification and scientific criteria of dissertation consistency, as well as our own experience of work in dissertation councils has led us to the following results: 1) work with the text of theses should be preceded by a systematic study of the existing discourse on the social problem; 2) practical recommendations should take up the volume of the last paragraph of the theses; 3) internal unity is ensured by using the algorithmic-modular approach, according to which every module of the text has its own rules; 4) the theses are to be integrated into the overall system of theses and dissertations.

Key words: dissertation; scientific project; consistency; formal criteria; scientific standards; quality; HAC RF; DASP SFU.

For citation: Kovalev V.V., Dyatlov A.V. (2022). Dissertation as a research project: qualification and scientific criteria of consistency. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 12-29. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.1>

Введение

Титул представленной статьи ставит проблему поиска универсальных критериев состоятельности диссертации как интеллектуального продукта, который выпускающая кафедра может уверенно рекомендовать в диссертационный совет на постановку к защите. Между тем, работ о том, что представляет собой диссертация или как ее следует писать и оценивать, создано немало. Спектр исследований данной тематики разнообразен. Имеются также и четкие определения понятия «диссертация». Так Ф.А. Кузин отмечает, что диссертация «...это особый вид научного произведения, которое представляет собой отражение средствами литературы научного исследования, в котором реализуется научное творчество как процесс научного освоения действительности и как создание научных ценностей, обогащающих саму науку» (Кузин, 2000, с. 6). По мнению А.В. Лубского, диссертация – это «...самостоятельное научное исследование, которое проводится в соответствии с определенными требованиями, принятыми в научном сообществе и системе ВАК» (Лубский, 2015, с. 205). В.В. Громько определяет диссертацию как вид научного исследования, выполненного в соответствии с устоявшимися методологическими правилами (Громько, 2016, с. 4). Формулировку, ставшую канонической, находим в Большом энциклопедическом словаре: «диссертация – это специальная, строго определенная форма научного произведения, которое имеет научно-квалификационный характер, подготовлено для публичной защиты и получения ученой степени» (БЭС, 1991, с. 395). В действующем ГОСТе диссертация определяется «как научно-квалификационная работа, отражающая результаты научных исследований автора и представленная им на соискание ученой степени».

Если кратко обобщить приведенные формулировки, то в них можно выделить два главных аспекта, определяющих двойственный характер жанра диссертации. Она представляет собой произведение научное и, одновременно, квалификационное. Это же понимание задано п. 9 Положения о присуждении ученых степеней ВАК РФ¹. Казалось бы, научной проблемы нет. Оба заявленных аспекта учеными тщательно исследованы (Иванова, 2013; Сирина, 2011; Мардахаев, 2012; Лубский, 2017). Что же заставляет авторов браться за тему, которую сложно назвать новой с точки зрения внимания к ней научной общественности? Тому есть несколько причин, приобретающих в последние годы особую актуальность.

¹ Положение о присуждении ученых степеней. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842 «О порядке присуждения ученых степеней».

Во-первых, с 2017 г. изменились нормативные условия работы диссертационных советов. Распоряжением Правительства РФ от №792-р¹ четыре научных организации и девятнадцать вузов получили право самостоятельно присуждать ученые степени кандидатов и докторов наук. Среди них значится и Южный федеральный университет. К моменту написания данной статьи² указанные организации уже создали новую нормативную базу. Нельзя сказать, что она существенным образом отличается от ваковской модели. Однако стоит обратить внимание на возникшие на её основе неформальные практики. Одна из них состоит в междисциплинарном характере органа^{3*}, выносящего заключение о рекомендации к присуждению ученой степени. Опыт его работы в Южном федеральном университете показал, что при рассмотрении диссертационных текстов резко возрастают требования не только к формальной стороне вопроса, что в условиях междисциплинарности неизбежно, но и к научной состоятельности представленных работ, особенно в той ее части, которая связана с общенаучными правилами. Можно выделить и ряд других нюансов: тщательная проверка каждого текста диссертации (в отдельно взятом вузе нет такого потока работ, как в экспертных советах ВАК РФ), отсутствие внутрикорпоративных обязательств (можно надеяться на объективность оценивания), междисциплинарная конкуренция (в условиях отсутствия очевидности требуется более тщательно обосновывать целесообразность очередной ученой степени). В итоге, в университетах, получивших право на самостоятельное присуждение ученых степеней, количество защит сократилось примерно в десять раз (Фальков, 2021).

Всё это свидетельствует, что переход на новую модель присуждения ученых степеней актуализирует необходимость рефлексии на предмет того, в чем состоит разница между диссертацией и её наукообразным подобием.

Во-вторых, за последнее десятилетие значительно изменилась социальная ситуация вокруг диссертационного творчества. Прошли те времена, когда диссоветы могли работать как фабрики по производству некачественных работ, о чем свидетельствует имеющийся в настоящее время поток решений ВАК о лишении научных степеней. Ещё с середины «нулевых» годов стали ужесточаться формальные правила допуска к защите диссертаций. Вначале это привело лишь к увеличению ценника за «услуги». На самом количестве защит стало сказываться после того, как к делу подключились правоохранительные органы, которые только за один 2012 год установили факт незаконного присуждения 1.2 тыс. докторских и кандидатских степеней (Донецкая, 2017). В итоге, с 2013 года существенным образом изменилась не только нормативная среда, но и контроль за качеством работ. Количество защит с 23 тыс. в 2012 г. сократилось до 9.3 тыс. в 2021 г. (Министр, 2022), то есть более чем в два раза. Напрямую с этим процессом связано сокращение численности диссертационных советов, которая упала с 3,3 тыс. в 2012 г. до 1,69 тыс. в 2022 г. (Официальный сайт ВАК РФ, 2022). И, наконец, нельзя не коснуться вопроса о стремительном росте отказов в присуждении ученых степеней по делам о защитах, поступивших в ВАК РФ, и лишении уже выданных ранее дипломов докторов и кандидатов наук. Так, только в 2021 году отделом жалоб «Диссернета» подано в Минобрнауки 550 соответствующих заявлений, из которых 270 было удовлетворено (диссертации признаны не состоя-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2017 г. №792-р «Об утверждении Перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым-четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»»

² Август 2022 года.

³ В ЮФУ он называется Аттестационная комиссия.

тельными), 26 отклонено, а 254 ещё находятся на рассмотрении (Диссернет, 2022). Сам ВАК РФ стал намного более тщательно проверять качество диссертаций и отказался от практики выборочной проверки, что также привело к возрастанию потока работ, по которым отраслевые экспертные советы рекомендовали не присуждать ученые степени.

Все перечисленное подтверждает, что в новых нормативных и социальных условиях требуется переосмысление концепта «диссертация». Причем мы предлагаем посмотреть на это понятие в традиционном ключе, через призму его квалификационной и научной составляющей. Ожидаемый прирост нового знания видим в добавлении термина «состоятельность», что позволит, как нам представляется, выйти на понимание условной достаточности качества диссертационного текста, соответствующего устоявшимся формальным и неформальным требованиям.

Квалификационные критерии состоятельности

Сформулируем небольшую гипотезу-спойлер. В нашем представлении диссертация является исследовательским проектом. Следовательно, ей присущи все признаки, которые характеризуют проектный характер работы в области науки: наличие проблемы, цель, задачи, гипотеза, разработанный категориальный аппарат, эмпирическое исследование, практические выводы. Сюда также следует добавить последовательность в решении задач и четко определенную внешнюю структуру.

Состоятельность данного проекта оценивается по квалификационным параметрам. Установить их применительно к диссертационной работе несложно. Для этого достаточно обратиться к нормативным документам. Основным источником, где определены формальные правила, уже упоминаемое нами Положение о присуждении ученых степеней. В пп. 9 и 10 этого документа дано четыре квалификационных критерия: 1) решение научной задачи; 2) предложение практических рекомендаций; 3) наличие внутреннего единства; 4) обеспечение прироста научных знаний. Эти же тезисы дословно повторяются в пп. 2.1 и 2.2 Положения о присуждении ученых степеней ЮФУ. Таким образом, диссертацию можно будет признать состоявшейся, если она написана в соответствии с указанными выше нормативными индикаторами.

Однако на практике оценка диссертационного текста встречает известные затруднения. И вызваны они бланкетной природой перечисленных выше тезисов. Понять их смысл можно исключительно в контексте выработанного предыдущими поколениями ученых стандартов и принципов научности. Опыт экспертной работы авторов статьи в различных диссертационных советах свидетельствует о том, что соискатели не очень хорошо понимают содержание квалификационных характеристик диссертации, а у каждого научного руководителя (консультанта) может быть свое видение того, как должны быть реализованы квалификационные признаки.

Следовательно, проблема приобретает конвенциональный характер. Единство в понимании квалификационных признаков диссертации зависит от способности ученых выработать общие подходы для их интерпретации. Авторы статьи предлагают свое видение заявленной проблемы.

Первый квалификационный критерий: решение научной задачи.

Применительно к данному аспекту все диссертации делятся на две основные разновидности: 1) ориентированные на декларацию новизны в предмете исследования и 2) нацеленные на новизну в *практических рекомендациях*.

В первой авторы ищут неисследованное предметное поле, которое ранее не было объектом внимания со стороны ученых. Основная задача определяется как приращение нового знания о каком-либо социальном феномене. Считается достаточным

описать его, выделить признаки, функции, причины, масштаб распространения и т.п. В рамках данного понимания заведомо снимаются все вопросы об актуальности научной задачи. Ученые стремятся познавать непознанное, и если где-то ещё остались неизученные лакуны, то их исследование уже само по себе способно претендовать на весомость вклада в науку. Подобное решение одновременно позволяет закрыть все вопросы и по четвертому тезису – обеспечению прироста научного знания (новизне). Подавляющее большинство диссертаций, по которым проводилась экспертиза, относятся к первому типу. Однако в практическом преломлении всё оказывается не так просто. Диссертаций пишется много, а неисследованных лагун выявляется значительно меньше. В результате соискатели оказываются вынужденными придумывать фиктивную новизну уже на этапе постановки проблемы: создаются избыточные термины, определяется несуществующее предметное поле или эклектично смешиваются несколько уже изученных предметных полей.

Под *избыточным термином* мы понимаем искусственно придуманное понятие, вокруг которого разворачивается работа над диссертацией. Это может быть использование не применяемого ранее в науке синонима или вовсе изобретение надуманного неологизма. Далее разрабатываются столь же искусственные доказательства, демонстрация эрудированности и текстуальная «вода».

Изучение *несуществующего предметного поля* – это ещё более высокий уровень фальсификации диссертационного исследования. Соискатели нередко заявляют, что тема их диссертации ещё не становилась предметом исследования. И часто это, действительно, соответствует истине. Однако если в качестве предметного поля определено что-то вроде «анализа мотивационных установок марсиан при уборке урожая картофеля», то такая тема едва ли могла заинтересовать кого-то из социологов, т.к. она абсурдна по своей сути или априори не может входить в сферу интереса социологов.

Придумывание *эклектичных предметных полей* – ещё один негативный опыт чисто технологического решения проблемы прироста научного знания. Его конструкция проста: «исследование... (предмет №1) в условиях... (предмет №2)». Сама идея применять подобного рода конструкции не содержит в себе ничего недопустимого. Проблемы с оценкой такой работы возникают, когда выясняется, что ее автор вместо одной диссертации фактически написал две микродиссертации. При таких обстоятельствах исследование не только не решает ни одну из актуальных социальных задач, но и дополнительно теряет внутреннее единство.

Вторая разновидность диссертации, когда авторы ориентированы не на поиск иллюзорной новизны, а на реальную социальную проблему. Под её изучение разрабатывается категориальный аппарат, проводятся полевые исследования, а в завершающей части предлагаются развернутые практические рекомендации по решению рассматриваемой социальной проблемы. Именно такой подход позволяет выйти на соответствие диссертационного проекта первому квалификационному признаку. Однако диссертации подобного типа встречаются крайне редко. Можно сказать, их практически нет. Сложившуюся ситуацию связываем с тем, что большая часть аспирантов и многие из соискателей в силу молодого возраста не имеют должного социального и профессионального опыта, и просто не знают какая из социальных проблем потенциально способна перерасти в текст, соответствующий значимости диссертационной работы.

Эти трудности можно решить через погружение в сложившийся научный дискурс и дальнейшее проведение собственного эмпирического исследования, что возвращает нас к исходному тезису о диссертации как исследовательском проекте.

Конечно, данная методика работы более трудоемкая и потребует большего объема времени, чем двухмесячный аврал перед выходом на предзащиту.

Второй квалификационный критерий: предложение практических рекомендаций. Если быть точным, то в абз. 2 п. 10 Положения о присуждении ученых степеней сказано буквально следующее: «В диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, – рекомендации по использованию научных выводов». Аналогичная норма содержится в абз. 2 п. 2.2 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ. Также важно обратить внимание на ещё один локальный документ ЮФУ. В пп. «г» п. 5.2 Положения об аттестационной комиссии ДАНК ЮФУ указано, что комиссия помимо прочих оснований создаётся для уточнения «практической значимости результатов исследования».

В каждой отрасли наук могут быть свои отдельные нюансы, определяющие отношение к практикоориентированности диссертации. Так, на одном из заседаний Аттестационной комиссии ДАНК ЮФУ было отвергнуто наше предложение перевести анализируемую норму из статуса бланкетной в норму прямого действия для экспертных комиссий диссертационных советов. Возражения последовали от представителя фундаментальных наук. Понять отказ от институционализации принципа практической полезности со стороны представителя математического сообщества несложно: математика – это универсальное знание для всех. Что касается социологии, то, по нашему мнению, *в умении* извлекать из анализа социальной проблемы практические рекомендации, потенциально способные решить эту проблему или хотя бы снизить её остроту, проявляется социальная *значимость* социолога, смысл профессиональной деятельности которого состоит не в интеллектуальном самолюбовании или каком-то индивидуальном развитии, а в повышении качества жизни общества. Проводимые социологами исследования должны содержать такой потенциал.

Нельзя сказать, что в диссертациях совсем игнорируется принцип практикоориентированности. В её презентационной части («Введении») имеется обязательный подраздел – «практическая значимость исследования». Однако необходимость текстуального заполнения этой части работы решается за счет двух нехитрых клише: соискатель либо рекомендует результаты своего исследования для совершенствования государственной политики, либо предлагает включить их в некий учебный курс, преподаваемый в высшей школе. Эти фразы стали настолько расхожими, что авторы диссертаций, не задумываясь и практически не изменяя формулировки, переносят их из текста в текст независимо от темы собственного исследования.

Преодоление данной проблемы станет возможным, если норму о практических рекомендациях связать с решением конкретной задачи, актуальность которой следует постулировать в первых же строках Введения. Практикоориентированность должна быть согласована с авторской темой исследования. С этой позиции считаем обоснованным и целесообразным последний подраздел (параграф) текста диссертации полностью посвятить вопросу практических рекомендаций. Это не только обяжет соискателя изначально задуматься над общественной пользой собственной работы, но и укрепит ее внутреннее единство.

Третий квалификационный критерий: наличие внутреннего единства. Данный тезис сформулирован в Положении о присуждении ученых степеней рамочно, без каких-либо разъяснений. Вместе с тем, опыт нашей работы в диссертационных советах дает возможность предположить, что внутреннее единство диссертации на первичном уровне должно обеспечиваться за счет органичной связи между теорией и практикой. К сожалению, в подавляющем большинстве работ такой связи не существует.

Данная проблема заложена в особенностях мышления людей, которые в большей мере проявляются именно в социогуманитарных науках. Мы имеем в виду естественным путем сложившуюся склонность одних к теоретическим умозаключениям, а других – к практической деятельности, остроумно названную И.В. Мостовой делением на «гнусных эмпириков» и «пошлых схоластов» (Волков, Мостовая, 1998). «Гнусные эмпирики» в своих работах делают акцент на прикладных исследованиях. Вначале прописываются полученные в ходе применения прикладных методов результаты, а затем над ними создается теоретическая конструкция, которая имеет сугубо ритуальное значение. Повышенное внимание к теории представляет полюс «пошлых схоластов». Здесь признаки ритуальности приобретает уже эмпирическое исследование. Его необходимость видится авторам исключительно в подтверждении, а не проверке, как того требуют правила научной этики, заявленной гипотезы. Эмпирический раздел выглядит избыточным приложением к разделу теоретическому, пишется формально, порой небрежно. Авторское исследование, как правило, отсутствует, а вторичные данные заимствуются не из находящихся в свободном доступе исследовательских баз, а из опубликованных в научных изданиях таблиц и графиков, что следует признать грубым нарушением правил социологического исследования. Такая практика не способна решить ни одной из задач, определенных соискателем в теоретической части диссертации.

Чтобы оптимизировать работу над текстом, предложим формальный (раз уж в этой части статьи говорится о квалификационных критериях) способ решения проблемы. Ещё раз вернёмся к нашему исходному определению диссертации как исследовательского проекта. В полном соответствии с этим концептом нами выдвигается принцип дифференциации процесса работы над диссертацией на логически завершённые, объединённые общим исследовательским замыслом модули. Он основывается на модульно-алгоритмическом подходе, в соответствии с которым каждый модуль текста имеет свои промежуточные задачи, четко определенную последовательность действий и прописывается в отведенную ему очередь, выступая основанием для перехода к последующему модулю. Разумеется, на любом этапе работы возможны дополнительные корректировки и нарушение т.н. очередности. Всегда нужна рефлексия на уже написанное. Способность же сохранить общий замысел и искомое внутреннее единство может быть достигнута, если у автора имеется четкое осознание идеи диссертации, о чем особенно важно задуматься на этапе конструирования концепции, а в идеале ещё перед формулировкой темы.

Ряд аспектов мы подробно уже раскрыли в другой статье, где говорится об алгоритме реализации замысла соискателя¹. Отдельно планируется подготовка статьи научно-методического характера о правилах обеспечения внутреннего единства. Здесь же будут предложены самые общие контуры сформулированного тезиса об алгоритмичности и модульности.

Внутренняя структура диссертации включает в себя пять основных модулей:

- 1) концепция как замысел (первая часть «Введения»);
- 2) теоретико-методологические основы (1 глава);
- 3) результаты эмпирического исследования (2 глава);
- 4) социологическая аналитика (3 глава);
- 5) концепция как результат (вторая часть «Введения»).

¹ Дятлов А.В, Ковалев В.В. Диссертация как научно-квалификационная работа: реализация алгоритма замысла соискателя // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2020. Том 13. №6. С. 282-293.

Первый модуль – концепция как замысел. Он состоит из темы, объекта и предмета исследования, дискурса по решаемой социальной задаче, актуальности, цели, методологической базы, задач, гипотезы, эмпирических методов. Очередность этапов работы дана в последовательности их представления. Цель первого модуля состоит в том, чтобы разработать концепцию диссертации в форме замысла. Если это сделать заранее, то у соискателя будет возможность осуществлять рефлексивную работу на обеспечение внутреннего единства текста при работе над последующими модулями.

Второй модуль – разработка теоретико-методологических оснований, то есть фактически вся первая глава диссертации, включающая в себя научный дискурс и методологический конструкт. Здесь необходимо сделать примечание. Раз уж мы говорим об алгоритмизации работы, то важно отметить, что второй модуль структурно находится в середине первого. С одной стороны, это вроде бы нарушает некую стройность замысла предлагаемой модели, но, с другой, на первых порах очень важно обеспечить максимальную точность формулировок, а первая глава связана с замыслом исследования в большей степени, чем последующие ее разделы. Поэтому часть текста диссертации пишется симметрично. Это касается, в первую очередь, таких фрагментов Введения, как «*степень разработанности научной литературы*», которая коррелируется с пар. 1.1 (анализ дискурса по решаемой социальной задаче), и «*методологическая база исследования*», напрямую проистекающая от пар. 1.2 (методологический конструкт исследования заявленного предметного поля). Пар. 1.2 важен даже не столько для того, чтобы можно было качественно прописать «*методологическую базу исследования*» во Введении, сколько для окончательного определения структуры предмета исследования, которая приобретает завершённые формы по итогам операционализации базовых понятий. Выход на структуру предмета, в свою очередь, даст возможность определить задачи применительно к эмпирической части диссертации.

Третий модуль – количественное измерение данных прикладного исследования. Оно включает в себя всю вторую главу. Здесь же для подтверждения достоверности полученных автором результатов дополнительно можно использовать вторичные данные. В идеальном варианте названия параграфов второй главы соответствуют наименованию эмпирических индикаторов. Поскольку последние есть результат, достигнутый благодаря редукции понятий, то искомое внутреннее единство между теоретическим разделом диссертации и её практической частью обеспечивается через эмпирические индикаторы. Задача совсем упростится, если структура опросника (гайда) будет соответствовать структуре эмпирических индикаторов, а следовательно, структуре предмета исследования.

Четвёртый модуль – раздел социологической аналитики. В этом модуле осуществляются интеллектуальные операции, результатом которых может стать определение причин неблагоприятных социальных процессов, выявление барьеров социального развития, характеристика факторов, способствующих неким общественным явлениям (пар. 3.1) а также разработка конкретных практических рекомендаций (пар. 3.2), обязательность которых предусмотрена квалификационными признаками диссертации. Завершение работы над четвёртым модулем венчается достижением поставленной цели, окончательная формулировка которой выстраивается в процессе разработки методологического конструкта.

Пятый модуль – концепция как результат. Сюда входят тезисы новизны; положения, выносимые на защиту; практическая и теоретическая значимость; апробация результатов. Обычно этот модуль вызывает наибольшие затруднения у соискателей. Однако если проводить необходимую рефлексивную работу по тексту, четко понимая по каким квалификационным признакам следует отчитываться по достижению результата,

данная часть исследования может быть написана без приложения каких-либо сверх усилий.

Предложенная алгоритмично-модульная концепция органично связана не только с обеспечением внутреннего единства диссертации, но и со всеми другими квалификационными критериями, включая «прирост научных знаний».

Четвертый квалификационный критерий: обеспечение прироста научных знаний.

В Положении о присуждении ученых степеней имеется несколько прямых дефиниций, которыми задаются универсальные для всех отраслей знания рамки, определяющие правила научной новизны:

- «новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки...» (абз. 2 п. 9);
- «...новые научные результаты и положения...» (абз. 1 п. 10);
- аргументированность решений «...по сравнению с другими известными решениями...» (абз. 3 п. 10).

Совершенно очевидно, что с такими формулировками (а иначе и быть не могло) экспертиза прироста нового знания остается всецело в компетенции узкоотраслевых специалистов. Между тем, это важнейший объект проверки со стороны эксперта, оцениваемый в первую очередь и с явным приоритетом относительно остальных квалификационных критериев. Здесь мы видим две потенциальные проблемы: предвзятость со стороны эксперта (рецензента, оппонента) и создание имитационной новизны соискателем.

О предвзятости многое говорить не видим смысла, т.к. данная проблема должна решаться в каждом отдельном случае за счет квалифицированного оппонирования некорректным умозаключениям эксперта (рецензента, оппонента). Эффективность противодействия подобного рода казусам зависит от качественных характеристик научного сообщества и соискателя ученой степени.

Что касается имитационной новизны, создаваемой соискателем, то данный аспект заслуживает более подробного обсуждения. Фальсификация прироста нового знания производится по разным причинам: из-за пробелов в изучении дискурса по решаемой задаче, подтасовки результатов эмпирического исследования, создания лишенных смысловой нагрузки понятий, использования надуманной наукообразности и др. Перечисленные практики широко распространены в диссертационном творчестве. Безусловно, с ними нужно бороться, т.к. от успешности их преодоления напрямую зависит состоятельность диссертаций. Во многом это вопрос профессиональной культуры. Но отчасти проблема порождается некоторой неопределенностью нормативных дефиниций.

В каждой отрасли знаний могут предлагаться свои подходы к их дополнительной интерпретации. Авторы статьи полагают, что наша модель работы над диссертацией также способна внести вклад в преодоление заявленных трудностей по обеспечению прироста нового знания. В соответствии с нашей концепцией, новизна обеспечивается на каждом этапе работы. Нужно только следовать рекомендациям научного руководителя по решаемым задачам внутри модулей и в полной мере выполнять все когнитивные операции. Так, в рамках первого модуля новизной станет разработка авторской концепции. Относительно второго модуля потенциал новизны реализуется через авторскую типологию множества предметных полей, которые сложились в дискурсе по решаемой социальной задаче. Это также даст соискателю возможность определиться со своим собственным предметом исследования. В этом же модуле разрабатывается методологический конструкт. Он создается под конкретный предмет исследования, декларированный в концепции диссертации, и его разработка вполне

может быть интерпретирована как прирост нового знания. Третий модуль обеспечивает новаторское качество диссертации за счет возможности произвести количественные замеры социальных явлений, которые всегда будут иметь инновационный характер, т.к. в их результатах неизбежно отражается изменившаяся социальная ситуация. Четвертый модуль дает прирост нового знания благодаря проделанной социологической аналитике (выделение барьеров, причин, факторов, а также подготовка практических рекомендаций). Пятый модуль проявляется в новизне положений, выносимых на защиту. Собственно, это кристаллизация самой новизны, которая технологически согласуется с заявленными во Введении задачами.

Научные критерии состоятельности

Научная состоятельность диссертации – это признание научным сообществом достаточности её качества для присуждения ученой степени. Определение научной состоятельности имеет процессуальную природу и обсуждается в несколько этапов.

Первичная оценка дается научным руководителем (консультантом), мнение которого не имеет императивной силы, но по устоявшейся традиции воспринимается как значимое. На научного руководителя возлагается обязанность оказывать квалифицированную помощь в подготовке диссертации. С учетом общего снижения качества преподавания в бакалавриате и крайне сомнительных успехов институционализации магистерской ступени подготовки обучающихся, мы вправе сказать, что без тесного сотрудничества соискателя и научного руководителя подготовить диссертацию, удовлетворяющую хотя бы квалификационным требованиям, едва ли возможно. Поэтому там, где такого тесного сотрудничества нет, итоговый продукт творчества соискателя, как правило, устоявшимся требованиям не соответствует.

После разрешительной санкции научного руководителя проводится «предварительная защита». Бытует мнение, что именно на этой стадии происходит «настоящая» защита диссертации, что подразумевает особо тщательное проведение научной экспертизы на соответствие стандартам качества. Однако данная позиция не подтверждается в реальных практиках. В частности, за два года функционирования диссертационного совета по социологическим наукам на базе ЮФУ из поступивших диссертаций ни одна не была готова к постановке на защиту по причине неудовлетворительного качества. Вместе с тем, к каждой из них прилагалось подписанное заведующим кафедрой, где была подготовлена диссертация, заключение. Это в равной мере касается как диссертаций, поступивших извне, так и предоставленных соискателями из ЮФУ. Сложившаяся ситуация свидетельствует либо о сознательном снижении уровня требований, либо об ухудшении позиций самого научного сообщества. Впрочем, одна причина другой не противоречит. Если диссертационный совет начинает работать как фабрика по производству диссертаций, то вполне квалифицированные ученые, сознательно снижающие уровень требований к себе и своим аспирантам (соискателям), постепенно, необратимо и незаметно для самих себя теряют квалификацию.

При подобных обстоятельствах высока вероятность возникновения конфликтных ситуаций, способных при их нарастании нарушить в конкретном структурном подразделении нормативный порядок присуждения ученых степеней, а в конечном итоге привести к закрытию диссертационного совета.

Мы видим несколько способов решения заявленной проблемы, которые хотим предложить в качестве предмета для обсуждения: 1) перенос основного потока предварительных обсуждений на кафедру, возглавляемую председателем диссертационного совета; 2) создание на уровне структурного подразделения, где действует дис-

сертационный совет, специальной межкафедральной комиссии, состоящей из наиболее квалифицированных сотрудников; 3) применение специальной ответственности к кафедре за выпуск на защиту соискателей с диссертациями, которые не соответствуют квалификационным и научным критериям состоятельности.

Первый вариант окажется эффективным только в том случае, если председатель диссертационного совета будет иметь высокий уровень научной компетенции, весомый авторитет среди коллег и не станет вступать в нелегитимные практики с целью организации «фабрики» по массовому производству диссертаций. В противном случае научный уровень диссертаций снизится до «большого реферата».

Второй вариант более предпочтителен, т.к. транспарентное обсуждение обладает явно выраженным антикоррупционным потенциалом. Кроме того, его эффективность особенно важна в сообществе с дефицитным количеством квалифицированных кадров. Слабость этого предложения состоит в отсутствии формальных оснований для его реализации на практике. Межкафедральная комиссия может быть создана только на основе неформальных соглашений, что предполагает наличие доброй воли между конфликтующими сторонами. В любом случае, избрание второго варианта не вправе подменять собой предварительное обсуждение диссертации на кафедре. В процессе кафедрального рассмотрения оно могло бы принять формат дополнительной доработки текста, т.к., во-первых, это обязательная нормативная процедура, во-вторых, не стоит пренебрегать ещё одной возможностью проверить диссертацию с иными участниками дискурса.

Третий вариант можно обозначить как логический переход к реализации второго предложения. Суть его сводится к вынесению запрета на предварительное обсуждение диссертаций на той кафедре, на которой были выданы необоснованные заключения. Под необоснованностью понимается рекомендация к защите двух и более диссертаций, которые признаны диссертационным советом несоответствующими формальным и научным критериям состоятельности. Это правило может быть реализовано лишь в отношении кафедр, расположенных в структурном подразделении, где создан диссертационный совет.

С момента принятия текста диссертационным советом начинается третий этап проверки научной состоятельности диссертации. Сюда входят предварительное рассмотрение (работа экспертной комиссии диссовета) и публичная защита. Прерогатива экспертной комиссии – установить соответствие паспорту специальности. В отношении публичной защиты в некоторых диссертационных советах сформировалось негласное правило, согласно которому она имеет постановочный характер. Главная работа, как считается, проводится на кафедральном предварительном обсуждении. Вне всяких сомнений, наиболее острые противоречия, возникшие в ходе дискуссии по поводу диссертации, надлежит преодолевать до публичной защиты. Но это не значит, что она должна превращаться в театральную постановку с прописанным сценарием и выученными ролями. Особенно актуально это для работ, которые поступают в диссертационный совет из других образовательных организаций. В их отношении должна проводиться полноценная экспертиза.

Последний этап проверки научной состоятельности текста диссертации связан с ходатайством о присуждении ученой степени. Оно подготавливается отраслевыми экспертными советами при ВАК РФ, а в образовательных организациях, получивших право на самостоятельное присуждение ученых степеней, аттестационной комиссией. Необходимость обязательного заседания экспертного совета установлена п. 41 Положения о присуждении ученых степеней и сводится к пяти позициям:

- 1) оппонент или ведущая организация представили отрицательный отзыв;

- 2) получен отрицательный отзыв на автореферат;
- 3) при голосовании в диссертационном совете за присуждение ученой степени проголосовали менее 75 процентов членов диссертационного совета;
- 4) требуется уточнить вклад автора диссертации в проведенное исследование, степень новизны и практической значимости результатов диссертационного исследования, а также наличие некорректных заимствований;
- 5) в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации поступило заявление о необоснованности присуждения диссертационным советом ученой степени кандидата наук.

Обобщение пяти перечисленных выше пунктов свидетельствует о том, что в своем итоговом решении экспертный совет опирается, главным образом, на оценку квалификационных признаков: наличие новизны, практической значимости результатов и т.п. Однако нетрудно заметить, что нормативные конструкции представлены так, что экспертная деятельность неизбежно выйдет далеко за рамки простой констатации новизны и практических рекомендаций. Специалисты, входящие в экспертный совет, должны убедиться в научной состоятельности диссертации. Прежде всего, об этом свидетельствует обязанность проверять «степень новизны» (именно степень, а не формальную констатацию новизны во Введении к диссертации) и «практическую значимость результатов» (именно реальную значимость, а не ее имитацию во Введении к диссертации).

В этой части статьи мы вступаем на зыбкую почву рассуждений о том, где находится та тонкая грань, которая отделяет субъективизм и предвзятость от объективного оценивания.

Есть мнение, что диссертации по социогуманитарным наукам должны, в первую очередь, быть адекватными квалификационным требованиям. Что касается научных критериев состоятельности, то в этих отраслях знаний слишком велико значение субъективизма, отсутствуют единые стандарты, нет четких законов и закономерностей, а следовательно, и ясных правил, по которым можно было бы сделать объективную оценку. Данная позиция справедлива, но лишь отчасти. Более того, есть ряд деталей, без уточнения которых высказанное суждение при его чрезмерной абсолютизации приведет к полной деградации научной составляющей не только в диссертационных исследованиях, но и в самой социогуманитарной сфере. Но обо всём по порядку.

Да, действительно, у гуманитариев нет столь же однозначно сформулированных законов и закономерностей, как у представителей технических, математических и естественных наук. Однако надо понимать, что законы научного мышления являются одинаковыми независимо от отраслевой принадлежности. Базис под гносеологию был заложен ещё Аристотелем. Разумеется, он не находился в вакууме, а вышел из античной традиции, где существовало много самых разных научных школ. Но именно в наследии Аристотеля наиболее ценные идеи оказались выстроены в единую непротиворечивую концепцию. Ему принадлежит описание четырех законов логики: закон тождества, закон непротиворечия, закон исключения третьего, закон достаточного основания. Аристотелем была предложена и подробно описана последовательность выстраивания теоретической модели: «понятие» → «суждение» → «умозаключение». Разработаны операции с понятиями, из чего уже в наше время сформируется операционализм как теория познания (Мединцев, 2022). Выделены десять категорий: качество, сущность, отношение, время, положение, страдание, обладание, количество, действие, место, из работы с которыми Аристотелем последовательно был выведен принцип, что любая теория создается через разработку авторского категориального аппарата (Слинин, 2013).

Основываясь на идеях Аристотеля, в европейской научной традиции постепенно сложились базовые критерии научности, имеющие универсальный для всех отраслей знания характер.

1. *Доказательность*. Каждое новое положение должно быть логически обосновано уже доказанными положениями, то есть соответствовать закону достаточного основания.

2. *Непротиворечивость*. Выводимые из работы с понятиями суждения не должны быть противоречивыми или тем более взаимоисключающими друг друга, что следует из закона непротиворечия.

3. *Эмпирическая проверяемость*. Все умозаключения, выведенные теоретическим путем, следует верифицировать с помощью практического исследования.

4. *Воспроизводимость полученной базы данных*. Полученное опытным путем знание может считаться научным, если его, воспользовавшись авторским инструментарием, подтвердит любой другой ученый, выполнив аналогичные исследовательские процедуры. В науке на этом основан принцип достоверности.

5. *Интерсубъективность*. Важное значение имеет признание научным сообществом полученных теоретических и/или практических результатов. В диссертационных исследованиях это проходит посредством апробации результатов и положительных отзывов на диссертацию и автореферат.

6. *Когерентность*. Научным признается знание, если оно не вступает в противоречие с системой сложившихся ранее знаний. Исключением из этого правила может быть период научных революций, когда ломаются старые научные системы и выстраиваются новые. При данных обстоятельствах старые представления о научности замещаются новыми и происходит переоценка того, что прежде сообщество отвергало.

7. *Эссенциальность*. Способность посредством описания сущности феноменов выйти на обоснование объединяющих их причинно-следственных связей. Здесь проявляется умение через логический объем понятий выстроить в структуре авторского категориального аппарата взаимосвязи на основе содержательно значимых признаков.

8. *Однозначность*. В теоретической части диссертации необходимо выдерживать единообразие в применении терминов, что предполагает выбор одной методологической платформы для разработки категориального аппарата. В эмпирическом разделе подразумевается четкость формулировок в рабочем инструментарии, чтобы не допустить вероятность получения не репрезентативной информации (Губанов, Губанов, 2016).

Описанные нами критерии вполне могут быть положены в основу оценки научной состоятельности текста диссертации и сыграть роль специальных маркеров, применяя которые эксперт сможет четко отграничить псевдонаучную, наукообразную, содержательно пустую диссертацию от подлинно научного исследования.

Впрочем, сделать это не так уж и просто. Любая экспертиза научной состоятельности диссертации представляет собой сложный, кропотливый труд, требующий особых познаний и определенного уровня интеллекта. Выяснить потенциальные возможности ученого работать в статусе эксперта можно через понятие «профессиональная культура исследователя». А.В. Лубский определяет его как метапрограмму научно-исследовательской деятельности, включающую в себя профессиональное мышление, профессиональную компетентность и профессиональное мастерство. Под профессиональным мышлением им понимается умение, посредством которого с помощью использования понятий, суждений и умозаключений выводится новое научное знание. Профессиональное мастерство рассматривается как способность к научному творче-

ству и, одновременно, научному ремеслу. Заслуживает отдельного цитирования определение профессиональной компетентности исследователя: «...это его интегративно-интеллектуальное и личностно обусловленное качество как субъекта профессиональной деятельности. Это – совокупность способностей (компетенций), необходимых для эффективной научно-исследовательской деятельности» (Лубский, 2017, с. 7-9).

Обратим внимание на то, что профессиональная культура характеризует субъектные свойства эксперта, необходимые, помимо прочих обязанностей, также для выполнения обязанности по оценке качества диссертационных работ. Подобная формулировка позволяет нам выйти на очевидную, но игнорируемую многими истину: установление научной состоятельности диссертации может осуществлять только тот субъект, который обладает высоким уровнем профессиональной культуры. Если искомого уровня нет, то научные требования к диссертации станут неизбежно снижаться, вплоть до полного выхолащивания научной составляющей из диссертационных текстов. Поэтому диссертационное творчество выступает важнейшим индикатором качественных характеристик научного сообщества. Чем ниже уровень диссертаций, тем ниже уровень профессиональной культуры ученых. И процесс этот взаимообусловленный. Снижение требований к научной деятельности делает бессмысленным приобретенный от предыдущих поколений научный потенциал. Он атрофируется и забывается. Само же сообщество постепенно и незаметно для себя деградирует.

Показательным в этом плане является нередко встречающееся суждение, что диссертационная работа должна быть прежде всего квалификационной. Обосновывается это уже упоминаемой нами чрезмерной субъективностью, неопределенностью гуманитарного знания. Однако в подобных формулировках опускается один важнейший аспект. Квалификационные требования сами по себе без их качественной интерпретации ничего не значат. Это всего лишь оценочные маркеры, некие ориентиры, которые призваны унифицировать, структурировать экспертную деятельность и сделать её более объективной. В ином случае, если вместо степени научной новизны и реальности практических рекомендаций, начнем оценивать лишь их формальное наличие (не говоря уже о других оценочных позициях), то в результате откроется шлюз для наукообразности и наукоподобия, которые лавиной хлынут в науку, но теперь уже на правах легитимных практик. На самом деле не так уж и трудно убедительно заявить о несуществующей проблеме, сымитировать новизну, добиться внешней логики в построении текста, отчитаться о практических рекомендациях, которые невозможно реализовать на практике. Поэтому не может быть формального соответствия квалификационным рамкам без уточнения их научной наполняемости относительно сложившихся критериев научности и принятых стандартов качества.

О критериях научности написано выше. Также сказано, что применить их в оценочной деятельности в состоянии лишь тот ученый, который обладает высоким уровнем профессиональной культуры. Кратко выскажемся о стандартах качества. Есть ли они в социогуманитарных науках? Без сомнения, но только в том случае, если данные стандарты кем-то принимаются. Речь идет о способности научного сообщества генерировать соглашения о правилах, в соответствии с которыми диссертация признается или не признается состоятельной. Безусловно, имеются универсальные критерии научности, но в каждой отрасли знания и в каждом отдельном сообществе (дабы избежать противоречий в толковании) необходимо выработать специфические правила и способы их обеспечения.

Дать инструментальное определение научного стандарта качества не так-то просто. Оно зависит от методологических оснований, на которых создается научное знание. Но поскольку наша статья написана в опоре на неопозитивистскую доктрину

операционализма, то задача несколько упрощается. Стандарт – это принятые в научном сообществе правила оценки результатов научной деятельности и нормы, регулирующие порядок научного творчества. Правила и нормы могут касаться совершенно разных аспектов: корректности использования методологии, способов конструирования гипотезы, обязательности проведения эмпирического исследования, формирования выборки, конкретизации практических рекомендаций, многомерности или одномерности методологического конструкта, допустимости автоплагиата в диссертациях и т.п. Любые стандарты либо спускаются сверху и регулируются формальными предписаниями, либо вырабатываются в процессе сотрудничества и действуют как неписанные нормативы. Крайне важно, чтобы научное сообщество могло действовать по второму сценарию. Ради этого необходимы методологические семинары, коллоквиумы, круглые столы, а также самое обычное застольное общение. Причем проходить они должны не в формате ритуальных встреч, а для решения конкретных задач, выработки общей позиции, снятия возникших противоречий. То есть так, как это было на протяжении нескольких столетий развития европейской науки (Баранец, Ершова, 2011).

Формально всё это в наличии и в наши дни, но фактически уже утратило изначальный смысл и имеет, как правило, сугубо имитационные цели: отчитаться по гранту, поучаствовать в зачетном мероприятии, получить баллы в личный рейтинг. То, что исходно считалось сферой академической автономии, в настоящее время заполнилось сугубо бюрократическими практиками. Коснулась эта проблема и деятельности диссертационных советов.

Обсуждение диссертаций также во многом приобрело ритуально-имитационный порядок. Поскольку диссертационные советы нередко возглавляют менеджеры, чрезвычайно далекие от науки, то соответствие диссертации принятым научным стандартам нередко проверяется в рамках патрон-клиентских отношений. Председатель диссертационного совета опирается на доверительное лицо, которое выступает в роли одушевленного стандарта качества, отвечающего перед патроном за соответствие текста диссертации минимальным научным требованиям. В результате научное сообщество постепенно отмирает за ненадобностью. Из-за отсутствия сфер общей деятельности происходит его атомизация и необратимое сужение состава до одного избранного руководством лица, чему дополнительно содействует разрушение механизмов, обеспечивающих кадровую преемственность, в первую очередь, аспирантской подготовки.

Наличие и применение научных стандартов качества, а также коллегиальное обсуждение текстов диссертации на предмет его соответствия принятым стандартам – обязательное условие, обеспечивающее профессиональную экспертизу научной состоятельности диссертационной работы. Любое требование, нацеленное на отказ от уточнения научной составляющей диссертации, объективно ведет к резкому снижению уровня социогуманитарной науки, которую во многом именно диссертационные советы обязаны поддерживать как естественным путем сложившаяся институциональная форма.

Результаты деятельности диссертационного совета словно лакмусовая бумажка публично проявляют способность научного сообщества держать на высоком уровне стандарты качества. То, что в последние годы резко увеличилось количество отказов со стороны ВАК в присуждении ученой степени по уже проведенным защитам, свидетельствует об актуальности анализируемой проблемы. Научным руководителям можно сколько угодно думать о баллах в личный рейтинг, а руководителям структурных подразделений о показателях эффективности вуза по аспирантским защитам, у ВАК

РФ (ДАНК как аналог в ЮФУ) имеются два неоспоримых инструмента воздействия на околонучную деятельность: отказ в присуждении ученой степени и закрытие диссертационного совета. Это не субъективизм, не карательная мера, не сведение счетов, а закономерная реакция, вызванная естественным желанием ученых оградить науку от девиантных и имитационных практик. Наша задача не допустить такого развитие событий. Но это намерение окажется не реализованным, если диссертационные советы будут пропускать работы с низким уровнем научной ценности.

Выводы

Подведем итог. Внешняя структура статьи предельна проста. Во Введении авторы ставят проблему снижения качества диссертационных работ и предлагают рассмотреть ее в контексте интерпретации квалификационных и научных критериев состоятельности диссертации как научного проекта.

Основная идея, которую отстаивали авторы статьи, состоит в искусственности разделения квалификационных и научных признаков диссертации. При нюансах и тонкостях в толковании данного типа работ это всегда должно быть научное исследование, написанное по определенным правилам. С формальной точки зрения правила определяют ее внешние особенности, с содержательной – уровень научности, достаточный в рамках конкретного сообщества ученых. Однако форма не существует без содержания, и диссертация, соответственно этому, не может признаваться состоятельной в случае наличия в ней только т.н. квалификационных требований. Содержание должно соответствовать качеству, а оно, в свою очередь, соизмеряется не только с формальными нормами (наличия гипотезы, новизны, деления глав на параграфы и т.п.), но и с выработанными в науке неформальными правилами, определенная часть которых признается обязательными в научной среде на протяжении уже более двух тысячелетий. Отказ от них приведет к имитационному функционированию социального института науки, т.к. они выступают фундаментом для результативной научной деятельности.

В статье разговор по большей части шел о квалификационных и научных критериях состоятельности диссертационной работы. Однако чтобы что-то оценивать, необходимо иметь концептуальное видение того научного объекта, который принято называть диссертацией. В нашем представлении – это именно исследовательский проект. К данному выводу мы пришли на основании категоризации формальных признаков, предъявляемых к диссертационному исследованию.

Для того, чтобы максимально полно выразить их в диссертационном исследовании, наиболее логично представить его в виде двух структурных элементов: теоретического и эмпирического разделов. Причем первый по своему функциональному значению должен быть ориентирован на разработку инструментария для эмпирического исследования. Безусловно, теория также имеет самостоятельное значение. В основном, оно проявляется в разработке авторской терминологии. Но даже это следует обосновывать с позиции полезности в эмпирической работе. Не подлежит сомнению и то, что без авторского категориального аппарата эмпирический раздел неизбежно превратится в изучение общественного мнения, что не соответствует уровню требований, предъявляемых к диссертации. Одним словом, должным образом разработанный теоретический раздел обеспечивает необходимый потенциал, который можно конвертировать в прирост научного знания в ходе полевой работы. Но приоритетное значение в структуре диссертационного текста всё-таки принадлежит практическому разделу. Именно в процессе эмпирических исследований решаются основные социальные задачи, актуализирующие необходимость написания самой диссертации.

С актуальности начинается работа над диссертацией, ею же во многом она и заканчивается, когда автор предлагает практические рекомендации, способные снизить масштаб выявленной и подтвержденной в процессе эмпирического исследования социальной проблемы.

Безусловно, это лишь отдельный взгляд на суть вопроса о характере диссертации как научного жанра. Мы не отрицаем возможность других подходов, т.к. сознательно сужаем свою модель до исследования, ориентированного по преимуществу на практическую полезность. Но ценность данного подхода видим в сложившейся социальной ситуации, в которой принципиально новых и неисследованных социальных феноменов практически не осталось. То время, когда диссертации по внешнему подобию практически ни чем не отличались от монографического жанра, осталось в прошлом. Сейчас диссертационная работа не может иметь описательного характера. Требуется смещение исследовательского фокуса от оценки явления к анализу социальных проблем, порождаемых явлением. На решение этой задачи направлена предложенная к рассмотрению модель диссертации.

И, как финальный вывод, авторское инструментальное определение. Диссертация – это написанная в форме исследовательского проекта и с целью получения ученой степени научно-квалификационная работа, состоятельность которой проверяется по принятым в научном сообществе стандартам в процессе прохождения предварительной защиты на кафедре, в ходе заседаний диссертационного совета, а также контрольных проверок уполномоченных органов.

Литература

- Баранец Н.Г., Ершова О.В. (2011). О стандартах научной деятельности. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, 3, 51-57.
- Большой Энциклопедический Словарь (1991). *Гл. ред. А.М. Прохоров*. М.: Советская энциклопедия. Т. 1.
- Волков, Ю.Г., Мостовая, И.В. (1998). *Социология*. М.: Гардарики.
- Громыко, В.В. (2016). Методология написания диссертационной работы. *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*, 3, 3-15. DOI: 10.21686/2413-2829-2016-3-3-19
- Губанов, Н.Н., Губанов, Н.И. (2016). Критерии в системе научного знания. *Гуманитарный вестник*, 2, 3-12.
- Донецкая, С.С. (2017). Реформа ничего не изменила: современные итоги реформирования российской системы присуждения ученых степеней. *ЭКО*, 10, 139-150.
- Иванова, С.В. (2013). Методологические аспекты научного исследования и подготовка диссертационных работ. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 2, 60-72.
- Кузин, Ф.А. (2000). *Диссертация: методика написания, правила оформления, порядок защиты*. М.: Ось-89.
- Лубский, А.В. (2015). Как не следует писать диссертацию, или зачем надо разрабатывать концепцию диссертационного исследования. *Гуманитарий Юга России*. 2(1), 203-215.
- Лубский, А.В. (2017). *Методология социального исследования*. М.: Инфра-М.
- Мардахаев, Л.В. (2012). Методология диссертационного исследования и его оценка. *Научные исследования в образовании*, 10, 20-28.
- Мединцев, В.А. (2022). Современный операционализм в интеграционной перспективе. *Теоретические достижения в психологии*, 16, 99-104. DOI: 10.24412/2616-6860-2022-2-99-104.
- Резник, С.Д. (2011). *Как защитить свою диссертацию*. М.: ИНФРА-М.
- Сирина, Н.Ф. (2011). *Кандидатская диссертация: от первых шагов до защиты*. Екатеринбург: УрГУПС.
- Слинин, Я.А. (2013). *Аристотель и онтологические основания логики*. М.: Наука.
- «Диссертнет»: итоги года – 2021. Официальный сайт «Диссертнет». Режим доступа: <https://www.dissernet.org/publications/final2021.htm>.
- Министр науки и высшего образования РФ сообщил об увеличении спроса на обучение в аспирантуре (2022). Федеральный научный центр биологических систем и агротехнологий Российской академии наук. Режим доступа: <http://fncbst.ru/?p=12145>.
- Официальный сайт ВАК РФ. Режим доступа: <https://nauka.tass.ru/nauka/4868705>.
- Фальков заявил о сокращении количества защит диссертаций в ведущих вузах России (2021). Официальный портал ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/12971743?utm>.

References

- Baranets N.G., Ershova O.V. (2011). On standards of scientific activity. *News of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 3, pp. 51-57.
- Gromyko, V.V. (2016). Methodology of dissertation writing. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 3, 3-15. DOI: 10.21686/2413-2829-2016-3-3-19
- Donetskaya, S.S. (2017). Reform did not change anything: modern results of the reform of the Russian system of awarding academic degrees. *ECO*, 10, pp. 139-150.
- Ivanova, S.V. (2013). Methodological aspects of scientific research and the preparation of dissertations. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2, pp. 60-72.
- Kuzin, F.A. (2000). Dissertation: methodology of writing, rules of registration, order of protection. Moscow: Os-89.
- Lubsky, A.V. (2015). How not to write a dissertation, or why you should develop the concept of dissertation research. *The Humanitarian of the South of Russia*. 2(1), pp. 203-215.
- Lubsky, A.V. (2017). Methodology of social research. Moscow: Infra-M.
- Mardakhaev, L.V. (2012). Dissertation research methodology and its evaluation. *Scientific research in education*, 10, pp. 20-28.
- Medintsev, V.A. (2022). Modern operationalism in the integration perspective. *Theoretical Achievements in Psychology*, 16, 99-104. DOI: 10.24412/2616-6860-2022-2-99-104.
- Reznik, S.D. (2011). How to Defend Your Dissertation. MOSCOW: INFRA-M.
- Sirina, N.F. (2011). Candidate's dissertation: from the first steps to protection. Yekaterinburg: UrGUPS.
- The Great Encyclopedic Dictionary (1991). Ed. by A.M. Prokhorov. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. volume 1.
- Volkov, Y.G., Mostovaya, I.V. (1998). Sociology. Moscow: Gardarika. Official website of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Available at: <https://nauka.tass.ru/nauka/4868705> (time of visiting the resource – 23.08.2022).
- "Dissertnet: the results of the year – 2021. Official website of Dissertnet. Available at: <https://www.dissertnet.org/publications/final2021.html>.
- Falkov stated about the reduction of the number of dissertation defenses in Russia's leading universities (2021). TASS official portal. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/12971743?utm>.
- Minister of Science and Higher Education of the Russian Federation reported an increase in demand for postgraduate education (2022). Federal Scientific Center of Biological Systems and Agrotechnologies of the Russian Academy of Sciences. Available at: <http://fncbst.ru/?p=12145>.

Дата получения рукописи: 17.10.2022

Дата окончания рецензирования: 31.10.2022

Дата принятия к публикации: 03.11.2022

Информация об авторах

Ковалев Виталий Владимирович – доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Дятлов Александр Викторович – профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой регионального управления и экономической социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: avdyatlov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Associate Professor, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Dyatlov Alexander Victorovich – Professor, Doctor of Sociology, Head of the Department of Regional Management and Economic Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: avdyatlov@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.4

DOI:10.18522/2658-5820.2022.2.2

EDN EBOHDJ

**Общественное здоровье как ресурс стабильного развития
российского социума: риски и угрозы****Ольга М. Шевченко¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: olgashv2007@yandex.ru**Людмила Л. Штофер²**²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: filosofiya327@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В статье анализируются состояние и риски общественного здоровья как основы устойчивого социально-экономического развития и конкурентоспособности страны. Критериями общественного здоровья выступают как объективно-физиологические показатели функционирования организма человека, так и широкий спектр социокультурных характеристик личности, связанных с ее духовно-нравственными установками, определяющими сферу отношений человека и общества, а также человека и природы. Авторы выделяют основные факторы, оказывающие влияние на общественное здоровье: материальные (состояние экономики и экологии, демографическая ситуация, доступность современного медицинского обслуживания); духовные (мировоззренческие установки, общественная идеология, нравственные ценности); технико-технологические (биомедицинские и цифровые) ресурсы.

Методы. Исследование опирается на междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать данные различных областей научного знания; на неоклассическую модель научного исследования, позволяющую применить холистический подход к изучению общественного здоровья как синтезу биологических и социальных показателей состояния здоровья населения; рискологический подход, позволяющий исследовать риски и угрозы общественному здоровью.

Результаты и их обсуждение. Показатели общественного здоровья в современном российском социуме свидетельствуют о слабой сформированности ценностного отношения к здоровью как на индивидуальном-личностном, так и на государственном уровнях. Объективно низкий уровень культуры здоровья является следствием кризиса не только в социально-экономической, но и в духовно-нравственной сфере российского общества, а воспроизводство этого ценнейшего ресурса развития носит во многом стихийный характер.

Ключевые слова: общественное здоровье; риски здоровью; фрустрация; медицина; состояние экосистемы; биомедицинские технологии; геновая инженерия; цифровые технологии; психоэмоциональное здоровье.

Для цитирования: Шевченко О. М., Штофер Л. Л. (2022). Общественное здоровье как ресурс стабильного развития российского социума: риски и угрозы. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 30-40. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.2>

**Public Health as a Resource for the Stable Development of the Russian Society:
Risks and Threats****Olga M. Shevchenko¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: olgashv2007@yandex.ru**Ludmila L. Shtofer²**²Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
e-mail: filosofiya327@yandex.ru**Abstract**

Introduction. The article analyzes the state and risks of public health as the basis for sustainable socio-economic development and the country's competitiveness. The criteria of public health are both objective physiological indicators of the functioning of the human body, and a wide range of socio-cultural characteristics

of the individual associated with his spiritual and moral attitudes that determine the sphere of relations between man and society, as well as man and nature. The authors identify the main factors influencing public health: material (the state of the economy and ecology, the demographic situation, the availability of modern medical care); spiritual (ideological attitudes, social ideology, moral values); technical and technological (biomedical and digital) resources.

Methods. The study is based on an interdisciplinary approach that allows integrating data from various areas of scientific knowledge; to the neoclassical model of scientific research, which makes it possible to apply a holistic approach to the study of public health as a synthesis of biological and social indicators of the state of health of the population; a risk approach that allows to explore the risks and threats to public health.

Results and its discussion. Indicators of public health in modern Russian society testify to the weak formation of the value attitude to health both at the individual-personal and at the state levels. The objectively low level of health culture is the result of a crisis not only in the socio-economic, but also in the spiritual and moral sphere of Russian society, and the reproduction of this most valuable development resource is largely spontaneous.

Keywords: public health; health risks; frustration; medicine; state of the ecosystem; biomedical technologies; genetic engineering; digital technologies; psycho-emotional health.

For citation: Shevchenko O.M., Shtofer L. L. (2022). Public Health as a Resource for the Stable Development of the Russian Society: Risks and Threats. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 30-40. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.2>

Введение

Среди факторов, влияющих на устойчивость социальной системы, правомерно выделить общественное здоровье, являющееся безусловной ценностью. Именно оно определяет не только эффективное функционирование общества, но и его развитие в будущем.

Практика развитых стран показывает, что основой социально-экономической успешности и конкурентоспособности страны не в последнюю очередь является здоровье людей, в то время как его значительное ухудшение может угрожать безопасности государства.

Общественное здоровье не сводится исключительно к физиологическим параметрам функционирования человеческого организма, включая также социокультурные характеристики (ценностно-мировоззренческие установки, нравственные принципы, социально-профессиональные качества и др.).

Поскольку вызовы, с которыми столкнулась Россия, требуют мобилизации всех ресурсов, важнейшим из которых является человек, проблема общественного здоровья приобретает особую актуальность.

Теоретические основы и методы исследования

В статье использованы положения теории Т. Парсонса, позволяющие рассматривать здоровье человека как важнейший элемент функционирования социальной системы (Parsons, 1951); положения теории социального капитала (Shultz, 1971; Becker, 1964), которые дают основания рассматривать общественное здоровье как ресурс развития человека и социума; неинституциональный подход (Норт, 1997), дающий возможность исследовать роль социальных институтов в обеспечении общественного здоровья; рискологический подход (Бек, 2000; Луман, 1994), позволяющий установить и охарактеризовать основные риски общественному здоровью.

Данные подходы представляются концептуальными для исследования специфики и рисков общественному здоровью как ресурсу стабильного развития российского социума.

Результаты исследования и их обсуждение

Значительное внимание осмыслению здоровья уделяется в социологическом дискурсе, поскольку сама социология позволяет охватить широкий круг вопросов от сущности медицины как инструмента поддержания социального равновесия посред-

ством осуществления общественного контроля за физическим и психическим состоянием населения.

Современная социология акцентирует внимание на ряде проблем, связанных медициной как социальным институтом, выполняющим специфические функции по диагностике и лечению заболеваний, а также изучает факторы, связанные со здоровьем и болезнями человека от объективных (экономических, экологических, демографических) до субъективно-личностных (осознанных установок на здоровый образ жизни).

Заслуживает внимания интерпретация здоровья как обобщенной характеристики удовлетворенности/неудовлетворенности индивида собственным социальным положением, включая безопасность существования и развития, не сводимые исключительно к материально-физическим факторам (Gafiatulina, Vorobyev, Imgrunt, Samygin, Latysheva, Ermakova, Kobysheva, 2018.).

Демографический аспект проблемы здоровья сопряжен с исследованием корреляции между проектами реформирования медицины и здоровьем населения, а также влиянием динамики рождаемости на уровень материального достатка людей (Журавлева, Иванова, 2009; Ниворожкина, Абазиева, 2008).

В рамках социально-экономических исследований проблема здоровья рассматривается как значимый элемент социального капитала (Shultz, 1971; Becker, 1964), а общественное здоровье – как экономический ресурс государства (Иванова, 2011; Ефремова, 2007).

Социологи выделяют в структуре здоровья несколько уровней – биологический, врожденно обусловленный, обеспечивающий успешность первоначальной адаптации к внешним условиям; социальный, связанный с активно-деятельностным отношением к миру; личностно-психологический, основой которого выступает система взглядов относительно образа жизни и сознательный выбор его позитивной версии (Андрющенко, 2015).

Резюмируя взгляды исследователей, можно прийти к выводу, что общественное здоровье представляет единство позитивных биологических (физическое здоровье индивида, хорошая экология) и социокультурных факторов (стабильная экономическая и демографическая ситуация, уровень развития медицины, позитивный психоэмоциональный общественный климат, определяющие успешность социализации индивида). Подобное единство, аккумулированное в феномене общественного здоровья, способствует эффективному функционированию социальной системы и обеспечивает возможность её дальнейшего развития.

В любом обществе, включая российское, общественное здоровье следует рассматривать в предельно широком контексте, включающем материальные (состояние экономики и экологии, демографическая ситуация, доступность современного медицинского обслуживания), духовные (мировоззренческие установки, общественная идеология, нравственные ценности) и технико-технологические (биомедицинские и цифровые) аспекты социального бытия.

В настоящее время проблема здоровья российской нации является одним из приоритетов развития страны. Среди факторов, влияющих на состояние общественного здоровья, первое место, по праву, принадлежит медицине, наличный уровень которой по-прежнему крайне низок.

В качестве причин можно отметить развал советской системы здравоохранения и неудачные попытки её реформирования в постсоветский период посредством создания страховой медицины. Замена бесплатного для населения медицинского обслуживания, напрямую финансируемого государством, деятельностью страховых компаний оказалась малоэффективной. Фактически между непосредственным потребителем медицинских услуг – гражданином страны – и медицинской структурой,

предоставляющей подобные услуги, оказался посредник – страховая компания, преследующая, как и любая бизнес-структура, не гуманитарные, а коммерческие цели. В результате ощутимо сократился перечень предоставляемых населению бесплатных услуг и, напротив, значительно вырос удельный вес медицинских услуг, предлагаемых на возмездной, и, чаще всего, безальтернативной основе.

В постсоветский период возникло значительное количество частных медицинских клиник, имеющих различную профильную направленность. С точки зрения влияния на общественное здоровье данное явление следует признать амбивалентным. С одной стороны, на рынке медицинских услуг возникла конкуренция, что позитивно влияет на их стоимость и разнообразие, с другой – имеют место многочисленные случаи предоставления услуг ненадлежащего качества, ведущих не только к потере потребителем денежных средств, но и здоровья, а иногда и жизни. В качестве причин выступают отсутствие должного контроля со стороны надзорных органов, халатность медперсонала, подчас откровенно низкий уровень его квалификации, включая отсутствие такового (поддельные дипломы о высшем медицинском образовании).

Имеет место крайняя неравномерность размещения специализированных медицинских центров. Во-первых, крупнейшие столичные медицинские центры «оттягивают» наиболее квалифицированную часть медицинских работников из провинции (более высокий уровень оплаты труда, возможность карьерного роста, новейшее оборудование и др.), что ставит в неравное положение жителей столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) и иных городов России, формально имеющих равное право на получение медицинской помощи самого высокого уровня в пределах своего региона (края, области). Во-вторых, локация специализированных медицинских центров в столичных городах (Москва, Санкт-Петербург) и крупных областных центрах делает крайне затруднительным доступ к высокотехнологичной помощи для жителей малых городов и сельских населенных пунктов. Последние, в настоящее время, подчас не имеют доступа к элементарному медицинскому обслуживанию (из-за нерентабельности в сельских поселениях закрываются фельдшерские пункты и родильные дома). Данное обстоятельство, негативно влияющее на общественное здоровье, чрезвычайно характерно для России с её огромной и исторически мало обжитой территорией, концентрацией крупных населенных пунктов, включая столицы, преимущественно в Европейской части страны.

В 2020 году Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) провел опрос, посвященный оценке системы здравоохранения среди одной тысячи россиян. Результаты данного опроса показывают следующее: на вопрос о состоянии российского здравоохранения в целом половина респондентов (49%) ответили, что дела обстоят «плохо», лишь 10% заявили об обратном. Об удовлетворительном состоянии системы здравоохранения заявили 35% опрошенных, 42% респондентов считают низким уровень квалификации и профессионализм современных российских врачей, высоко оценили квалификацию врачей 36% участников опроса, 37% участников опроса считают, что после пандемии коронавируса российская система здравоохранения будет работать лучше, чем до нее. В то же время, 46% респондентов придерживаются мнения, что улучшений в работе российского здравоохранения не предвидится, а 6% думают, что станет только хуже (ФОМ: 42% опрошенных россиян заявили о низком уровне квалификации врачей, 2020).

Очевидно, что в сфере медицинского обслуживания сложился комплекс проблем, решение которых находится в зоне ответственности государства.

Вместе с тем, следует признать, что общественное здоровье не сводится лишь к состоянию медицины. Её значимость в решении обозначенной выше проблемы не превышает десяти процентов, в то время как оставшиеся девяносто распределяются между экономической, политической, и духовной сферами.

Поскольку системный кризис, ставший следствием распада СССР, затронул все сферы, он оказал негативное воздействие на морально-психологический климат в стране, вызвав состояние фрустрации и депривации, носящее массовый характер. Невозможность удовлетворения базовых психофизиологических и социальных потребностей, прежде всего в безопасности (физической и духовной), стабильности (экономической и политической), человекомерной коммуникации и т.п. в той или иной степени затронула все социальные группы.

Среди наиболее значимых причин негативных изменений можно выделить три. Первая связана с распадом союзного государства, в результате которого население бывшей сверхдержавы испытало социальную травму. В результате унижения национального достоинства со стороны не только идеологических противников, но и вчерашних союзников, чувство гордости за страну и принадлежность к ней было вытеснено самоуничтожением. В результате в общественных умонастроениях на длительный период закрепились представления о собственной отсталости и ущербности, необходимости отречься не только от советского прошлого, но и от российской идентичности как таковой.

В условиях ослабления центральной власти серьезный урон претерпел системообразующий для советского государства принцип интернационализма. Культивируемая советской политической идеологией дружба народов пала под ударами активизировавшихся национальных элит, сделавших ставку на этнокультурные различия. В подобной ситуации актуализировались наиболее архаичные идентификационные модели (этнические и этно-религиозные), в общественном сознании народов и народностей возобладали первобытные дихотомии «мы» – «они», «свои» – «чужие». Как результат, складывавшееся десятилетиями межэтническое доверие, источником которого выступала совместная продуктивная деятельность на благо социально-политического целого, было вытеснено враждебностью, породившей чувство тревоги и ощущение перманентной опасности, исходящей от любых «иных».

Вторая причина, имевшая экономическое основание, связанная с разрушением планово-директивной и становлением конкурентной рыночной экономики, привела к обнищанию и люмпенизации значительной части населения, вызванных массовой безработицей, а также к чудовищной имущественной дифференциации, ставшей следствием грабительской приватизации. В результате, во-первых, коллективистские идеалы оказались вытеснены воинствующим индивидуализмом; во-вторых, был нарушен фундаментальный принцип социальной справедливости, основой которого выступала оценка по заслугам (в постсоветский период честный труд утратил общественную значимость и нравственную ценность, мерилom социального успеха была, по умолчанию, признана способность безнаказанно присвоить максимальный объем национальных богатств).

Восторжествовавший вещный характер отношений, провозглашение материального богатства единственным критерием человеческой значимости, обесценивание духовной составляющей социального бытия вызвало у представителей старшего поколения широкий спектр негативных переживаний (от апатии и ощущения напрасно прожитой жизни до активного неприятия общественных трансформаций), а у трудоспособного – тревогу, порожденную наличным состоянием и неопределенностью дальнейших перспектив.

Третья причина оказалась связана с распространением массовой культуры и коснулась преимущественно молодого поколения. Молодежь позднего советского периода, утратившая веру в коммунистические идеалы и не имевшая прочного ценностно-мировоззренческого фундамента, стала объектом манипулятивного воздействия. В условиях идейного вакуума и появления широкого спектра соблазнов она пала жертвой замещения традиционных для страны духовно-созидательных приоритетов приоритетами разрушительно-гедонистическими. В результате некритиче-

ского восприятия предлагаемого псевдодуховного «продукта» в молодежной среде распространились деструктивные мировоззренческие установки и асоциальные практики, ставящие под вопрос ценность здоровья и даже самой жизни, прежде всего, проституция, наркомания, игромания и др.

Среди факторов, оказывающих негативное влияние на здоровье россиян в настоящее время, можно выделить следующие. Политико-экономические трансформации второй половины 80-х гг. привели к резкому сокращению рождаемости и увеличению смертности населения, вызвав демографический «провал» 90-х гг. XX в. и демографическую «яму» 10-х гг. XXI в. Попытки государства исправить ситуацию посредством социальных программ, призванных стимулировать рождаемость (материнский капитал, увеличение выплат на детей и др.), слабо коррелируются с уровнем развития медицины, высокими ставками ипотечного кредитования и низким уровнем заработной платы лиц трудоспособного возраста, сокращением бюджетных мест в системе средне-специального и высшего образования, нестабильностью российского рынка труда в целом.

В настоящее время усилился отток высококвалифицированных кадров (прежде всего молодого поколения) за пределы страны. Стремлению талантливой молодежи к самореализации, особенно в сфере теоретической и прикладной науки, включая современные технологии, в настоящее время противостоят нарастающее технико-технологическое отставание России от ведущих мировых держав и усиливающиеся изоляционистские тенденции. Все это свидетельствует о серьезном социальном неблагополучии, которое выражается в чувстве неудовлетворенности наличным состоянием у наиболее перспективной части общества и угрожает общественному здоровью как ресурсному потенциалу развития общества и государства.

Разнонаправленность политико-экономических интересов национально-государственных образований, возникших на территории бывшего СССР, на протяжении трех последних десятилетий приводит к локальным вооруженным конфликтам, имеющим несколько следствий, опасных для социального здоровья. Во-первых, любой вооруженный конфликт ведет к разрушению инфраструктуры и необходимости её восстановления после завершения военных действий. Поскольку источником финансирования является бюджет страны, увеличение нагрузки компенсируется за счет уменьшения средств, выделяемых, прежде всего, на социальные программы (здравоохранение, образование, культура). Во-вторых, военные действия приводят к значительным людским потерям, связанным с гибелью, прежде всего, мужчин трудоспособного и детородного возраста. В-третьих, вооруженные конфликты на длительный период времени укрепляют в сознании общности представление о социальном насилии как общественной норме и единственном способе решения возникающих проблем. Использование моральной риторики (конфликт как борьба со злом и восстановление справедливости) лишь усугубляет ситуацию, ведет к её эскалации, поскольку в результате демонизации противника происходит разжигание экстремизма и ксенофобии, резко снижающих возможность перехода конфликта в фазу мирного диалога и стабилизации социальной ситуации (Шевченко, Штофер, 2015).

Сокращение финансирования социальных программ, усугубление диспропорции между мужской и женской частью населения, актуализация социальной агрессии крайне негативно влияют на общественное здоровье, поскольку снижают качество жизни, лишают значительную часть населения возможности полноценного семейного счастья, приводят к забвению гуманистических идеалов и ценностей.

Среди проблем, негативно влияющих на здоровье россиян, присутствуют как характерные для нашей страны, так и для современного мира в целом. Последние связаны с экологией и технико-технологическими трансформациями.

Источником экологических проблем, по мнению исследователей, является, во-первых, человеческая деятельность, оказывающая негативное влияние на состояние природной среды и ведущая к оскудению ресурсного потенциала планеты, во-вторых, урбанистический тренд цивилизационного развития (Шевченко, Штофер, 2021).

Как первый, так и второй факторы, связанные с экологией, негативно влияют, прежде всего, на физическую и эмоционально-психологическую составляющие общественного здоровья населения.

Невосполнимый урон физическому здоровью наносит загрязнение трех взаимосвязанных сред: воздуха, водоемов, почвы. Вредные выбросы в атмосферу и разрушение озонового слоя связаны с деятельностью промышленных предприятий и лавинообразным увеличением количества транспортных средств (прежде всего, парка личного автотранспорта). Водная система страдает, прежде всего, от неочищенных стоков, связанных с деятельностью промышленных предприятий. Основными источниками загрязнения почвы являются аграрная деятельность (применение химических средств для выращивания сельхозпродукции) и мусорные полигоны.

Неукоснительное выполнение производителями промышленной и сельскохозяйственной продукции законодательно закрепленных природоохранных мероприятий и соблюдение принципов разумного потребления населением могут стать выходом из создавшегося положения.

Неравномерность нагрузки на экосистему обусловлена значительным увеличением концентрации населения в местах, привлекательных для проживания и экономической деятельности. Набирающая темпы урбанизация оказывает негативное влияние не только на природу (сокращается биологическое разнообразие флоры и фауны), но также на физическую и эмоционально-психологическую составляющие общественного здоровья. Житель мегаполиса или городской агломерации сталкивается не только с проблемой загазованности воздуха, низкого качества питьевой воды, отсутствия экологически чистой сельскохозяйственной продукции, но и с чрезвычайно высокой плотностью населения на единицу площади и стремительным увеличением темпа жизни. Последние факторы оказывают разрушительное воздействие на нервную систему и психосоматику (возрастает число невротических расстройств, депрессивных состояний, суицидальных попыток, усиливается социальная агрессия и др.).

В современном мире увеличиваются риски здоровью людей, связанные с технологическими аспектами социального развития, прежде всего, с биомедицинскими и цифровыми технологиями.

В научном дискурсе речь все чаще идет о трансформации биосферы в техносферу, что способно привести к ликвидации человека как биологического вида: происходит вытеснение человека из его жизненного мира; из субъекта деятельности он превращается в его фактор и агента; мы подошли к порогу ликвидации человека как уникальной формы жизни (Кутырев, 2015).

Как и любой феномен, являющийся результатом человеческой деятельности, роль современных технологий амбивалентна. С одной стороны, она позволяет решить ранее неразрешимые проблемы, с другой – способствует возникновению новых.

Рассматривая воздействие техногенного фактора на общественное здоровье, исследователи выделяют в этом процессе две тенденции: во-первых, негативное влияние созданной человеком техносферы на развитие патологических процессов и заболеваний; во-вторых, стремление человека вернуть себе здоровье с помощью инновационных технологий (Галочкина, 2017). Подобная ситуация создает дилемму между естественным и искусственным, заставляет человечество определиться с приоритетами.

Современное технологическое развитие, направленное на поиск способов борьбы с различными заболеваниями и увеличение продолжительности жизни, привело к появлению биотехнологий, активно используемых в медицине и фармакологии. В их основе лежит генная инженерия, цель которой состоит в получении биологических структур с программируемыми, передающимися по наследству свойствами, которые невозможно получить традиционными методами селекции (Соколов, 2009).

Развитие биотехнологий, включая технологии биомедицинские, меняет отношение к человеческому телу. Последнее начинает рассматриваться как механическая система, которую можно «отремонтировать» путем либо генетического вмешательства, либо в результате трансплантации органов. В подобной ситуации возникает вопрос о демаркационной линии, разграничивающей лечение в привычном понимании этого слова и биотехнологическую модернизацию человеческой телесности, а также о «цене» вопроса. Генетическое вмешательство способно пресечь цепь неизлечимых традиционными методами наследственных заболеваний, а трансплантология – сохранить жизнь в ситуации отказа того или иного элемента человеческого организма. Однако, отдаленные последствия вмешательства в геном человека непредсказуемы, а трансплантология сопряжена с рисками использования человеческого тела как набора донорских органов (Юдинов, 2010).

Современные биомедицинские технологии позволяют радикально решать медико-психологические проблемы, связанные с половой самоидентификацией. Операции по смене пола в сочетании с последующей гормонозаместительной терапией в современном мире получили широкое распространение. Решая реальные проблемы относительно небольшой по численности группы, они нередко порождают искушение «поиграть» с собственным полом и у тех, кто не нуждается в подобных манипуляциях. Особенно драматичны такие «эксперименты» для незрелых личностей, поскольку затрагивают не только сугубо физическое, но и психическое здоровье, создавая многочисленные проблемы, связанные с последующей самоидентификацией, социальной адаптацией и интеграцией.

Что касается влияния цифровых технологий на общественное здоровье, то их влияние также носит двойственный характер. С одной стороны, они упрощают жизнь современного человека, прежде всего, экономят время на решение производственных и бытовых вопросов, с другой – радикально меняют образ жизни, предельно снижая физическую активность. Малоподвижный образ жизни (гиподинамия), обусловленный, в первую очередь, переходом значительного процента производственной деятельности и досуговых форм времяпрепровождения в виртуальный формат, негативно влияет на опорно-двигательный аппарат, сердечно-сосудистую систему, органы зрения, нормальное функционирование органов грудной клетки, брюшной полости и малого таза (Подрезов, Моськин, 2018).

В не меньшей степени цифровые технологии влияют на социально-психологические аспекты общественного здоровья. В значительной степени они обусловлены принадлежностью субъекта к той или иной возрастной группе. Если необходимость адаптироваться к цифровой инфраструктуре вызывает у представителей старшего поколения стресс, связанный с необходимостью освоения элементарных бытовых навыков и умений, а у среднего – необходимость менять привычный алгоритм трудовой деятельности с реального на виртуальный, то у молодого поколения (подростки и дети) сам процесс социализации уже проходит в рамках цифровой реальности (Шахов, 2019).

Тем не менее, негативные последствия для психоэмоционального здоровья данной возрастной группы не менее драматичны. Причина заключается, во-первых, в доступе к интернет-контенту не только созидательно-гуманистического, но и разрушительного для становящейся личности характера, порождающего душевную глу-

хоту и жестокость. Во-вторых, в ситуации несформированности полноценных межличностных отношений и их замены виртуальными формами взаимодействия утрачиваются коммуникативные навыки, не получают развития такие эмоциональные проявления, как соучастие и сопереживание. Эмпирические наблюдения и статистические данные позволяют выделить следующие негативные последствия для здоровья детей цифровой эпохи: а) несформированность навыков жизни в реальном мире; б) снижение способности критически оценивать информацию; в) снижение эмоциональной составляющей, чувство безразличия к происходящему в офлайн-режиме; г) неадекватные психические реакции, нетерпимость, агрессия; д) склонность к суицидальным действиям из-за несоответствия жизни в сети с реальностью.

Наиболее тяжелые для психоэмоционального здоровья последствия развития цифровых технологий связаны с зависимостью от виртуальной реальности. Компьютерная зависимость была официально включена в перечень заболеваний ВОЗ в 2008 г. (Гуреева, Сизов, 2015). При наличии таких личностных качеств, как гипертрофированная обидчивость, повышенная тревожность, склонность к депрессии и к уходу от проблем, вероятность возникновения патологической зависимости от виртуальной реальности резко возрастает.

Общим трендом негативного воздействия на психоэмоциональную составляющую общественного здоровья можно назвать замещение «Я-реального» «Я-виртуальным», вытеснение реальных межличностных контактов виртуальными квази-формами, утрата эмпатии и готовности участвовать в жизни близких людей, коммуникативные проблемы на всех уровнях социального взаимодействия (семейного, дружеского, производственного).

Заключение

Резюмируя сказанное, можно прийти к выводу, что здоровье представляет единство позитивных биологических (физическое здоровье индивида, хорошая экология) и социокультурных факторов (стабильная экономическая и демографическая ситуация, уровень развития медицины, позитивный психоэмоциональный общественный климат, определяющие успешность социализации индивида). Подобное единство, аккумулированное в феномене общественного здоровья, способствует эффективному функционированию социальной системы и обеспечивает возможность её дальнейшего развития.

Поскольку социальное здоровье не ограничивается лишь здоровьем телесным, а его критериями выступают как объективно-физиологические показатели функционирования организма, так и широкий спектр социокультурных характеристик личности, его следует рассматривать как комплексный ресурсный потенциал развития общества и государства, источником которого является человек, его физическое и духовное благополучие.

Показатели социального здоровья в современном российском обществе свидетельствуют о слабой сформированности ценностного отношения к здоровью как на индивидуально-личностном, так и на государственном уровнях. Объективно низкий уровень культуры здоровья является следствием кризиса не только в социально-экономической, но и в духовно-нравственной сфере российского общества, а воспроизводство этого ценнейшего ресурса развития носит во многом стихийный характер.

Литература

- Андрющенко, О. Е. (2015). Здоровье в системе жизненных ценностей молодежи: опыт регионального исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 7. Философия, 4 (30), 52-157. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.20>
- Бек, У. (2000). *Общество риска: на пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 384.

- Галочкина, Н. Е. (2017). Человек перед лицом болезни в условиях научно-технической революции. *Наука. Мысль: электронный периодический журнал. Научный журнал*, 1-3, 36-40.
- Гуреева, А. Ю., Сизов, С. В. (2015). Интернет-зависимость: современное состояние проблемы. *Бюллетень медицинских Интернет-конференций*, 2, 127-129.
- Ефремова, Т. М. (2007). Социально-экономический потенциал общественного здоровья: дис. ... канд. социол. наук. Тюмень. 147 с.
- Журавлева, И. В., Иванова, Л. Ю. (2009). Улучшит ли национальный проект «Здоровье» состояние здоровья россиян? *Россия реформирующаяся*, 8, 373-389.
- Иванова, И. Г. (2011). Общественное здоровье – стратегическое направление развития человеческого капитала региона: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 189.
- Кутырев, В. А. (2015). Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 312.
- Луман, Н. (1994). Понятие риска. *Thesis*, 5, 135-160.
- Ниворожкина Л. И., Абазиева К. Г. (2008). Динамика рождаемости и уровень бедности: есть ли связь? *Экономический вестник ростовского государственного университета*, 6, 2, 35-45.
- Норт, Д. К. (1997). Институциональные изменения: рамки анализа. *Вопросы экономики*, 3, 6 -17.
- Парсонс, Т. (1965). Общетеоретические проблемы социологии. *Социология сегодня: Проблемы и перспективы*. М.: Прогресс, 25–67.
- Подрезов, И. Н., Моськин, С. А. (2018). Влияние занятий физическими упражнениями на функциональное состояние организма человека и уровень его здоровья. *Наука-2020: Совершенствование системы физического воспитания и спортивной подготовки*, 6 (22). 23-28.
- Соколов, Ю. И. (2009). Риски высоких технологий. М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 312.
- Сорокин П. (1997). Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 351.
- Шахов, Л. М. (2019). Положительное и негативное влияние интернета на социализацию молодежи. *Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума: в 2-х т. Том II*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 429-435.
- Шевченко, О. М., Штофер, Л. Л. (2015). Ксенофобия как эффективная технология современных информационных войн. *Гуманитарий Юга России*, 1, 98-108.
- Шевченко, О. М., Штофер, Л. Л. (2021). Тренды цивилизационного развития: урбанизация/деурбанизация. *Гуманитарий Юга России*, 10, 5, 84-98.
- Юдинов, К. А. (2010). Философский аспект взаимодействия общественного здоровья с современными медицинскими технологиями. *Вестник ТГУ*, 3 (83), 238-241.
- Becker, G. S. (1964). *Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis*. N.Y.: Columbia University Press for NBER, 412.
- Gafiatulina, N., Vorobyev, G, Imgrunt, S., Samygin, S., Latysheva, A, Ermakova, L., Kobysheva, L. (2018). Social Health of Student Youth in South Russia: Analysis Of The Perception Of Socio-Cultural Risks. *Modern Journal of Language Teaching Method*, 8, 6, 32-41.
- Parsons, T. (1951). *The Social System*. N.Y.: Free Press, 575.
- Shultz, T. (1971). *Investment in Human Capital. The Role of Education and of Research*. New York: The Free Press, London: Collier-Macmillan Limited, 272.
- ФОМ: 42% опрошенных россиян заявили о низком уровне квалификации врачей (2020). *Vademecum. Деловой журнал о здравоохранении*. Режим доступа: <https://vademec.ru/news/2020/07/31/fom-42-oproshennykh-rossiyan-zayavili-o-nizkom-urovne-kvalifikatsii-vrachey>.

References

- Andryushchenko, O. E. (2015). Health in the system of life values of youth: the experience of a regional study. *Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy*, 4 (30), 52-157. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.20>
- Beck, W. (2000). *Risk society: on the way to another modernity*. Moscow: Progress-Tradition, p. 384.
- Galochkina, N. E. (2017). Man in the face of illness in the conditions of the scientific and technological revolution. *The science. Thought: an electronic periodical. Scientific Journal*, 1-3, pp. 36-40.
- Gureeva, A. Yu., Sizov, S. V. (2015). Internet addiction: current state of the problem. *Bulletin of Medical Internet Conferences*, 2, pp. 127-129.
- Efremova, T. M. (2007). Socio-economic potential of public health: dis. ... cand. sociological Sciences. Tyumen. p. 147
- Zhuravleva, I. V., Ivanova, L. Yu. (2009). Will the national project "Health" improve the health of Russians? *Russia in reforming*, 8, pp. 373-389.
- Ivanova, I. G. (2011). Public health is a strategic direction for the development of human capital in the region: dissertation. Cand. Sc. (Economics). Voronezh. p. 189

- Kutyrev, V. A. (2015). Last kiss. Man as tradition. St. Petersburg: Aletheya, pp. 312.
- Luman, N. (1994). The concept of risk. *Thesis*, 5, pp. 135-160.
- Nivorozhkina L.I., Abazieva K.G. (2008). Birth rate dynamics and poverty level: is there a connection? *Economic Bulletin of the Rostov State University*, 6, 2, pp. 35-45.
- North, D. K. (1997). Institutional Change: A Framework for Analysis. *Questions of Economics*, 3, pp. 6-17.
- Parsons, T. (1965). General theoretical problems of sociology. *Sociology today: Problems and prospects. Moscow: Progress*, pp. 25-67.
- Podrezov, I. N., Moskin, S. A. (2018). The influence of physical exercises on the functional state of the human body and the level of his health. *Science-2020: Improving the system of physical education and sports training*, 6 (22). pp. 23-28.
- Sokolov, Y. I. (2009). Risks of high technologies. Moscow: FSBI "All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergencies" of the Ministry of Emergency Situations (Russia), p. 312.
- Sorokin P. (1997). The main trends of our time. Moscow: Nauka, p. 351.
- Shakhov, L. M. (2019). The positive and negative impact of the Internet on the socialization of young people. Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region: a collection of articles of the X Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Volume II. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 429-435.
- Shevchenko, O. M., Shtofer, L. L. (2015). Xenophobia as an effective technology of modern information wars. *Humanitarian of the South of Russia*, 1, pp. 98-108.
- Shevchenko, O. M., Shtofer, L. L. (2021). Trends of civilizational development: urbanization/deurbanization. *Humanitarian of the South of Russia*, 10, 5, pp. 84-98.
- Yudinov, K. A. (2010). Philosophical aspect of public health interaction with modern medical technologies. *Bulletin of TSU*, 3 (83), 2 pp. 38-241.
- Becker, G. S. (1964). human capital. A Theoretical and Empirical Analysis. N.Y.: Columbia University Press for NBER, p. 412.
- Gafiatulina, N., Vorobyev, G., Imgrunt, S., Samygin, S., Latysheva, A, Ermakova, L., Kobysheva, L. (2018). Social Health of Student Youth in South Russia: Analysis Of The Perception Of Socio-Cultural Risks. *Modern Journal of Language Teaching Method*, 8, 6, pp. 32-41.
- Parsons, T. (1951). The Social System. N.Y.: Free Press, p. 575.
- Shultz, T. (1971). Investment in Human Capital. The Role of Education and Research. New York: The Free Press, London: Collier-Macmillan Limited, p. 272.
- FOM: 42% of surveyed Russians reported a low level of qualification of doctors (2020) // Vademecum. Healthcare business magazine. Available at: <https://vademec.ru/news/2020/07/31/fom-42-oproshennykh-rossiyan-zayavili-o-nizkom-urovne-kvalifikatsii-vrachey>.

Дата получения рукописи: 5.09.2022
 Дата окончания рецензирования: 18.09.2022
 Дата принятия к публикации: 24.09.2022

Информация об авторах

Шевченко Ольга Михайловна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Штофер Людмила Львовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и культурологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, e-mail: filosofiya327@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Shevchenko Olga Mikhailovna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Shtofer Lyudmila Lvovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, e-mail: filosofiya327@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.614

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.3

EDN BXSXDH

Социальное самоопределение как фактор противодействия деструктивным формам солидарности**Ирина С. Кузьменко¹**¹Университет МВД России, Краснодар, Россия

e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

Аннотация

Введение. В рамках социологической мысли постановка вопроса о солидарности, преимущественно, осуществляется в контексте идеи социальной интеграции. Вместе с тем, солидарность далеко не всегда представляет собой конструктивный, социально-сберегающий и социально-интегрирующий фактор. В статье производится постановка вопроса о деструктивных формах солидарности. Определяются основные признаки и факторы развития деструктивной солидарности. Рассматривается влияние характера социального самоопределения членов общества на уровень развития конструктивных и деструктивных форм солидарности.

Методы. В рамках исследования применяются аналитический подход, а также методы сравнения и абстрагирования. Методологически исследование выстраивается в опоре на феноменологический подход.

Результаты. В статье рассматриваются такие проблемы, как нехватка солидарности и деструктивная солидарность, и проводится их рассмотрение в рамках классического прочтения понятия «солидарность». Проводится анализ связи между формами солидарности и характером отношения к социальной конфликтности. Рассматривается преобладание механистического типа солидарности в деструктивных процессах. Одновременно с этим доказывается, что сама по себе механистическая солидарность не является основанием социальной деструктивности. Ставится вопрос о социальных приоритетах и характере социального самоопределения, как ведущих факторов развития конструктивных и деструктивных форм солидарности. Рассматриваются пути развития конструктивных форм социального самоопределения. Ставится вопрос об институциональных и культурных основаниях развития конструктивных форм социального самоопределения.

Заключение. На основании проведенного анализа автор обосновывает значимость культурных факторов конструктивной и деструктивной солидарности, на основании чего обосновывает приоритетный характер социально-ориентированной культурной политики, направленной на развитие конструктивных форм социального самоопределения.

Ключевые слова: солидарность; механистическая солидарность; органическая солидарность; деструктивные формы солидарности; социальный конфликт; социальное самоопределение.

Для цитирования: Кузьменко И. С. (2022). Социальное самоопределение как фактор противодействия деструктивным формам солидарности. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 41-50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.3>

Social self-determination as factor of counteraction to destructive forms of solidarity**Irina S. Kuzmenko¹**¹ University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

Abstract

Introduction. Within the framework of sociological thought, the question of solidarity is mainly raised in the context of the idea of social integration. At the same time, solidarity is not always a constructive, socially-saving and socially-integrating factor. The article raises the question of destructive forms of solidarity. The main signs and factors of the development of destructive solidarity are determined. The influence of the nature of social self-determination of members of society on the level of development of constructive and destructive forms of solidarity is considered.

Methods. The research uses an analytical approach, as well as methods of comparison and abstraction. The research also relies on the phenomenological method.

Results. The article deals with such problems as lack of solidarity and destructive solidarity and examines them within the framework of the classical interpretation of the concept of “solidarity”. The analysis of the relationship between the forms of solidarity and the nature of the attitude to social conflict is carried out. The predominance of the mechanistic type of solidarity in destructive processes is considered. At the same time, it is proved that mechanistic solidarity in itself is not the basis of social destructiveness. The question is raised about social priorities and the nature of social self-determination as the leading factors in the development of constructive and destructive forms of solidarity. The ways of development of constructive forms of social self-determination are considered. The question is raised about the institutional and cultural foundations for the development of constructive forms of social self-determination.

Conclusion. Based on the analysis, the author substantiates the importance of cultural and institutional factors of constructive and destructive solidarity, on the basis of which he justifies the priority nature of socially-oriented organizational activities aimed at the development of constructive forms of social self-determination.

Keywords: solidarity; mechanistic solidarity; organic solidarity; destructive forms of solidarity; social conflict; social self-determination.

For citation: Kuzmenko I. S. (2022). Social self-determination as factor of counteraction to destructive forms of solidarity. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 41-50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.3>

Введение

В современном мире реализуются противоречивые тенденции, направленность которых в одном своем аспекте влечет к реализации интеграционных процессов, в другом – напротив, ведет к обострению противоречий между отдельными социальными акторами и социальными общностями (Парсонс и Смелзер, 2005; Парсонс, 2000). На общем уровне суть этих тенденций может быть выражена следующим образом: в обществе реализуются предпосылки по интенсификации коммуникации, реализуемой на различных уровнях (межличностном, экономическом, социально-политическом, культурно-информационном). Предпосылки роста уровня коммуникации связаны с рядом факторов: повышение демографических показателей общества (Капица, 2004), развитие информационных технологий, технический прорыв в реализации транспортного сообщения, усложнение структуры общества и связанное с этим увеличение числа косвенных взаимосвязей между участниками социального процесса (Нарыков, 2014). Рост интенсивности взаимодействия выступает как естественный результат социальной специализации, кроме того, в настоящее время на уровне технического обеспечения коммуникативных процессов имеет место повышение уровня возможностей отдельных социальных акторов. Как результат – рост интенсивности взаимодействия влечет за собой повышение плотности социального процесса, что становится основанием для пропорциональной интенсификации как конструктивных, так и деструктивных социальных тенденций. И если конструктивные социальные процессы (и их развитие) выступают целью социального и научно-технического прогресса, то рост уровня деструктивных явлений можно рассматривать как побочное следствие современных тенденций развития общества. Наиболее серьезные последствия связаны с институциональными противоречиями, выраженными в нарушении устойчивости общественной структуры в условиях глобального повышения динамики взаимодействия (Лемещенко, 2005), а также с возникновением групповой конфронтации. Последняя проявляется в форме роста уровня конфликтности между представителями различных социальных групп на основании несовпадения социальных признаков, по которым члены этих групп осуществляют личную самоидентификацию. Эта тенденция находит многообразное отражение в исследовательской литературе: имеют место как специализированные исследования, рассматривающие социальную конфликтность на базе актуализации имущественного неравенства, религиозной нетерпимости, этнической конфликтно-

сти, так и общетеоретические работы, в которых ставится вопрос о недостаточном уровне солидарности в обществе. Вместе с тем, одним из аспектов межгрупповых конфликтов становится то, что в их рамках происходит обострение групповой идентичности. Таким образом, на фоне постановки вопроса о недостатке солидарности в обществе можно констатировать ее наличие на более низком уровне общественной организации, характеризующееся как «солидарность против» объекта конфликтного отношения. Эта форма солидарности, будучи деструктивной по характеру своего проявления, имеет собственные предпосылки возникновения и развития, что уже определяет значимость ее теоретического рассмотрения. Вместе с тем, сама постановка вопроса о том, что в обществе возникновение деструктивных форм солидарности сочетается с нехваткой ее конструктивных форм, заставляет обратить пристальное внимание на проблему солидарности, как основание теоретического раскрытия современных конфликтных тенденций. В данном аспекте примечательно, что еще Э. Дюркгейм ставил вопрос о деструктивных формах солидарности, рассматривая феномен толпы, революционную активность и иные формы масштабного выхода носителей социальной активности за рамки допустимой деятельности (Дюркгейм, 1991). Французский мыслитель рассматривал это в контексте типологического деления солидарности на механистическую и органическую. Однако подобного рода деление не способствует полному раскрытию вопроса о том, по какой причине одни формы солидарности являются конструктивными, а другие – деструктивными. В частности, провозглашая принцип соответствия органической солидарности современному строению общества, Дюркгейм признавал необходимость наличия механистической солидарности, как основания внутригруппового взаимодействия в однородных группах. Таким образом, механистический характер солидарности не может быть рассмотрен как основание ее деструктивности, несмотря даже на то, что большинство форм «солидарности против» имеет выраженные признаки механистической солидарности. Таким образом, мы наблюдаем четко выраженный проблемный характер состояния солидарности в обществе, который нельзя однозначно свести к типологическому делению солидарности в классическом ее прочтении (Гофман, 2013). В данном случае некоторые исследователи (Мукомель, 2014) отмечают солидарность как общность, что определяет основание объединения в качестве критерия конструктивности или деструктивности рассматриваемых форм солидарного отношения. Отметим, что такой подход, во многом ориентированный на отражение культурного подтекста формирования деструктивных процессов в обществе, приводит к разделению содержательного и формального аспектов в социальном устройстве, что может быть проиллюстрировано на примере криминальной субкультуры (Иванова, 2016). Следует, однако, отметить, что постановка вопроса о локальных проявлениях солидарности в деструктивных группах как результате исходной негативной направленности этих групп способствует, скорее, уходу от вопроса оснований деструктивного проявления солидарности, сводя все к социально-групповому и культурному аспектам. Вместе с тем, с учетом противоречия между общесоциальным масштабом солидарного отношения и деструктивной ориентацией, связанной с отражением интересов более низкого порядка (социальной группы, отдельной личности), правомерна постановка вопроса о противоречии между разными типами солидарности на уровне одного и того же носителя социальной активности. В этих условиях приобретает интерес характер самоопределения участников общественного процесса, как основного фактора проявления конкретного типа солидарности, определяемого не только содержательно (по характеру оснований общности носителей солидарного отношения), но и в приложении к вопросу масштаба самоопределения.

Это, в свою очередь, предполагает теоретическое разделение категорий социального самоопределения и солидарности и их последовательное рассмотрение.

Актуальность теоретического рассмотрения условий, определяющих недостаток солидарности и ее негативное проявление, напрямую проистекает из важности проблем, связанных с наличием выше обозначенных состояний общества. В современных условиях, когда интенсивная трансформационная динамика и высокий уровень коммуникации определяют кризисное состояние общества, чрезвычайно важным является сохранение стабильности социальной системы, а это проявляется в двух основных моментах: сохранении функциональности защитных механизмов общества и противостоянии деструктивным тенденциям. Как первое, так и второе имеет непосредственное отношение к заявленной проблеме. Таким образом, в работе производится аналитическое рассмотрение условий сохранения структуры общества и выделение факторов ее дестабилизации, что имеет несомненную актуальность и теоретическую значимость.

Методы

Поскольку исследование категорий солидарности и самоопределения предполагает момент активного аналитического их рассмотрения, с последующим определением взаимосвязи и точек пересечения, в работе применяются сравнительный и аналитический подходы. Кроме того, важным условием корректного рассмотрения текущей ситуации в обществе является методологически выверенное выделение социальных явлений, соответствующих рассматриваемой теории. Это предполагает важность научного метода абстрагирования в производимом аналитическом обзоре. Также немаловажное значение имеет обращение к феноменологическому методу при аналитике мировоззренческих установок членов общества. Работа опирается на классические установки социальной философии, что, однако, не отменяет критического их рассмотрения на отдельных этапах исследования, как условия соответствия применяемой теории исследуемому объекту.

Результаты

В исследовательской традиции существуют проблемы, область приложения которых настолько широка, что практически невозможным становится их исчерпывающее рассмотрение. В результате первоначальные подходы к их разрешению приобретают пропедевтический, закладывающий теоретические основы характер, при этом многообразие подходов в разрешении исходной проблемы приводит к проблематичности в ее концептуальном определении. Как результат – возникает множество частных теорий, отражающих исходный объект лишь частично и противоречащих друг другу не только в силу исходных методологических различий, но и по причине развертывания противоречий, заложенных в различном характере объективации исходной проблемной области. Примером подобного рода общей проблемы, разрешение которой привело, фактически, к пролиферации социального знания (Фейрабенд, 1986) (в терминологии Фейрабенда), стала тематика солидарности. Анализ работ, посвященных солидарности, позволяет сделать вывод о том, что в предметном плане они не совпадают друг с другом, иными словами, та солидарность, которая рассматривается в рамках политической теории, разительно отличается от теологически понимаемой солидарности в русской социально-философской традиции (Соловьев, 1911) или от социологической ее трактовки. В результате мы сталкиваемся с проблемой, когда существует несколько генеральных линий в трактовке солидарности: наличие одного понятия сочетается с множественностью смыслов, что уже в суще-

ственной мере сбивает исследователей с толку. Вторая, не менее значимая проблема состоит в том, что исследования солидарности различаются по направленности научных поисков. Помимо работ, посвященных эссенциалистскому определению солидарности, типологическому ее делению и ограничению сферы приложения понятия, существуют многочисленные исследования, в которых категория солидарности применяется инструментально, как удобный концепт для выражения отдельного аспекта генеральной идеи. Именно прикладное применение понятия солидарности, которое трактуется без предварительной теоретической подготовки практически произвольно, приводит к возникновению столь ярко выраженного многообразия теоретических прочтений термина. Это частный случай формирования полисемичности научных понятий (Ворона, 2013).

А. Гофман отмечает, что столь серьезные проблемы в трактовке солидарности стали тем основанием, которое повлекло за собой длительный уход от прямого упоминания категории солидарности в социально-философском дискурсе. Как отмечает российский исследователь, наблюдается обращение к смысловым конструкциям солидаризма без прямого указания на отношение формируемых построений к теории солидарности (Гофман, 2013). Таким образом, помимо явного обращения в исследовательской традиции к понятию солидарности, зачастую ошибочным с точки зрения содержательной определенности термина «солидарность», имеют место и скрытые формы обращения к данной теории, детерминированные необходимостью раскрытия конкретных проблем. Иными словами, теория солидарности нацелена на столь общую проблему социального устройства, что большинство теоретических построений в той или иной форме затрагивают ее. И в данном случае забвение, которому на длительный период была подвергнута категория солидарности, характеризует не столько низкий уровень актуальности солидаризма как теории, сколько уровень концептуального хаоса в его определении.

В контексте обозначенных тенденций, актуальна опора на исследования, объектом которых выступает непосредственно социальная солидарность, а также обращение к трудам, раскрывающим характеристики социальных связей и, в целом, структурных отношений в обществе. К первой группе работ относятся классические исследования Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1991; Дюркгейм, 1994), в которых закладывается первоначальная трактовка солидарности и производится последовательное ее рассмотрение. Немаловажное значение имеют исследования критиков солидаризма (Колыванский, 1948), поскольку «взгляд со стороны» на теорию солидарности позволяет обнаружить наиболее важные проблемы и противоречия, внимание к которым со стороны основоположников теории солидарности незначительно. В этом отношении большую ценность имеют критические замечания Ф. Хайека (Хайек, 2006), активно полемизировавшего с позицией Э. Дюркгейма. Чрезвычайно высоко в прояснении тематики солидарности оценивается вклад отечественного исследователя А. Гофмана (Гофман, 2012; Гофман, 2013), осуществившего вдумчивый, последовательный анализ отражения категории солидарности в научном дискурсе. Наконец, в контексте постановки проблемы о противоречивости общественных тенденций, а также с учетом необходимости раскрытия скрытых форм реализации установок солидаризма, интерес представляют работы видных представителей структурного функционализма – Т. Парсонса (Парсонс, 1998) и Р. Мертон (Мертон, 2006).

Помимо обозначенных моментов, большое значение имеет раскрытие категории самоопределения, имеющей социально-мировоззренческий характер. В этом отношении представляют интерес работы, посвященные характеристикам социально-

го измерения мировоззрения, что определяет обращение к работам таких авторов, как А. Шюц (Шюц, 2003), П. Бергер и Т. Лукман (Бергер и Лукман, 1995).

Основная направленность исследования солидарности связана с раскрытием ее сущности, а также постановкой вопроса о целесообразности применения данной социальной категории для отражения основополагающих принципов общественного устройства (Хайек) и теоретическим обоснованием необходимости разрешения проблемы дефицита солидарности (А. Гофман). Отдельные аспекты проблемы деструктивного проявления солидарности обсуждаются в работах Э. Дюркгейма, однако этой проблеме французский социолог уделяет незначительное внимание.

Проведенный обзор, с одной стороны, свидетельствует о возможности на уровне воззрений рассмотренных выше авторов сформировать теоретическую базу, способствующую раскрытию поставленной проблемы, с другой – демонстрирует недостаточный уровень разработанности проблемы, что определяет целесообразность ее изучения.

В ходе анализа проблемы солидарности одним из естественных выводов становится то, что выделяемые Дюркгеймом типы солидарности кардинально различаются по своему отношению к социальной среде: если органическая солидарность предполагает момент общности в условиях различий по социальным признакам, то механистическая солидарность, напротив, предполагает разделение в мировоззрении на сходных и инаковых. Иными словами, в мировоззренческом плане механистическая солидарность способствует групповому разделению, а органическая – интеграции. В этом отношении естественным является рассмотрение автором деструктивных проявлений солидарности именно в рамках описания форм механистической солидарности. Дюркгейм рассматривает феномен толпы, бунта, как формы проявления стихийной общности, выраженной в конфликтном отношении. В этом отношении такие деструктивные действия, как погромы, преступления на почве ненависти, социальная агрессия в адрес более зажиточных членов общества (и, напротив, пренебрежение к менее зажиточной части населения) представляют собой, в сущностном плане, сходные явления, основывающиеся на конфликтном характере осмысления социально-группового деления, в котором выделение групп производится по какому-либо одному признаку. Примечательно, что весьма редкой является ситуация, когда объект социальной агрессии выбирается по совокупности признаков (например, зажиточные представители иноэтнической группы), что подчеркивает момент соответствия рассмотренных форм деструктивной сонаправленности членов общества механистическому типу солидарности. Вместе с тем, если рассматривать логический аспект вопроса, принадлежность деструктивной солидарности к ее механистическому типу не означает совпадение первого с другим: иными словами, не всякая механистическая солидарность деструктивна. Более того, как отмечает А. Гофман, в социальной теории Дюркгейма механистическая солидарность является необходимым условием сохранения конструктивных социальных отношений, поскольку она определяет внутригрупповое взаимодействие, определяя согласованность интересов и действий членов группы (Гофман, 2013). Таким образом, при условии выделения сферы приложения проблемы именно на уровне механистической солидарности необходимо определить то основание, которое приводит к возникновению ее деструктивных форм.

Здесь следует сделать одно важное уточнение. Солидарность является не единственным интегративным принципом в обществе. Так, Ф. Хайек справедливо отмечает, что в ряде случаев деятельность членов общества определяется не столько согласием друг с другом, сколько соподчиненностью общему социальному принципу,

примером чего выступает совместная работа на предприятии, в которой решающим фактором становится необходимость для каждого из работников соответствовать профессиональным требованиям работодателя. На общем уровне Хайек определяет это как соподчиненность правилам взаимодействия, конформность (Хайек, 2006). На наш взгляд, данное уточнение интересно с точки зрения раскрытия альтернатив солидарному отношению, однако его нельзя рассматривать как опровержение солидаризма, поскольку рассмотрение конформности как альтернативы солидарности не может исключать наличие последней в общественных отношениях, равно как и не может способствовать отрицанию ее значения. В данном случае говорится, в первую очередь, о том, что солидарность не является необходимым условием существования социальных объединений, она скорее представляет собой тот сопутствующий фактор, который определяет их сплоченность и эффективность.

Возвращаясь к тематике проблем, связанных с солидарностью, следует обратить внимание на то, что они различаются качественно: нехватка солидарности предполагает обращение к теории ее возникновения и развития в социальной среде и стимулирование факторов солидаризации, в то время как анализ деструктивной солидарности предполагает, в первую очередь, поиск фактора, «окрашивающего» солидарное отношение в группе в деструктивное, конфликтно ориентированное. Вместе с тем, присутствует теоретический аспект, объединяющий обозначенные состояния: рассмотренная Дюркгеймом органическая солидарность является альтернативой механистического, основанного на общности по определенному признаку объединения. В этом смысле уровень представленности органической солидарности в обществе можно рассматривать как фактор ограничения социальной деструктивности. Так, например, осознание значимости вклада всех членов общества в его процветание противоречит негативному отношению, основанному на выделении частного социального признака.

Еще одним важным моментом является то, что характер выделения типов солидарности исходя из групповой определенности является дискуссионным. Так, Дюркгейм рассматривает солидарность членов семьи как яркое проявление органической солидарности по критерию родства, в то время как может реализовываться схема формирования социального согласия, основанная на значимости ролевого аспекта реализации семейных функций. То же самое применимо и в рассмотрении трудовых коллективов, в которых момент оценки может быть сопряжен не с рассмотрением сходства, но с признанием функциональной значимости представителя трудового коллектива.

Также считаем необходимым обратить внимание на самоопределение как фактор солидарного отношения. Категории солидарности и самоопределения нередко смешивают, и это связано с тем, что социальное самоопределение предполагает объект, с которым личность себя соотносит, и в ряде случаев это ведет к формированию групповой определенности. Так, например, гражданское самосознание – это форма самоопределения и при условии высокого развития оно может проявиться в солидарном отношении. Однако самоопределение не тождественно солидарности в силу того, что в ряде случаев самоопределение может иметь отрицательный характер. Последнее реализуется в том случае, когда человек осуществляет осмысление своей социальной позиции через отрицание. Подобного рода самоопределение через ограничение также распространено, но здесь справедливо говорить скорее об отсутствии солидарности, нежели о ее наличии. Еще одна немаловажная деталь: в рамках самоопределения реализуется момент приоритетности в ситуации, когда член общества соотносит себя с различными социальными сферами. Таким образом, например,

человек может рассматривать себя в первую очередь как гражданина, а уже после как члена семьи (что способствует неготовности к укрытию родственников-преступников от закона), или, напротив – рассматривать себя с точки зрения приоритета семейных интересов. Если солидарность предполагает момент принятия чьей-либо области интересов, то самоопределение выстраивает акценты приоритетности. И в данном случае от характера самоопределения и масштабов развития личности во многом зависит то, каким образом проявляется солидарность. Следует отметить, что, фактически, конфликт форм самоопределения и связанные с ним деструктивные последствия свидетельствует о наличии на уровне одной личности различных форм солидарного отношения, вступающих друг с другом в ситуационное противоречие. В этом смысле, например, рассматриваемый А.В. Синельниковым феномен внутрикорпоративной солидарности сотрудников правоохранительных органов, будучи, в целом, положительным явлением, обнаруживает деструктивный потенциал проявления в ситуациях, когда интересы группы противоречат общесоциальным интересам (сокрытие должностных нарушений, «круговая порука» и т. д.) (Синельников, 2013). В данном случае негативной является не столько сама по себе солидарность, сколько преобладание внутрикорпоративной солидарности над гражданской. Это актуализирует на общем уровне отношение к наиболее общим в плане масштаба формам солидарности, как критерий их конструктивности.

Рассмотренные примеры, в которых имеет место групповое проявление конфликтности, очевидно, связаны с реализацией механистического типа солидарности, но это значит, в том числе, и то, что имеет место недостаток солидарности органической – понимания общей причастности разных групп интересам общесоциального целого. Если механистическая солидарность естественна, то органическая требует осознания и ориентации на интересы того целого, которое объемлет различные части. И здесь проявляется момент самоопределения и его масштабов. Ситуации, когда солидарность несет в себе деструктивное начало, равно как и недостаток органической солидарности – это результат того, что большинство членов общества склоняются к реализации низкого по своему масштабу самоопределения.

Заключение

Нарушение характера солидарности напрямую связано с характером самоопределения, который имеет определяющее значение в проявлении солидаризационных процессов. В этом плане способ самоопределения может быть рассмотрен как ведущий фактор солидаризации и, соответственно, точка воздействия на ситуацию (при условии постановки цели по устранению социальных нарушений, связанных с деструктивными проявлениями солидарности). Характер самоопределения – это вариативный аспект общественного сознания, однако можно с уверенностью выделить функциональный и социально-феноменологический аспекты проблемы. На функциональном уровне речь идет о реализации институтами религии, семьи и образования воспитательных функций, ориентированных на формирование человеком конструктивного понимания своего места в системе общественных отношений и приоритетности сохранения общества. На социально-феноменологическом уровне речь идет о том, что каждый человек на начальных этапах своего личностного становления тяготеет к ценностной структуре «домашней группы» – семьи, родственников, соседей, иными словами – ближайшего окружения (Шюц, 2003). Немаловажное значение в формировании социальной позиции играет информационная продукция – литература, кино, музыка и т. д. В настоящее время достаточно сложно оценивать, каким именно способом сказывается на индивидуальном развитии современная ситуация

выхода детей в сферу цифровой коммуникации, однако, в целом, можно судить о том, что в воспитании социальной позиции информационная продукция имеет чрезвычайно большой вес. Перспективны инвестиции в культуру, развитие социально ориентированной информационной продукции, зачастую, преследующей скрытые воспитательные цели, в качестве перспективного направления себя зарекомендовала социальная реклама. Одновременно с этим необходимо усиление позиций тех общественных институтов, которые ответственны за развитие социальной и гражданской позиций – семьи, религии и образования.

Основная сложность состоит в том, что сложно выработать рекомендации по тому, как противостоять проблемам деструктивного проявления солидарности, поскольку основной приоритет состоит в вытеснении деструктивной тенденции мерам по формированию позитивного социального отношения. Вместе с тем, понимание того, что проблемы солидарности опираются на недостаток конструктивного самоопределения, открывает широкие перспективы регулятивной деятельности.

Литература

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Москва: Медиум.
- Ворона, И. И. (2013). К вопросу терминологической синонимии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 3-2 (21), 50-54.
- Гофман, А. Б. (2012). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции. *Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов*. Москва: ИНИОН РАН, 97-167.
- Гофман, А. Б. (2012). Социальная солидарность: пробуждение социологической идеи. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса*. Москва: РОС, 32-39.
- Дюркгейм, Э. (1994). Самоубийство: Социологический этюд. Москва: Мысль.
- Дюркгейм, Э. (1991). О разделении общественного труда; Метод социологии. Москва: Наука, 572.
- Иванова, А. А. (2016). Криминальная культура как детерминант преступности. *Всероссийский криминологический журнал*. 4, 671-681
- Капица, С. П. (2004). Глобальная демографическая революция и будущее человечества. *Новая и новейшая история*, 4.
- Колыванский, С. (1948). О критике и критиках солидаризма. – Регенсбург: Эхо, 1948.
- Лемещенко, П.С. (2005). Институциональные противоречия и ловушки переходного периода. *TERRA ECONOMICUS*, 3.
- Мертон, Р. (2006). Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ, 873.
- Мукомель В. И. (2014). Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия. *Мир России. Социология. Этнология*, 1, 137-166
- Нарыков, Н. В. (2014). К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов. *ИСОМ*, 6-1, 295-298
- Парсонс, Т. (2000). О структуре социального действия. Москва: Академический проект, 880.
- Парсонс, Т. (1998). Система современных обществ. Москва: Аспект Пресс, 270.
- Синельников, А. В. (2013). Криминологические особенности преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования. *Всероссийский криминологический журнал*, 2, 94-101
- Соловьев, В. С. (1911). Россия и вселенская церковь. Москва: типография А.И.Мамонтова.
- Фейерабенд, П. (1986). Избранные труды по методологии науки. Москва: Прогресс.
- Хайек, Ф.А. (2006). Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва: ИРИСЭН, 644.
- Шюц, А. (2003). Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 336.
- Parsons, T., Smelser, N. (2005). *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. Taylor & Francis e-Library, Rutledge, 350.

References

- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social construction of reality*. Moscow: Medium.
- Durkheim, E. (1994). *Suicide: A sociological etude*. Moscow: Mysl.
- Durkheim, E. (1991). *On the Division of Social labor; Method of Sociology*. Moscow: Nauka, 572.

- Feyerabend, P. (1986). Selected works on the methodology of science. Moscow: Progress.
- Hayek, F.A. (2006). Law, legislation and freedom: Modern understanding of liberal principles of justice and politics. – Moscow: IRISEN, 644.
- Hoffman, A. B. (2012). Social solidarity: the awakening of a sociological idea. *Sociology and society: global challenges and regional development: Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress*. Moscow: ROS, 32-39.
- Hoffman, A. B. (2013). Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In: *Pokrovsky, D. V. Efremenko N. E. (ed.) Sociological Yearbook 2012. Sat. scientific works*. Moscow: INION RAN, 97-167
- Ivanova, A. A. (2016). Criminal culture as a determinant of crime. *All-Russian Criminological Journal*, 4, 671-681
- Kapitsa, S. P. (2004). Global demographic revolution and the future of mankind. *New and Recent History*, 4
- Kolyvansky, S. (1948) On criticism and critics of solidarism. Regensburg: Echo.
- Lemeshchenko, P.S. (2005). Institutional contradictions and traps of the transition period. *TERRA ECONOMICUS*, 3.
- Merton, R. (2006). Social theory and social structure. Moscow: AST, 873.
- Mukomel, V. I. (2014). Xenophobia and migrant phobia in the context of a culture of trust. *The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 1, 137-166
- Narykov, N. V. (2014.) On the question of determining the factors of intensification of modern political processes. *ISOM*, 6-1, 295-298
- Parsons, T. (1998). The system of modern societies /Translated from the English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. Edited by M.S. Kovaleva. Moscow: Aspect Press, 270.
- Parsons, T. (2000). On the structure of social action. Moscow: Academic Project, 880.
- Parsons, T., Smelser, N. (2005). *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. Taylor & Francis e-Library, Rutledge, 350.
- Schutz, A. (2003). Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 336.
- Sinelnikov, A.V. (2013). Criminological features of crimes against justice committed by officials of criminal prosecution bodies. *All-Russian Criminological Journal*, 2, 94-101.
- Soloviev, V. S. (1911). Russia and the Universal Church. Moscow: A.I. Mamontov type.
- Vorona, I. I. (2013). On the issue of terminological synonymy. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 3-2 (21), 50-54.

Дата получения рукописи: 16.09.2022

Дата окончания рецензирования: 25.10.2022

Дата принятия к публикации: 26.10.2022

Информация об авторе

Кузьменко Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных Краснодарского университета МВД России, e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kuzmenko Irina Sergeevna – Candidate of Sociological Sciences, Lecturer, the Department of Social and Humanitarian Sciences, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.4

EDN LKFNKE

Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка**Светлана А. Ильиных¹**

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия
e-mail: ili.sa@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования проблематики семейных ценностей в настоящее время не снижается. Это связано с активно протекающими трансформационными процессами в обществе, которые существенно затрагивают существование семьи и трактовку семейных ценностей. В статье представлены результаты эмпирического исследования, иллюстрирующие трактовку семейных ценностей в триаде «супружество-родительство-родство».

Методы. Эмпирическое исследование в форме анкетирования проведено в июне-июле 2022 года. Объектом исследования являются жители города Новосибирска. Предметом исследования выступили семейные ценности городского населения. Использована двухступенчатая выборочная совокупность. N=360.

Результаты и обсуждение. Трансформационные процессы, происходящие в российском обществе, затронули его основания и, прежде всего, семейные ценности. Система основополагающих семейных ценностей базируется на семейном триединстве «супружество-родительство-родство». Ценности супружества включают ценность брака, ценности равных прав супругов. Ценность детей, ценность семейного воспитания, ценность детности – составляющие ценности родительства. К ценностям родства относятся ценность наличия родственников и взаимоотношений с ними и другие. На основании результатов эмпирического исследования можно сделать вывод о противоречивом отношении к незарегистрированному браку. Такие характеристики зарегистрированного брака, как материальная и психологическая безопасность, ответственность супругов друг перед другом, ответственность за воспитание детей как бы переносятся на незарегистрированный брак. Изучение ценности «родительства» показывает, что респонденты в большинстве уже имеют детей или имеют намерение быть родителями. Но, вместе с тем, выявлены и установки «чайлдфри». Исследование ценности «родства» показывает, что для большинства опрошенных не приветствуется расширенная семья. Респонденты не хотели бы поддерживать родственные отношения на одной территории и в течение длительного времени.

Ключевые слова: семейные ценности; ценности супружества; ценности родительства; ценности родства; чайлдфри.

Для цитирования: Ильиных С. А. (2022). Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 52-59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4>

Values of matrimony, parenthood, kinship: meanings and interpretation**Svetlana A. Ilinykh¹**

¹Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia
e-mail: ili.sa@mail.ru

Abstract.

Introduction. Relevance of the research of the problems of family values is currently not decreasing. This is due to the actively ongoing transformational processes in society, which significantly affect the existence of the family and the interpretation of family values. The article presents the results of an empirical study illustrating the interpretation of family values in the triad «matrimony-parenthood-kinship».

Methods. An empirical study in the form of a questionnaire was conducted in June-July 2022. The object of the study are residents of the city of Novosibirsk. The subject of the study was family values of the urban population. A two-stage sample set was used. N=360.

Results and discussion. The transformational processes taking place in Russian society have affected its foundations and, above all, family values. The system of fundamental family values is based on the family

trinity «matrimony-parenthood-kinship». The values of matrimony include the value of marriage, the values of equal rights of spouses. The value of children, the value of family education, the value of childhood are the components of the value of parenthood. The values of kinship include the value of having relatives and relationships with them, and others. Based on the results of an empirical study, it can be concluded that there is a contradictory attitude towards unregistered marriage. Such characteristics of a registered marriage as material and psychological security, the responsibility of the spouses to each other, responsibility for the upbringing of children are transferred to an unregistered marriage. The study of the value of «parenthood» shows that the majority of respondents already have children or have an intention to be parents. But at the same time, Childfree installations have also been identified. The study of the value of «kinship» shows that for the majority of respondents, an extended family is not welcome. Respondents would not like to maintain family relations in the same territory and for a long time.

Keywords: family values; values of matrimony; values of parenthood; values of kinship; childfree.

For citation: Ilinykh S. A. (2022). Values of matrimony, parenthood, kinship: meanings and interpretation. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 52-59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4>

Введение

В современном российском обществе заметны трансформационные процессы, которые, в той или иной мере, затронули жизнь семьи, ее устои, глубинные основания и семейные ценности. В этом процессе трансформации с изменением экономической, политической и культурной сфер незаметно произошло обесценивание традиционных устоев и обычаев, которые касаются образа семьи. Безусловно, это повлекло за собой ослабление некоторых семейных ценностей.

В социологии существует два основных направления рассмотрения семейных ценностей: кризисный и эволюционный. Представители первого подхода придерживаются мнения, что происходит глобальный кризис семьи или даже его крах (А. И. Антонов (Антонов, 2010), В. М. Медков (Антонов, Медков, 1996), А. Карлсон (Карлсон, 2003), А.Б. Синельников (Синельников, 2008) и другие). Кризис семейных ценностей вызван ходом индустриально-рыночной цивилизации. Он приводит к утрате прежних ценностей, а кризис института семьи как результат семейной анонимии, проявляется в нарушении семейного равновесия, редукции семейных функций, трансформации семейных ценностей, ослаблении социально-нормативной регуляции семейности, трансформации культурных символов и образцов, снижении ценности брака, детей, единства поколений.

С точки зрения эволюционного подхода прогрессивный процесс модернизации семьи – это часть модернизации общества в целом. Все изменения, которые происходят в семье, положительные или отрицательные – это часть общего процесса модернизации семьи, смены традиционного типа современным. Этому подходу придерживаются А. Г. Вишневский (Вишневский, 2012), С. И. Голод (Голод, 2010), С. И. Кон (Кон, 2011) и другие. Они считают, что традиционная семья приобретает новые формы в процессе модернизации общества.

Вместе с тем, стоит отметить, что семья как универсальная ценность пока что остается достаточно значимой для россиян. Об этом свидетельствуют не только теоретические размышления социологов, но и эмпирические данные. Так, И.Ф. Дементьева (Дементьева, 2011) отмечает, что семья будет стабильной, если в ней присутствует определенная устойчивая система ценностей, которая создаст социальное равновесие и успешное сопротивление негативным факторам внешней среды. Система ценностей индивида закладывает направленность его поведения. И.А. Крапивка (Крапивка, 2010) отмечает, что, в зависимости от значимых ценностных оснований, человек будет прорабатывать межличностные отношения в своей семье. Семейные ценности, как и любые другие ценности, представляют собой сложное взаимодействие чувств, сознания и действия, т.е. выступают как разнообразие отношений и видов деятельно-

сти. В то же время, они зависят от общественно-заданных ценностных установок, но усваивая их, индивид осмысливает их и принимает во внутренний план действий, тем самым создавая свои собственные установки. Индивид, рассматривающий семью как необходимую и универсальную ценность, которая обеспечит ему полноценное развитие, а также самореализацию, становится способным к более успешному становлению и реализации в обществе (Чупина, 2013).

Теоретические основы исследования

Л. М. Панкова рассматривает семейные ценности с духовно-этической позиции как этические убеждения и идеалы для отдельно рассматриваемой семьи. Поддерживает позицию Л.М. Панковой и С. П. Акутина, которая рассматривает ценности в семье как некие ориентиры, одобряемые обществом. Семейные ценности авторы рассматривают с точки зрения идеала, к которому следует стремиться в каждой семье (Селезнева, 2021, 273).

А. Б. Федулова говорит о том, что семейные ценности это, прежде всего, социокультурные предпочтения в различных брачно-семейных сферах. В данном понимании семейные ценности напрямую связаны с ценностными ориентациями отдельных членов семьи (Селезнева, 2021, 274).

Таким образом, сравнив научные определения и обобщив их, можно сделать вывод, что семейные ценности представляют собой совокупность представлений о семье, ценностей и ориентиров, которая оказывает влияние на отношения внутри семьи, правила и нормы, установленные в семье, и семейные цели. Стоит отметить, что данный термин является многоаспектным, так как включает в себя совокупность множества представлений, которые формируются у каждой семьи индивидуально.

При анализе семейных ценностей важно упомянуть, что система основополагающих семейных ценностей базируется на семейном триединстве «супружество-родительство-родство».

К ценностям супружества можно отнести следующие: ценность брака, ценности равных прав супругов, ценность семейных ролей, ценность взаимных отношений между супругами.

Ценности родительства включают ценность детей, ценность семейного воспитания, ценность малодетности или многодетности.

К ценностям родства относятся: ценность наличия родственников и взаимоотношений с ними, ценность расширенной или нуклеарной семьи, ценность связи поколений (Русанова, 2012).

Как мы уже указывали выше, трансформационные процессы, затронувшие все сферы жизнедеятельности человека, в том числе семью, не смогли не сказаться и на этой триаде ценностей.

Изменения в ценности супружества в большей мере коснулись ценности брака. По сравнению с ней уже не так актуальны ценности равноправия или доминирования, ценности отношений. И проблема не в том, что индивиды принципиально не хотели бы быть в официальных отношениях, быть супругами, а в том, что свобода, индивидуализм, нежелание нести ответственность преобладают над установками быть супругами. В связи с этим имеет место широкая распространенность незарегистрированных браков, что влечет за собой не только отсутствие стремления к стабильным продолжительным отношениям, взаимным обязательствам, но и неуверенность, тревожность, чувство разочарования, нестабильность.

Что касается ценности «родительства», то здесь наблюдается плюрализм типов семей, а значит, и плюрализм типов родительства. Сегодня уже не так значимо рожде-

ние детей в семейной системе. А ведь А.И. Антонов рассматривал именно родительство как стержневое для семьи конструирование отношений (Антонов, 1992). Однако, как отмечает М.Н. Клинцева (Клинцова, 2015), родительство конкурирует с ценностями статуса, свободы, материального благополучия, профессиональной самореализации.

Ценности родства достаточно основательно описал П. Бурдые, указывая на то, что брак представляет собой одну из главных возможностей сохранить, увеличить или сократить капитал авторитета, а также капитал престижа, обеспечивающий расширенную систему союзников (Бурдые, 2001). Отметим, что и они подверглись влиянию процессов трансформации. При нарастающей индивидуализации личности, стремлении к свободе, интерес к другим родственникам остается, но только он находится в подчинении от указанных тенденций. Желание жить с другими родственниками или часто близко общаться начинает оцениваться в категориях личной выгоды.

Итак, снижение семейных ценностей супружества, родительства, родства происходит под воздействием так называемых внесемейных ценностей, связанных с индивидуализацией, стремлением к свободе, профессиональной самореализацией, карьерным ростом и достижением высокого социального статуса. В связи с этим актуальным является эмпирический срез состояния триады семейных ценностей.

Методы исследования

Социологический опрос по изучению семейных ценностей городского населения Новосибирска проведен в июне-июле 2022 года. Использована двухступенчатая выборочная совокупность. N=360. Методом исследования является массовое стандартизированное анкетирование, а также анализ эмпирических данных.

Результаты исследования

Прежде чем представить результаты исследования семейных ценностей в рамках изучения триады ценностей «супружество – родительство – родство», следует рассмотреть, какое место «семья» занимает в системе ценностей респондентов.

На вопрос о том, какие ценности значимы, получено следующее распределение (рисунок 1).

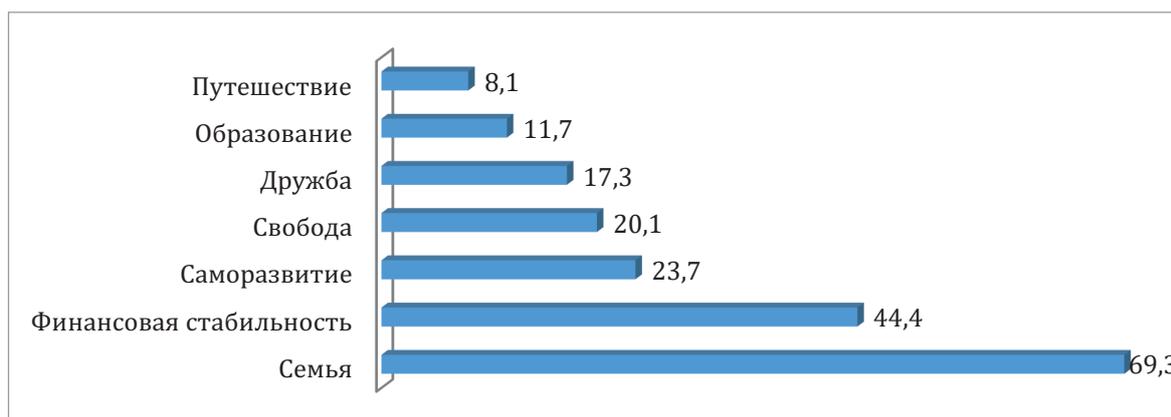

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Укажите наиболее значимые для Вас жизненные ценности?» (%)

Как видим, семья как ценность остается наиболее значимой (69,3%). Интересно, что свобода как ценность отмечается лишь каждым пятым респондентом (20,1%). Хотя нередко именно свобода предопределяет выбор семейного поведения и семейных установок.

Перейдем к анализу триады семейных ценностей.

Ценность «*супружество*» исследовалась с позиции отношения к регистрации брака. Такой подход неслучаен и связан с тем, что изменения в сфере брачно-семейных отношений, вызванные фундаментальной трансформацией системы ценностных ориентаций, сопровождаются ростом индивидуализации, а также размыванием системы поведенческих норм в сфере семьи. Утрата традиционной монополии на брачный выбор приводит к дистанцированию мужчин и женщин от семейно-брачных зависимостей и росту незарегистрированных браков. При этом эта модель организации семейной жизни чаще находит социальное одобрение, а сожителство воспринимается как *супружество*.

Рассмотрим отношение к незарегистрированному браку. Из 360 опрошенных 50% уже состоят в браке, 30% планируют регистрацию брака. При этом 10,3% не планируют регистрацию и примерно столько же (9,7%) затруднились с ответом. На вопрос «Как Вы относитесь к незарегистрированному браку?» мы получили следующее распределение: 13,6% – крайне негативно, 10,6% – скорее негативно, 31,9% – нейтрально, 19,7% – скорее положительно, 24,2% – абсолютно положительно. Можно видеть, что примерно каждый четвертый (24,2%) осуждает незарегистрированный брак, но при этом 43,9% отзываются о такой форме сожителства положительно. Сопоставляя эти данные с предыдущими, можно предположить, что даже те, кто в настоящее время планирует иметь зарегистрированный брак, в целом одобряют и незарегистрированный брак. В данном случае проявляется когнитивное противоречие, которое обусловлено искаженным восприятием незарегистрированного брака как в той или иной мере легитимного, поскольку первый обладает теми же характеристиками, что и второй – совместное проживание, ведение общего хозяйства, наличие общего бюджета и другое. При этом такие характеристики зарегистрированного брака, как материальная и психологическая безопасность, ответственность супругов друг перед другом, ответственность за воспитание детей как бы переносятся на незарегистрированный брак. Но, по сути, этот перенос есть не что иное, как подмена реальности. Именно это мы и обнаруживаем при анализе ответов на следующий вопрос.

Продолжая выяснять, как воспринимают незарегистрированный брак респонденты, мы предложили оценить высказывание «Незарегистрированный брак – это приоритетная форма отношений, так как это удобно для обоих партнеров и не требует обязательств друг перед другом». Оказалось, что с такой трактовкой согласилась меньшая часть опрошенных – 18,4%. 60% опрошенных не согласились с высказыванием. Конечно, отношения в незарегистрированном браке могут быть схожи в той или иной степени с отношениями в традиционном браке. Однако, будучи неинституционализированной формой семейно-брачных отношений, незарегистрированный брак в большей мере создает основания для быстрого моделирования отношений в зависимости от собственных устремлений, предпочтений. С нашей точки зрения, однозначно говорить о том, что незарегистрированный брак создает условия для выполнения традиционных семейных функций, в том числе обязательств друг перед другом, необоснованно.

В исследовании также затронут вопрос брачного договора. Мы поинтересовались мнением респондентов относительно брачного договора: «При регистрации брака супругам следует заключать брачный договор, чтобы быть уверенным в своем материальном положении после развода». 27,5% опрошенных оказались полностью не согласны, 25,3% не согласны отчасти, 24,7% занимают нейтральную позицию, 13,3% совершенно согласились и 9,2% согласились отчасти. Как видим, больше половины опрошенных (52,8%) категорически отрицают заключение брачного договора.

Возможно, это связано с тем, что регистрация брака не должна предваряться меркантильными интересами.

Ценность «родительство» изучалась в нескольких аспектах. Первый аспект – это рождение детей. Распределение ответов представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас в планах создание семьи с детьми?» (%)

Варианты ответов	%
Уже есть дети	64,7
Да, мечтаю о семье с детьми	20,8
Нет, придерживаются направления «чайлдфри» (жизнь без детей)	8,1
Затрудняюсь ответить	6,4
Итого	100,0

Каждый пятый имеет установки на рождение детей. Но, вместе с тем, настораживают родительские установки представителей «чайлдфри», хоть они составляют и небольшую долю опрошенных (8,1%).

Второй аспект – воспитание детей. Мы исходили из того, что здесь очень важными могут быть как помощь родителей, их советы, советы друзей, курсы по воспитанию, так и личные взгляды на воспитание. Распределение ответов на вопрос представлено на рисунке 2.

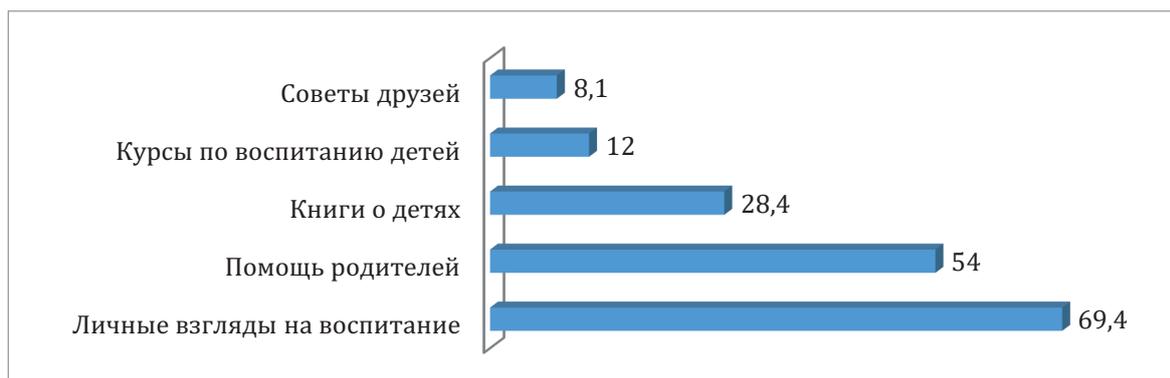

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, чем бы Вы могли воспользоваться или пользовались при воспитании собственных детей?» (множественный выбор, %)

Показательно, что респонденты лишь в каждом третьем случае высказались о возможности использования книг по воспитанию детей (28,4%). Практически малозначимыми являются также курсы по воспитанию детей (12%).

Таким образом, изучение ценности «родительство» показывает, что респонденты в большинстве уже имеют детей или имеют намерение быть родителями. При этом в вопросах воспитания приоритетными являются личные взгляды на воспитание.

Ценность «родство» изучалась через исследование отношения к совместно-проживанию родственников, то есть через расширенную семью. 66,4% опрошенных ответили категорически отрицательно. Положительно лишь 9,7%, нейтрально высказались 17,8%. Респонденты в открытом варианте ответа на вопрос указывали, что «лучше жить отдельно, но встречаться», «родственники – это хорошо, но жить нужно порознь». Таким образом, для большинства опрошенных расширенная семья не приветствуется. Конечно, это не означает, что опрошенные не живут в таком типе семьи. Но поддерживать родственные отношения на одной территории и в течение

длительного времени чаще всего респонденты не хотели бы. Иными словами, ценность «родство» как такова значима, но желательно поддерживать родственные отношения «на расстоянии».

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в триаде ценностей «супружество-родительство-родство» наблюдаются изменения, появившиеся под влиянием многих факторов. Показательно, что ценность семьи как таковой остается доминирующей в системе ценностей опрошенных. Что касается ценности супружества, то исследование ценности брака как одной из составляющих ценности супружества отражает наличие когнитивного противоречия. Незарегистрированный брак нередко трактуется с позиции наличия тех же характеристик, что имеются у зарегистрированного брака. Исследование ценности родительства показывает, что имеются установки на ценность детей и практики родительства. Однако тревожным является и наличие респондентов с установками «чайлдфри». Анализ ценности родства отражает нежелание респондентов проживать на одной территории с другими родственниками, но при этом поддерживать взаимоотношения. Полученные результаты показывают наличие противоречивых тенденций в отношении семейных ценностей. А это, в свою очередь, актуализирует дальнейший мониторинг изменений.

Литература

- Антонов, А.И. (1992). Кризис семьи и родительства. *Проблемы родительства и планирования семьи*. М., 11-27.
- Антонов, А.И., Медков, В.М. (1996). Социология семьи. М.: Изд-во МГУ
- Антонов, А.И., Лебедь, О.Л., Соколов, А.А. (2010). Удовлетворенность жизнью, семья и брак в России и Европе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(97), 61-69.
- Вишневский, А.Г. (2012). Россия: демографические итоги двух десятилетий. *Мир России*, 3(21), 3-40.
- Голод, С.И. (2010). Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX столетия. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2 (13), 52-71.
- Дементьева, И.Ф. (2011). Факторы риска современного детства. *Социологические исследования*, 10, 108-114
- Карлсон, А. (2003). Общество-семья-личность: социальный кризис Америки. Американская школа альтернативной социологии. М.: Эдиториал УРСС.
- Синельников, А.Б. (2008). Трансформация семьи и развитие общества. М.: КДУ.
- Клинцова, М.Н. (2015). Родительство как ценность в современном российском обществе. *Международный журнал «Символ науки»*, 7, 71-75
- Кон, И.С. (2011). Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(14), 51-65.
- Крапивка, И.А. (2010). Ценностные ориентации в семейной жизни. *Теория и практика общественного развития*, 4, 51-54.
- Русанова, А. А. (2012). Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи. *Современные исследования социальных проблем*, 4(12).
- Селезнёва, Е.А. (2021). Анализ понятий семья и семейные ценности. *Проблемы современного образования*, 5, 270-280. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280.
- Чуприна, А.А. (2013). Философский контекст осмысления семьи как индикатора культурного развития общества. *Философия и культура*, 5, 583-593.
- Бурдье, П. (2001). Практический смысл. М. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3069/3083>

References

- Antonov, A.I. (1992). Crisis of family and parenthood. *Problems of parenthood and family planning*. M., pp. 11-27.
- Antonov, A.I., Medkov, V.M. (1996). Sociology of the family. M.: Publishing House of Moscow State University
- Antonov, A.I., Lebed, O.L., Sokolov, A.A. (2010). Life satisfaction, family and marriage in Russia and Europe. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*, 3(97), pp. 61-69.
- Carlson, A. (2003). Society-family-personality: America's social crisis. American School of Alternative Sociology. Moscow: Editorial URSS.

- Chuprina, A.A. (2013). The philosophical context of understanding the family as an indicator of the cultural development of society. *Philosophy and Culture*, 5, pp. 583-593.
- Demytyeva, I.F. (2011). Risk factors of modern childhood. *Sociological Research*, 10, pp. 108-114
- Golod, S.I. (2010). Transformation of the erotic-emotional relations of youth throughout the 20th century. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2(13), pp. 52-71.
- Klintsova M.N. (2015). Parenthood as a value in modern Russian society. *International Journal «Symbol of Science»*, 7, pp. 71-75
- Kon, I.S. (2011). Three in One: A Sexual, Gender and Family Revolution. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1(14), pp. 51-65.
- Krapivka, I.A. (2010). Value orientations in family life. *Theory and practice of social development*, 4, pp. 51-54.
- Rusanova, A. A. (2012). Family as a value and an institution of social self-determination of student youth. *Contemporary Research in Social Problems*, 4(12).
- Selezneva, E.A. (2021). Analysis of the concepts of family and family values. *Problems of Modern Education*, 5, 270-280. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280.
- Sinelnikov, A.B. (2008). Family transformation and society development. M.: KDU, 2008.
- Vishnevsky, A.G. (2012). Russia: demographic results of two decades. *World of Russia*, 3(21), pp. 3-40.
- Bourdieu, P. (2001). Practical Sense. M. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/3069/3083>.

Дата получения рукописи: 18.09.2022

Дата окончания рецензирования: 13.10.2022

Дата принятия к публикации: 17.10.2022

Информация об авторе

Ильиных Светлана Анатольевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: ili.sa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Ilinykh Svetlana Anatolievna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: ili.sa@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.5

EDN DLZGZR

**Проблемы обеспечения жильем детей-сирот в Оренбургской области:
основные аспекты****Светлана В. Спасенкова¹**¹Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург, Россия
e-mail: orenspas@mail.ru**Юлия В. Мугиль²**²Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург, Россия
e-mail: julia.mugil@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В статье рассматриваются основные аспекты проблемы обеспечения жильем детей-сирот в конкретном регионе – Оренбургской области. Настоящее исследование посвящено изучению социальных, правовых и психологических аспектов, связанных с предоставлением жизненно необходимой меры поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Методы. Исследование проводилось методом письменного опроса (анкетирование), респондентами выступили лица, имеющие на данный момент или имевшие ранее статус сироты (N=56), проживающие на постоянной основе в Оренбургской области.

Результаты. На основании полученных данных, авторы указывают на то, что основными проблемами, препятствующими получению жилья в регионе, являются дефицит государственных инвестиций в строительство доступного и комфортного жилья, сложные бюрократические барьеры. Решение жилищных проблем сирот в Оренбургской области в наибольшей степени зависит от представителей органов государственной власти и в меньшей степени от них самих. Получение своего жилья является смыслом жизни, мечтой и главной целью.

Ключевые слова: сиротство; дети-сироты; жилищное обеспечение; жилищные права; состояние жилья; меры социальной поддержки.

Для цитирования: Спасенкова С.В., Мугиль Ю.В. (2022). Проблемы обеспечения жильем детей-сирот в Оренбургской области: основные аспекты. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 60-68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.5>

**Problems of providing housing for orphans in the Orenburg region:
main aspects****Svetlana V. Spasenkova¹**¹Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia
e-mail: orenspas@mail.ru**Yulia V. Mugil²**²Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia
e-mail: julia.mugil@yandex.ru**Abstract**

Introduction. The article discusses the main aspects of the problem of providing housing for orphans in a particular region – the Orenburg region. This study is devoted to the study of social, legal and psychological aspects related to the provision of vital support measures for orphans and children left without parental care.

Methods. The study was conducted by a written survey (questionnaire), the respondents were persons who currently have or previously had the status of orphans (N=56), living permanently in the Orenburg region.

Results. Based on the data obtained, the authors point out that the main problems preventing housing in the region are the lack of public investment in the construction of affordable and comfortable housing, complex bureaucratic barriers. The solution of the housing problems of orphans in the Orenburg region depends to the

greatest extent on representatives of state authorities and to a lesser extent on themselves. Getting your own home is the meaning of life, a dream and the main goal.

Keywords: orphanhood; orphaned children; housing provision; housing rights; housing condition; social support measures.

For citation: Spasenkova S.V., Mugil Y.V. (2022). Problems of providing housing for orphans in the Orenburg region: main aspects, *CaucasianScienceBridge*, 5 (2), P. 60-68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.5>

Введение

Сиротство, являясь социальным явлением, присуще человечеству на всех этапах его развития. Проблема сиротства значительна и многогранна, так как вызвана целым рядом факторов, среди которых можно выделить юридические, демографические, экономические, культурные и социально-психологические.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, находятся в исключительно экстремальных условиях, поскольку не имеют возможности удовлетворения основных потребностей в психологическом развитии, эмоциональной и социальной защищенности. Кроме того, лишённые ролевой модели поведения в семье, они часто не могут развиваться полноценно в социальном пространстве прав и обязанностей (Абдулаева, Хадисова, 2020).

Существует большое количество причин, препятствующих эффективной адаптации детей-сирот в обществе. Но анализ результатов проведенных исследований в области социологии, психологии, юриспруденции и демографии по данной проблеме позволяет сделать вывод о том, что одним из самых действенных инструментов для обеспечения эффективной адаптации сироты в обществе, поддержания достойного уровня жизни является наличие собственного жилья. Несмотря на предпринимаемые меры со стороны государства и реализуемые программы, очередь на жилье с каждым годом становится все больше и больше (<https://www.rbc.ru/newspaper>, 2022)

Поскольку сиротство – болезненно-актуальная история для нашего общества, этой теме посвящены различные исследования отечественных специалистов, изучающих явление с самых разных позиций. Так, проблемы социальной региональной политики, в том числе в комплексной поддержке детей-сирот в части обеспечения их жильем, рассматривали Морозова Е.А., Минаева Т.А. (2017). Сущность жилищных проблем у лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в субъектах Российской Федерации рассматривал Сарбалаев А.М. (2019). Проблему проявления социального иждивенчества при реализации жилищных прав детей-сирот исследовали Зимина Е.В., Нефедьева Е.И., Седых О.Г. (2017). Специфический аспект отношения населения к проблеме сиротства изучали Тырнова Н.А. и Даценко Н.О. (2020). Международный опыт обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, исследовали Васильева Е.Ю., Фролова Е.В., Рогач О.В. (2020).

Целью данного исследования является оценка состояния жилищного обеспечения детей-сирот в Оренбургской области как одном из типичных депрессивных регионов РФ, выявление актуальных аспектов проблемы жилищного обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с результатами которого мы хотели бы познакомить в данной статье.

Методы

С целью исследования актуальных социальных, правовых и психологических аспектов, связанных с предоставлением жизненно необходимой меры поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, был проведен анкетный опрос, в котором приняло участие 56 респондентов. Респондентами выступили лица, имеющие на момент исследования или имевшие ранее статус сироты, проживающие на постоянной основе в Оренбургской области.

Кроме того, одновременно был проведен анализ нормативно-правовой базы обеспечения жильем детей-сирот и анализ статистических данных по Оренбургской области, связанных с проблемой исследования.

Результаты

Можно утверждать, что в настоящее время на законодательном уровне определен единый подход к реализации механизма обеспечения жильем детей-сирот. В Российской Федерации действует система финансирования мероприятий по обеспечению жильем наших граждан, которая возлагает на исполнительные органы субъектов власти расходование определенной доли бюджетных средств на жилье для сирот. При этом органы власти обязаны проводить активную работу по привлечению дополнительных финансовых средств на данные цели. Наши законодатели посчитали, что налаживание такой системы будет способствовать сокращению нарушений основных жилищных прав детей-сирот и оптимизирует этот процесс (Климантова и др., 2008).

При этом из-за серьезных изменений в законодательной базе все время усиливается прокурорский надзор за реализацией мер имущественной поддержки граждан.

Федеральным законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» установлено, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, обеспечиваются органами исполнительной власти по месту жительства вне очереди жилой площадью не ниже установленных социальных норм. Однако ни в данном законе, ни в Жилищном кодексе Российской Федерации не дается определения понятия «социальная норма». (<http://www.consultant.ru>, 2022).

В Жилищном кодексе Российской Федерации используется понятие «норма предоставления площади жилого помещения». В соответствии с частью 1 статьи 50 Жилищного кодекса Российской Федерации нормой предоставления площади жилого помещения по договору социального найма является минимальный размер площади жилого помещения, исходя из которого определяется размер общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма. Согласно части 2 статьи 50 Жилищного кодекса Российской Федерации норма предоставления устанавливается органом местного самоуправления в зависимости от достигнутого в соответствующем муниципальном образовании уровня обеспеченности жилыми помещениями, предоставляемыми по договорам найма, и других факторов (<http://www.consultant.ru>, 2022).

Таким образом, порядок обеспечения жильем детей-сирот устанавливается федеральным и региональным законодательством.

В 2020 году в Оренбургской области был проведен мониторинг состояния жилых помещений, предоставленных с 2015 года детям-сиротам по договорам социального найма и договорам найма специализированных жилых помещений. Установлено, что из 2120 обследованных жилых помещений в 542 сироты не проживали, выбрав по причине трудоустройства или семейных обстоятельств местом жительства другое муниципальное образование области либо регион (<https://msr.orb.ru>, 2022). Большинство квартир предоставлено по договорам найма специализированных жилых помещений, приватизировать их нет правовых оснований. Жилье пустует и приходит в негодность, и это одна проблема.

Другая заключается в том, что, несмотря на то, что в Оренбургской области за последние 5 лет из средств федерального бюджета для решения этого вопроса было выделено более 110 миллионов рублей, из бюджета Оренбургской области –

около 400 миллионов рублей, этих средств явно недостаточно. За прошлый год жильем было обеспечено всего 570 сирот, притом, что в очереди стояло 2573 сироты. Следовательно, в год закрывается потребность лишь 1/5 части от всего количества нуждающихся, что, в свою очередь, ведет к увеличению срока ожидания жилья до 5 лет. В настоящее время, чтобы закрыть всю очередь, необходимо более 2,8 млрд. рублей (<https://mo-ab.orb.ru>, 2022).

Исходя из полученных данных в ходе анкетирования, социальный портрет респондента «женский». Всего в опросе приняли участие 56 человек. Среди них 49 женщин и 7 мужчин. Явно «женское лицо» у нашей выборки объяснимо. Опрос проводился среди клиентов ГКУ «Центр социальной поддержки населения» города Оренбурга, куда, как правило, обращаются преимущественно женщины и девушки.

Наибольшее число опрошенных (81 %) находится в возрасте от 18 до 35 лет. Перед ними со всей остротой встает вопрос о том, где и как дальше жить. Значительно меньше – 11 % – занимают респонденты в возрасте до 18 лет. Лица такого возраста, как правило, не встают на жилищный учет заранее, потому что большинство из них не имеют никакой информации об имеющихся у них правах. Однако то, что появляется значительная доля ребят, заранее осведомленных о своих правах и стремящихся их реализовать, можно рассматривать как положительную тенденцию.

Незначительная часть (8 %) пришлась на людей в возрасте от 35 до 45 лет. Такая малая доля респондентов в указанной возрастной категории вполне объяснима. Вплоть до 2021 года по Федеральному закону от 21.12.1996 N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», граждане, достигшие двадцатитрехлетнего возраста и не успевшие по разным причинам встать в очередь на получение жилья, не могли претендовать даже на бесплатное место в общежитии учебного заведения, в котором обучались, не говоря уже о полноценной квартире или доме. Многочисленные суды, связанные с этим возрастным ограничением, выигранные сиротами, позволили законодателям пересмотреть дискриминационную статью в законе. Однако далеко не все сироты знают об изменении в законе, поэтому многие даже не пытаются добиться правды. Информационное просвещение обо всех законодательных новшествах должно стать более распространенным и доступным, например, на портале Госуслуги.

Уровень образованности респондентов представлен следующими данными (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню образования, %

среднее специальное образование	44
неоконченное высшее образование	37
высшее образование	19

Все респонденты, участвовавшие в опросе, получили профессиональное образование. Очевидно, что совершенствование Российского законодательства и социальные программы поддержки сирот в обязательном порядке обеспечивают возможность получить профессию и тем самым социализироваться в полной мере.

Следующие вопросы касались непосредственно обеспеченности опрашиваемых жильем (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение респондентов по наличию жилья, %

Как видно из диаграммы, менее половины имеют отдельное жильё (27% являются счастливыми обладателями своего дома или квартиры и 16% получили жильё, не находящееся в собственности, от государства – всего 43%). 57% респондентов, по сути, являются людьми, не имеющими своего жилья. Большая часть из них проживает либо в общежитии, либо в жильё, принадлежащим родственникам – по 23%. И 11% снимают квартиру.

Степень удовлетворенности респондентов имеющимся жильем сложилась следующим образом: полностью состоянием своего жилья удовлетворены лишь 27%. Основные недостатки имеющегося жилья, на которые указали опрашиваемые – наличие только частичных (есть газо- или водопровод) удобств, отсутствие канализации, горячего водоснабжения, либо полное отсутствие удобств (например, двое указали, что в их домах нет центрального водоснабжения!).

Таким образом, наличие проблем в обеспеченности сирот жильем в регионе не вызывает сомнений.

Респонденты в качестве наиболее актуальных проблем обеспечения жильем называют дефицит государственных инвестиций в строительство доступного и комфортного жилья (54%), сложные бюрократические барьеры (39%). 19% опрошенных считают, что проблема заключается в низком уровне правовой грамотности самих сирот, 15% – их собственное неумение общаться с официальными лицами.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, от кого в большей степени зависит решение жилищных вопросов сирот» вполне ожидаемо (табл. 2). По мнению респондентов, представители органов государственной власти и чиновники без должной профессиональной ответственности относятся к проблеме.

Показательным является и тот факт, что более 30% сирот считают, что трудности с жильем нужно стремиться решать самостоятельно.

В вопросах справедливости распределения жилья разным категориям сирот при его бесспорном дефиците респонденты, на наш взгляд, демонстрируют некоторый эгоизм. Большая часть отвечающих придерживается мнения, что бесплатное жильё должно выделяться всем сиротам без исключения, так ответили 81%. И лишь 8%

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, от кого в большей степени зависит решение жилищных вопросов сирот», %**

Как Вы считаете, от кого в большей степени зависит решение жилищных вопросов сирот	1 – совсем не зависит, 5 – зависит в наибольшей степени				
	1	2	3	4	5
Представителей органов государственной власти, чиновников	8	4	4	4	80
Сотрудников детского дома, школы-интерната	15	15	19	39	12
Общественных организаций, спонсоров	19	19	8	23	31
Родственников	8	31	45	4	12
Самих сирот	58	8	11	4	19

считают, что жилье необходимо выделять только тем, кто совсем его не имеет. 11% указали, что получать жилье должны лишь те, кто в нем нуждается, живя у родственников или в неудовлетворительных условиях.

Как показало исследование, одной из главных проблем своевременной постановки на учет в органах государственной власти является информированность наших граждан об имеющихся у них правах и гарантиях. На вопрос об источниках информации о собственных правах на получение жилья респонденты говорят, в основном, о родственниках, друзьях и знакомых – 39%. Средства массовой коммуникации называют 38%. Информацию от официальных лиц получают лишь 19% респондентов, из специальной литературы – 4%.

К сожалению, действующее законодательство не определяет обязанность какого-либо органа государственной власти осуществлять информирование граждан о наличии у них тех или иных прав, в том числе, на получение бесплатного жилья.

Субъективно-психологические аспекты обсуждаемой проблемы сложились из ответа на вопрос: «Жилье для Вас – это ...». Респондентам требовалось самостоятельно закончить предложение.

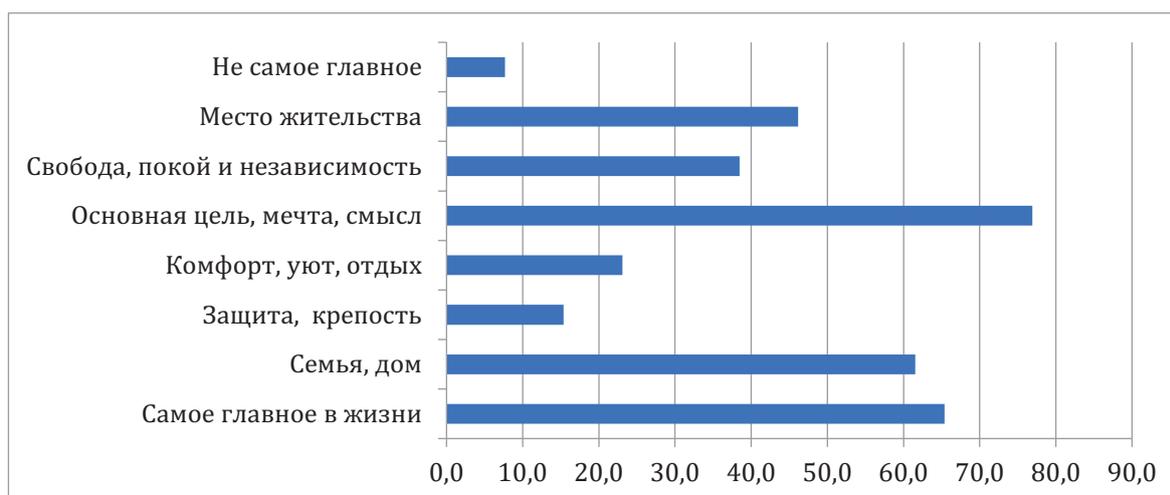

Рисунок 2. Распределение ответов на открытый вопрос «Жилье для Вас – это ...», %

Ответы довольно красноречивы. Для большинства респондентов жилье является основной целью, мечтой и смыслом жизни (77%). Велика доля и тех, для кого жилье самое главное в жизни (65%). Обычно такая оценка дается событиям, которые

носят несбыточный, отдаленный, даже иллюзорный характер. Это лишний раз доказывает, насколько важен собственный дом для сироты, с детства его не имеющего. И как слабы надежды на то, чтобы эту мечту осуществить. Корреляция с ответами на вопрос об обеспеченности жильем наших собеседников ожидаемо показала, что такое отношение к собственному дому высказали именно те опрашиваемые, которые его не имеют (62%). Чуть больше половины респондентов дали более практичный и традиционный ответ, отметив, что для них жилье ассоциируется с семьей и домом. Просто местом жительства жилье назвали 46% опрошенных, свободой, покоем и независимостью – 38%. Лишь 8% написали, что это для них не самое главное.

На вопрос о том, по каким критериям наши участники считают жилье комфортным, мы получили ответ, что благоустроенным жильем большинство опрошенных (77%) считают жилье, которое оснащено всеми средствами коммуникации.

Предложив нашим собеседникам закончить самостоятельно фразу «Если Вы сегодня получите бесплатно квартиру или дом...», мы получили примерно следующие ответы, суммировав их по смыслу: примерно 56% сирот ответили, что будут чувствовать себя самыми счастливыми людьми на земле, 16% предположили, что исполнилась бы их самая заветная мечта. 11% решили, что это ожидаемое событие. Для 14% сирот этим решились бы все проблемы. И только 3% отказались бы от полученного жилья в пользу тех, кто действительно нуждается. При этом 77% респондентов в дальнейшем не хотели бы жить с родственниками. Это лишний раз подтверждает, насколько велико желание наших клиентов жить самостоятельной и независимой жизнью.

Из ответов на открытый вопрос «Сколько квадратных метров жилой площади Вы хотели бы иметь в собственности» можно определить средний размер желаемой площади жилья для наших собеседников. Так, оптимальным для проживания респонденты считают жилье, общая площадь которого в среднем составляет 55 кв.м. В среднем по Оренбургской области данный показатель колеблется от 37 до 45 кв. м. Следовательно, респонденты хотели бы иметь жилье больших размеров, чем доступно сегодня среднестатистическому оренбуржцу-сироте.

Следующий блок вопросов был направлен на определение жизненных приоритетов респондентов. На вопрос «Как Вы считаете, что для сирот важнее всего в жизни» были получены следующие ответы (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, что для сирот важнее всего в жизни», %**

Вы считаете, что для сирот важнее всего в жизни	1 – совсем не важно, 5 – очень важно				
	1	2	3	4	5
Получить хорошее образование	8	4	23	15	50
Найти высокооплачиваемую работу	0	4	12	15	69
Выйти замуж (жениться), иметь семью	19	19	27	23	12
Обзавестись жильем	0	8	4	15	73
Иметь надежных и верных друзей	15	23	32	15	15

Полученные данные еще раз подтверждают высокую ценность жилья для наших респондентов – 73%. Преимущество также отдается получению хорошего образования – 50%, высокооплачиваемой работе – 69%. Выйти замуж (жениться) лишь для 35% респондентов является важным. 32% предпочитают наличие надежных и верных друзей. Суммировав для сравнения предпочтения по 4 и 5 позициям, получим

следующее: необходимость обзавестись жильем считают важным 89% респондентов, найти работу – 85% и 65% задумываются об образовании. Таким образом, самым важным в жизни опрашиваемых выступает материальная составляющая. Сложнее всего в жизни респондентам достается жилье и хорошее образование. Так ответили 77% и 46% соответственно.

Заключение

Таким образом, несмотря на проводимые реформы и реализуемые социальные программы как на федеральном, так и на региональном уровнях, проблема жилищного обеспечения сирот остается пока полностью нерешенной.

В настоящее время в Оренбургской области подавляющее число сирот не имеет собственного жилья. Те же, кто имеет, не удовлетворены его состоянием. Для многих получение своего жилья является смыслом жизни, мечтой и главной целью. При первой же возможности, они приобрели бы именно жилье.

Основными проблемами, препятствующими получению жилья в регионе, являются дефицит государственных инвестиций в строительство доступного и комфортного жилья, сложные бюрократические барьеры.

Литература

- Абдулаева, Э.С., Хадисова, К.В. (2020). Специфика социальной защиты молодежи и детей в России. Монография, М.: Русайнс, 90.
- Васильева, Е.Ю., Фролова, Е.В., Рогач, О.В. (2020). Международный опыт обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Социальная политика и социология*, 4 (137), 95-102.
- Зиминая, Е.В., Нефедьева, Е.И., Седых, О.Г. (2017). Проявление социального иждивенчества при реализации жилищных прав детей-сирот. Теория и практика социальной работы: история и современность. Сборник научных трудов, Барнаул: Алтайский государственный университет, 87 – 102.
- Морозова, Е.А., Минаева, Т.А. (2017). Социальная политика в регионе: некоторые тенденции и проблемы (на примере Кемеровской области). *Вестник Кемеровского государственного университета*, 1, 28 – 33.
- Сарбалаев, А.М. (2019). Сущность жилищных проблем у лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в субъектах Российской Федерации. Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью. Материалы международной научно-практической конференции. Под общей ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород : ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 539–546.
- Социально-педагогические технологии семейного устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Учеб.- метод. пособ. Под ред. Г.И. Климантовой(2018), М.: РГСУ, 192.
- Тырнова, Н.А., Даценко, Н.О. (2020). Отношение населения г. Астрахани к проблеме социального сиротства. Прикладные социологические исследования Астраханского региона. Сборник статей. Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич, 27-32.
- Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
- О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон N 159-ФЗ от 21.12.1996. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
- Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка законности, эффективности и целевого использования бюджетных средств, выделяемых на обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в рамках муниципальной программы «Обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отдельных категорий граждан, установленных законодательством Оренбургской области» в 2019 – 2020 годах. Режим доступа :<https://mo-ab.orb.ru/documents/active/46220/>
- Счетная палата померила сиротские метры. Газета 037. Общество 26.03.2022. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/03/26/5e7b26399a7947cefc348172>
- Татьяна Самохина принимает участие в работе комитета Совета Федерации по социальной политике. Министерство социального развития Оренбургской области. 25.02.2021. Режим доступа <https://msr.orb.ru/presscenter/news/3601/>

References

- Abdulaeva, E. S., Khadisova K.V. (2020). Specificity of young people and children social support in Russia. Monograph. Moscow: Rusayns, p. 90.
- Morozova, E. A., Minaeva, T. A. (2017). Region social policy: some trends and problems (on Kemerovo region example). *Bulletin of Kemerovo State University*, (1): pp. 28-33.
- Sarbalaev, A. M. (2016). Housing problems of persons from among orphans and children left without parental care essence in Russian Federation subjects. Social environment dynamics as new social work and work with young people organization professionals needs development factor. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Under general editorship of Z. Kh. Saralieva. Nizhny Novgorod: "Research Sociological Center" LLC, 2019: pp. 539-546.
- Socio-pedagogical technologies of family arrangement and orphaned children and children left without parental care upbringing: training and methodical manual. Under the editorship of G. I. Klimantova. Moscow: RSSU, (2018), p. 192.
- Vasilyeva, E.Yu., Frolova, E.V., Rogatch, O.V. (2020). International experience of orphaned children and children left without parental care housing provision. *Social policy and sociology*, 137 (4): pp. 95-102.
- Zimina, E.V., Nefedova, E.I., Sedyh, O.G. (2016). Social dependency manifestation during orphans housing rights realization. Social work theory and practice: history and modernity. Collection of proceedings. Barnaul: Altai State University, pp. 87-102.
- "Checking the "Housing supply of orphans and children left without parental care of the Orenburg region" municipal program legality, efficiency and targeted use of budget funds allocated to orphaned children and children left without parental care housing supply". Control action results of 2019-2020 report. Available at: <https://mo-ab.orb.ru/documents/active/46220/>
- Housing Code of the Russian Federation. The federal law of the Russian Federation of December 29.2004 N 188-FZ. Available at: <http://www.consultant.ru>.
- The federal law of the Russian Federation of December 21, 1996 N 159-FZ "About additional guarantees for orphaned children and children left without parental care social support". Available at: <http://www.consultant.ru>

Дата получения рукописи: 19.10.2022

Дата окончания рецензирования: 07.11.2022

Дата принятия к публикации: 10.11.2022

Информация об авторах

Спасенкова Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Оренбургский государственный аграрный университет; e-mail: orensipas@mail.ru

Мугиль Юлия Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Оренбургский государственный аграрный университет; e-mail: julia.mugil@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Spasenkova Svetlana Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Orenburg State Agrarian University; e-mail: orensipas@mail.ru

Mugil Yulia Valentinovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Orenburg State Agrarian University; e-mail: julia.mugil@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.6

EDN DHPHXU

**Технократизм в государственном и муниципальном управлении:
опыт реализации и перспективы применения в России****Александр Б. Понамарёв¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: kalvarus94@gmail.com**Аннотация**

Введение. В статье предпринимается попытка оценить перспективы дальнейшей имплементации заимствованных из западных стран инструментов технократизма и менеджериализма в публичное управление. В статье проводится анализ непереуведенной англоязычной литературы и предпринимается попытка провести ретроспективный анализ научного дискурса, посвященного технократии в органах публичной власти. Цель исследования – ответить на вопрос о применимости западных принципов менеджмента в российском государственном и муниципальном управлении. В предметном поле социологии управления редко рассматривается проблема влияния технократии на социально-политическое и институциональное поле российского социума, и по этой причине данная исследовательская ниша требует серьезной научной рефлексии.

Методы. Исследование базируется на парадигмальных основаниях социологического институционализма Джона Мейера. Институты, в которые внедряются инструменты технократизма, рассматриваются с позиции их эволюции и в опоре на акторов, взаимодействующих в рамках этих институтов. Основные методы исследования: анализ документов и сравнение практических результатов реализации зарубежных практик технократизма с отечественными попытками повторить их успех.

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования показывают, что современное российское государственное и муниципальное управление не готово к внедрению технологий корпоративного управления в целях повышения эффективности работы. Этот вывод делается на основе двух тезисов:

1. Эффективное внедрение инструментов технократии в публичное управление требует контроля демократических институтов над технократами.
2. Управленческая культура среди технократов должна быть конкурентной и нацеленной на эффективность.

Вертикализация властных отношений, кадровые проблемы в институтах государственного и муниципального управления, имитационные и коррупционные практики, а также фактическая зависимость законодательной власти от исполнительной не позволяют реализовывать инструменты технократизма и менеджериализма без очевидных негативных последствий.

Ключевые слова: технократия; технократизм; муниципальное управление; государственное управление; эффективность управления; менеджериализм; имитационные практики.

Для цитирования: Понамарёв А.Б. (2022). Технократизм в государственном и муниципальном управлении: опыт реализации и перспективы применения в России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 70-80. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.6>

**Technocracy in State and Municipal Governance:
Experience of implementation and prospects for application in Russia****Alexander B. Ponomarev¹**¹South Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: kalvarus94@gmail.com**Abstract**

Introduction. The article attempts to assess the prospects for further implementation of technocratic and managerial tools borrowed from Western countries into public administration. The article analyzes

the untranslated English-language literature and showcases a retrospective analysis of the scientific discourse on technocracy in public administration. The aim of the study is to answer the question: "Are Western management principles applicable to Russian state and municipal governance?" The subject field of sociology of management rarely considers the problem of the influence of technocracy on the sociopolitical and institutional field of the Russian Federation and, for this reason, this research niche requires serious scientific reflection.

Methods. The study is based on the paradigmatic foundations of sociological institutionalism, which are described by John Meyer. The institutions into which the tools of technocracy are introduced are examined from the point of view of their evolution and in reliance on the actors interacting within these institutions. The main methods of research – analysis of documents and comparing the practical results of the implementation of foreign practices of technocracy with domestic attempts to replicate their success.

Results and its discussion. The results of the study show that contemporary Russian state and municipal government are not ready for the implementation of corporate governance technologies to improve performance. This conclusion is based on two theses:

1. Effective introduction of technocracy tools in public administration requires control of democratic institutions over technocrats.
2. Managerial culture among technocrats must be competitive and focused on efficiency.

Verticalization of power relations, staffing problems in the institutions of state and municipal government, imitative and corrupt practices, as well as the actual dependence of the legislative branch on the executive branch does not allow the tools of technocracy and managerialism to be implemented without obvious negative consequences.

Keywords: Technocracy; Technocracy; municipal governance; public administration; management efficiency; managerialism; imitative practices.

For citation: Ponamaryov A.B. (2022). Technocracy in State and Municipal Governance: Experience of implementation and prospects for application in Russia. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 70-80. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.6>

Введение

В современной рыночной экономике, стремящейся ко все более высоким уровням глобальной интеграции, постоянно возрастает необходимость оптимизации системы публичной власти (public governance) и повышения эффективности процесса принятия управленческих решений. Научные дискуссии в основном сосредоточены вокруг двух идейно-противоположных подходов к организации публичной власти – технократической и демократической. Подобные обсуждения характерны, в первую очередь, для стран т.н. «западного мира», в которых вопрос совмещения эффективности и народного представительства стоит наиболее остро. При этом в отечественном научном дискурсе споры об эффективности работы власти достаточно актуализированы и связаны с рассмотрением попыток законодателя заимствовать те или иные американские управленческие стратегии и подходы с сохранением общего «духа» российской управленческой культуры.

В этом, как нам кажется, заключается серьезная проблема, требующая внимания научного сообщества. Может ли российская публичная власть эффективно имплементировать заимствованные с Запада модели управления? Эта проблема имеет актуальный и социально-значимый характер, так как административные реформы, проводимые в нашей стране, значительно меняют социально-политический климат и могут оказать как положительное, так и отрицательное влияние на реализацию стратегических планов по развитию российской экономики. Можно сказать, что основной вопрос, на который следует получить ответ, это применимость западных принципов менеджмента в российском государственном и муниципальном управлении. Если взглянуть на этот вопрос через призму социологической предметности, то его можно сформулировать более емко и точно: «Соответствуют ли институциональ-

ные условия России тем, которые необходимы для эффективной реализации заимствованных моделей управления?».

Следует констатировать, что в рамках социологии управления исследователи редко уделяют внимание технократизму в государственном и муниципальном управлении, а науки об управлении редко касаются тематики его внедрения в публичное управление.

В рамках этой статьи мы проведем ретроспективу дискуссий о технократизме в американском научном дискурсе и предпримем попытку объяснить, почему российское государственное и муниципальное управление не сможет функционировать в парадигме технократизма и менеджериализма.

Методы

Данное исследование выстроено на парадигмальных основаниях социологического институционализма Джона Мейера. Мы будем рассматривать институты, во-первых, с позиции их эволюции, а, во-вторых, в опоре на акторов, взаимодействующих в рамках этих институтов. Из этого следует, что мы предпримем попытку отойти от характерного для классического институционализма нормативного подхода, и изучим институциональные практики в опоре на социологические принципы, связанные с установкой на то, что акторы действуют не столько из норм и формальных правил институтов, сколько исходя из устоявшихся паттернов поведения. Основные методы исследования: анализ документов и сравнение практических результатов реализации зарубежных практик технократизма с отечественными попытками повторить их успех. В рамках данного исследования мы будем опираться на непереуведенную научную литературу, посвященную противоречию демократического (часто называющегося популистским) и технократического подхода к организации публичной власти.

Результаты и их обсуждение

Стоит начать с установления основных понятий, связанных с темой нашего исследования. Появление технократии связывают с У.Г. Смитом, который в своей статье «Технократия – пути и методы достижения индустриальной демократии» описал её как «правление народа, ставшее эффективным благодаря деятельности его слуг, ученых и инженеров». В 1919 году вопрос включения рабочих и инженеров в процесс принятия решений стоял очень остро, и по этой причине продвигаемая У.Г. Смитом «индустриальная демократия» должна была создаваться на основе участия специалистов в работе власти. Проще говоря, индивиды, обладающие специальными знаниями и компетенциями, смогут принимать более эффективные решения, чем народные избранники, не имеющие какой-либо специализации. Стоит отметить, что в начале XX века специальности «государственная и муниципальная служба» не было практически нигде в мире и вопрос компетентности т.н. «слуг народа» оставался открытым, требуя серьезной рефлексии. Идеи квази-технократизма были достаточно популярны и ранее. Например, А. Сен-Симон обосновывал идею о том, что государство должно уступить принятие решений ученым, а Ф. Тейлор и его концепция «научного менеджмента» очень схожа с идеями технократизма в управлении (Taylor, 1911.).

Современный технократизм напрямую связан с использованием компьютерных программ, искусственного интеллекта и иных плодов информационных тех-

нологий, применяемых для оптимизации принятия управленческих решений. Их распространение в органах публичной власти развитых стран обусловлено менеджеристским подходом к управлению, который можно охарактеризовать как своеобразную «менеджеристскую революцию». Её суть заключается в том, что принципы корпоративного управления, характерные для крупных частных коммерческих организаций, применяются в публичном управлении. Такой подход, очевидно, позволяет избавиться от «беспольных политизированных популистов», занимающих должности глав администраций городов и иные важные посты, но при этом связан с риском нарушения главного принципа демократии – представительства интересов народа. Во время пандемии COVID19 весь мир фактически превратился в технократическую автократию и даже свободолюбивые страны развитого мира перешли от парламентаризма именно к этой форме управления. Экономический кризис, вызванный тяжелой эпидемиологической ситуацией, привёл к власти узких специалистов-врачей, внезапно превратившихся из консультантов в фактических законодателей. В этой связи дискуссии по теме «популизм против технократизма» усилились. Об этом писали как в работах непосредственно о пандемии (Windholz, 2020), так и в тех, что посвящены вопросам бинарности технократизма и популизма (Pabst, 2022), опасности внезапной замены технократических принципов *популистскими* (Arellano, 2020), а также изменениях, неизбежно ожидающих людей живущих в т.н. «умных» *городах* (Tobin, 2022). Исследователи обращают внимание на то, что технократизм очень привлекателен для авторитарных режимов, о чем свидетельствует то, что государственные служащие США стремятся получить юридическое образование, в то время как китайские чаще всего обладают инженерным образованием (Китайские и американские... 2016). Объясняют это тем, что в странах с развитой представительной демократией умение «лавирировать» между четко очерченными законами – более полезный навык, чем обладание специальными знаниями, которые, возможно, не удастся применить. При этом в КНР ситуация обстоит принципиально иным образом – государственная машина Китая хоть и является неповоротливой, медленной и бюрократизированной, но имеет возможности реализовать политическую волю руководства фактически в обход мнения населения и по этой причине обладание компетенциями в этой стране важнее, чем знание прав и свобод. Именно в Китае, например, популяризуется и продвигается социальный контроль, осуществляемый при помощи технически опосредованных средств – социального рейтинга, цифровой слежки, жесткого контроля социальных сетей. Все вышеописанные процессы доведены до автоматизма при помощи искусственного интеллекта. Стоит отметить, что на момент написания этой статьи вышеописанные технологии находятся в стадии тестирования и не введены повсеместно. Однако тенденция коммунистического Китая контролировать население при помощи высоких технологий подтверждает утверждение о том, что технократы могут стремиться также и к жесткому контролю над населением. Коллектив исследователей из Польши и Италии предпринял попытку посмотреть на вышеописанные проблемы на уровне муниципального управления и пришли к выводу, что в нем чаще всего наблюдается смешение технократизма и популизма (Drapalova, 2020).

В общем и целом, в научном дискурсе технократизм практически всегда сопряжён с его критикой, недемократичностью и иными проблемами. При этом делается акцент на том, что в некоторых случаях технократический подход просто необхо-

дим. Например, управление природными ресурсами без привлечения квалифицированных специалистов не может привести ни к чему хорошему, как заявляет В. Кларк (Clark, 2022). В этой связи следует задуматься над следующим вопросом: «Каковы могут быть грани применения технократического подхода в управлении?» и именно здесь начинаются серьезные затруднения. Во-первых, потому что в научном сообществе отсутствует консенсус о самой эффективности технократического подхода, а, во-вторых, из-за размытия граней технократизма и цифровой бюрократизации. Остановимся на этом моменте подробнее.

Начнем с того, что применение информационных технологий для оптимизации процесса принятия управленческих решений – не технократия. Неотъемлемой частью технократии в публичном управлении выступает отказ от избранного представителя электората в пользу эффективного специалиста. В 2022 году даже избранные демократическим путем управленцы прибегают к помощи программного обеспечения, позволяющего моделировать те или иные процессы, происходящие в городе или стране, но это не делает управленца технократом. Отличительной характеристикой технократа может считаться занятие им должности в обход демократических институтов. Именно здесь и очерчен основной фронт борьбы технократов и демократов. Первые утверждают, что профессиональные управленцы, опирающиеся на принципы рациональности и эффективности, справятся с управлением городом лучше, чем демократы, оглядывающиеся на мнения электората и испытывающие страх перед принятием радикальных решений, способных отрицательно сказаться на их политической карьере. Вторые, при этом, считают, что в таком случае публичное управление утратит связь с людьми и де факто перестанет таковым являться. Как говорилось ранее, исследователи сталкиваются с проблемой четкого определения результативности технократических правительств от чисто-демократических. Например, страны Евросоюза фактически живут в симбиозе технократии и демократии. Наднациональные объединения могут считаться технократическими, так как они создают унифицированные рамки и законы, в которых должен жить «Европейский дом», но правительства каждой отдельно-взятой страны являются демократическими. И в таком сложном случае достаточно трудно определить, являются ли успехи или неудачи той или иной страны связанными с избранным правительством или технократами, возглавляющими конкретные департаменты Евросоюза.

Любая инновация в государственном или муниципальном управлении требует подготовленной институциональной, социально-политической и социально-экономической среды для того, чтобы она «прижилась». Если посмотреть на этот вопрос с точки зрения социологии управления, то у управленцев, желающих ввести ту или иную менеджеристскую инновацию, должна быть сформирована реальная потребность в ней. В США, например, эта потребность была ярко выражена и связывалась, в первую очередь, с необходимостью избавиться от популистов-непрофессионалов на уровне муниципального управления. Ситуация в американских муниципалитетах сложилась таким образом, что малые города не имели достаточно квалифицированных кадров для поддержания постоянно усложняющейся экономики. Именно по этой причине рационализация управленческих решений, введение систем KPI и общий перевод малых городов в аналог своеобразных корпораций удался и принес плоды. Наиболее интуитивным кажется вывод о том, что технократические формы муниципального управления лучше,

чем демократические, но взгляд через призму социологической предметности позволяет развеять это предубеждение. Во-первых, социальные связи, установленные между населением городов, в которых в начале XX века вводились технократические инновации, не ослабли благодаря развитым демократическим институтам, в частности, выборам муниципальных депутатов. Иными словами, народные избранники, нанимающие на административные должности технократов, имели возможность контролировать их работу и следить за тем, что принимаемые ими решения отвечают потребностям электората. Таким образом, в США установился своеобразный симбиоз технократии и демократии, где их сферы деятельности различны: демократические ценности оставались в законодательной ветви власти, а технократы покоряли исполнительную. Объясняется это просто: технократия опасна тогда, когда имеет риск потерять связь с той «целью» ради которой она применяется – повышением качества жизни населения. Следует помнить, что количественные показатели эффективности, введение систем индивидуальной оценки специалистов, цифровизация и иные инновационные технологии – средства для достижения цели, но не сама цель. При этом чем выше уровень применения технократических инструментов, тем деструктивнее их влияние. Ранее мы уже приводили пример с Евросоюзом, в рамках которого отдельно-взятые страны обращают внимание, что технократы, заседающие в Брюсселе, не имеют возможности оглянуться на индивидуальные особенности страны-члена и это приводит к конфликтам и продолжительным разбирательствам. Из этого следует, что мировой опыт применения технократических инструментов в публичном управлении значительно ограничен. Проще говоря, не так сложно оценить эффективность работы муниципального управления с населением в пятьдесят тысяч человек, где чиновничий аппарат не исчисляется тысячами сотрудников, но намного сложнее это сделать в многонациональном и многомиллионном мегаполисе, в котором каждая часть города имеет свои особенности, которые невозможно учесть при количественной оценке.

Успех применения инструментов технократизма и менеджериализма в западных системах публичной власти обеспечен следующими основаниями:

1. Контролем демократических институтов над технократами.
2. Конкурентной управленческой культурой, нацеленной на эффективность.

Два вышеприведенных принципа позволяют нивелировать основные недостатки технократии в виде подмены средств целями и стремления к имитации. Каждый из этих недостатков будет описан далее в контексте практик публичного управления Российской Федерации. Такой шаг мы считаем обоснованным по причине того, что сложившаяся на сегодняшний момент система отношений в органах публичной власти приведет к указанным выше недостаткам и окажет значительное негативное влияние на эффективность работы государственной и муниципальной власти.

Российский властный истеблишмент имеет, как нам кажется, ностальгическую любовь к технократизму в управлении, так как воспоминания о Советском Союзе до сих пор не дают покоя множеству политических деятелей и законодателей. По сути, работа Государственной общеплановой комиссии (госплан) – памятник социалистическому технократизму. Его основная проблема, как показала история, заключается в оторванности технократов от социальной реальности. Специалисты, хоть и обладали соответствующим образованием и квалификациями, были частью

оторванной от населения номенклатуры, чья жизнь принципиально отличалась от простого советского гражданина. Это привело к тому, что решения, принимаемые технократами единолично, без оглядки на общественное мнение, были неэффективными и негативно сказывались на развитии СССР. Таких примеров в истории Советского Союза можно привести великое множество, но практически все они идентичны в одном обстоятельстве: власть, оторванная от населения, не может принимать эффективные решения, направленные на удовлетворение потребностей самого населения.

В настоящий момент в РФ наблюдается ренессанс технократизма в публичном управлении. Демократические институты постепенно сворачиваются, муниципальное управление де факто не обладает какой-либо автономией, а все властные отношения выстроены в четкую вертикаль, берущую начало в администрации президента и завершающуюся в кабинетах глав администраций муниципальных образований. В результате административных реформ практически повсеместно всенародно избираемые мэры были заменены на назначаемых по контракту 시티-менеджеров, что свидетельствует о наступлении на избирательные права населения муниципальных образований. На муниципальном уровне демократическим остается лишь институт выбора депутатов. При этом, к сожалению, этот уровень не представляет интереса для населения, а сами депутаты не всегда и не везде являются настоящими народными представителями. Это усугубляется тем, что в современной России законодательная власть фактически подчинена исполнительной, и единственная инстанция, которая могла бы, теоретически направлять местную политику в сторону интересов населения, не функционирует должным образом. Аналогична ситуация и с малыми городами, искусственно поставленными в зависимость от региональной власти, где депутаты не обладают значительной политической потенцией. Рассуждать о проблемах муниципального управления в нашей стране можно долго, но в рамках нашего исследования необходимо констатировать один важный факт: вертикализация власти на всех уровнях приводит к разрыву связи власти и населения.

Опираясь на вышеописанный факт, можно перейти к рассуждениям о том, к каким результатам может привести технократизм в публичном управлении. Ответ, как нам кажется, достаточно очевиден: к падению эффективности принятия управленческих решений и, следовательно, к падению качества жизни населения. Современные города, встроенные в сложную и глобальную экономику, можно сравнивать с постоянно изменяющимся живым организмом, а если в таком организме мозг (власть) функционирует отдельно от тела (население), то невозможно говорить о том, что специалисты-технократы смогут принимать эффективные решения. Углубимся в вопрос целеполагания. Для чего, в принципе, вводятся те или иные инновации в управлении? Для более быстрого достижения поставленных целей. Если же посмотреть на основные цели российского властного истеблишмента на момент 2022 г., то его цель состоит не столько в повышении качества жизни населения, сколько в наращивании контроля за принятием решений во всех общественных сферах жизни общества. В этой ситуации технократизм в публичном управлении превращается из инструмента повышения эффективности в своеобразное орудие контроля, что, в свою очередь, не может положительно сказаться на общественной активности населения и готовности взаимодействовать с институтами власти в любом виде. Власть технократов, по сути, атомизирует на-

селение намного больше, чем диктатура в ее классическом понимании, так как в рамках технократии население даже не имеет возможности аккумулировать своё недовольство вокруг конкретного человека. Так как функции государства исполняются «холодно, расчетливо и в соответствии с научным подходом», то усмотреть в неудачах страны вину конкретных людей становится значительно сложнее. В такой ситуации, когда локализовать проблему затруднительно, велик соблазн сказать, что виноваты «сразу все». С социологической точки зрения это неизбежно приведет к усилению правового и политического нигилизма, абсентеизма и дальнейшей атомизации населения.

Как описывалось выше, технократизм в публичном управлении может быть применим в политических системах с разделением власти на три ветви и наличием функционирующих демократических институтов. В настоящий момент Россия уверенно следует по пути все более широкого внедрения инструментов технократизма и менеджериализма в публичное управление, сферу образования, медицину и многие другие. Это вызывает опасения, так как в де-факто авторитарной России, стремящейся к вертикализации всех социально-политических отношений, трудно предсказать, к каким последствиям приведет власть технократов над областями, в которых решения должны принимать народные избранники. Технократия может стать эффективным способом оптимизации производств, экономии средств, сокращения издержек и спасения организации или социального института из кризиса, но ни при каких обстоятельствах не сможет стать инструментом роста в социально-ориентированном государстве. В России наблюдается ситуация, когда законодательная власть уступает во влиянии исполнительной и не контролирует её. Симбиоз исполнительной власти, заручившейся поддержкой силовых структур позволяет негласно диктовать условия депутатам всех уровней и фактически создавать законы «под себя». В этом случае, если гегемония будет принадлежать технократам, то невозможно говорить о какой-либо эффективности, так как они просто замкнут цепь принятия решений на себя. Работает это следующим образом: в идеальной модели избранные народом депутаты назначают технократов на должности и контролируют их работу. Контроль этот опирается, во-первых, на народную поддержку самих депутатов, зеркально отражающую одобрение назначенных технократов. При этом в России ситуация взаимодействия ветвей власти значительно деформирована, и реальная политическая потенция имеет место именно у исполнительной власти, имеющей возможности навязывать законодательной те принципы работы, по которым технократы должны функционировать. Иными словами, технократы, работающие в системе, в которой сдержки и противовесы не функционируют, будут иметь возможность заниматься ничем не ограниченной имитацией эффективной деятельности. В западном научном дискурсе имитационные практики считаются одной из главных проблем технократических систем. Одним из наилучших способов противодействия их предотвращению считается применение инструментов технократизма и менеджериализма в системах, где имеются сдержки и противовесы. Таким образом, западный опыт реализации вышеописанных инструментов может быть сведен к следующему утверждению: работа технократов должна соответствовать интересам общества и контролироваться демократически избранными органами власти и другими аналогичными инстанциями.

Российская управленческая культура, в целом, не сильно соответствует той, в которой технократические инструменты могут применяться эффективно. Во-первых,

технократы всегда работают ради эффективности, измеряемой в количественных показателях. Российские чиновники, в свою очередь, работают в рамках постсоветской управленческой культуры, отягощенной коррупцией, чрезмерной бюрократизацией, эгоизмом и оторванностью от нужд населения. Иными словами, инновационные инструменты, призванные повысить эффективность труда управленцев не востребованы чиновниками. Российская управленческая культура в сфере публичной власти имеет значительное количество деформаций, трансформирующих ее в культуру имитации.

Во-первых, низкая оплата труда, не соответствующая трудовой нагрузке и ответственности, снижает мотивацию работать и, очевидно, осваивать новые технологии, встраиваться в цифровую среду, работать по системам KPI и так далее. Во-вторых, современное российское государственное и муниципальное управление не имеет достаточного количества компетентных специалистов, обладающих квалификациями по направлению «государственная и муниципальная служба». В-третьих, вертикализация властных отношений лишает каждую нижестоящую ступень власти какой-либо автономии в принятии решений и тем самым создает несамостоятельных и боящихся «сделать что-то не то» управленцев. Это приводит к отрицательному отбору, где на руководящие посты назначаются не лучшие из лучших, а те, кто будут повиноваться указаниям, поступающим «сверху» и, желательно, не обладать серьезными политическими амбициями. В-четвертых, высокая бюрократизация в принятии решений в публичной власти является одной из главных и самых обсуждаемых проблем уже достаточно давно, но до сих пор не была решена. Как говорилось ранее, в современной глобальной и подвижной экономике необходимо быстро и своевременно принимать решения, а вышеприведенные проблемы лишь замедляют процесс их принятия. Бюрократическая волокита, утяжеленная вертикализацией и необходимостью согласовывать принятые решения с вышестоящим руководством, значительно замедляет процесс принятия управленческих решений. Вышеописанные особенности управленческой культуры государственных и муниципальных служащих приводят к одному единственному выводу: в современных условиях внедрение инноваций, инструментов технократизма и менеджериализма неизбежно приведет к неформальному сопротивлению формальным нововведениям и, как следствие, адаптацию к ним на имитационном уровне. Таким образом, российская культура практически по всем показателям даёт нам понять, что технократизм приведет к интенсификации процессов суррогации, имитации и коррупции.

Заключение

Замкнутая, вертикальная и лишённая контроля власть технократов не достигнет декларируемой цели, связанной с повышением эффективности работы государственных и муниципальных служащих. Так называемое «цифровое правительство» останется таким же неэффективным в реальности, но будет иметь платформу для оправдания собственного существования путем манипуляций с количественными показателями. Мы считаем, что публичная власть России, требующая серьезной работы и структурной перестройки своих принципов, не станет лучше после ухода в цифровое пространство и с внедрением «умных» технологий. Западный опыт показывает, что внедрение инструментов корпоративного управления в публичный сектор – неоднозначный и рискованный шаг, который может привести как ко взрывно-

му росту эффективности работы, так и к консервированию властной элиты в оторванном от реальности пузыре, в котором показатели эффективности превращаются в самоцель. Технократизм необходимо внедрять в качестве лекарственной меры в конкретные социальные институты в требующих этого муниципальных образованиях, но не переводить целую многонациональную страну с неравно развитыми регионами на рельсы технократии без оглядки на их особенности. Наше заключение таково: нынешний опыт применения инструментов технократизма акцентирует внимание на давно известных проблемах российской публичной власти, а техническая опосредованность поможет их «отдалить», но не ликвидировать. Проблемы «цифрового» или «умного» правительства в своей сути остаются такими же, как у «аналогового» (привычного нам и классического) и до их исправления не стоит полагаться на необдуманную имплементацию заимствованных моделей управления, показавших себя эффективно в странах, в которых система публичной власти принципиально отличается от российской.

Литература

- Arellano, D. (2020) Responding to the populist attack on public administration. *Asia Pacific Journal of Public Administration*, 42, 6-8. DOI: 10.1080/23276665.2020.1733854.
- Boden, R., Epstein, D. (2006) Managing the research imagination? Globalisation and research in higher education. *Globalisation, Societies and Education*, 4 (2), 223–236. doi:10.1080/14767720600752619.
- Drapalova, E., Wegrich, K. (2020) Technocratic Populism and Subnational Governance. *Government and Opposition*, 56, 1-21. DOI: 10.1017/gov.2020.16.
- Pabst, A. (2022) Beyond binaries: technocracy, populism and public policy. *National Institute Economic Review*, 259. 67-80. 10.1017/nie.2022.10.
- Taylor, F.W. (1911) *The Principles of Scientific Management*. Monograph, *Harper & Brothers*, 144.
- Tobin, H. (2022) The Narrative Hegemony of Smart Governance: Social Change through a Critical Theoretical Perspective. DOI: 10.1007/978-3-030-87624-1_255-1
- Windholz, E. (2020) Governing in a pandemic: from parliamentary sovereignty to autocratic technocracy. *The Theory and Practice of Legislation*. 8, 1-21. DOI: 10.1080/20508840.2020.1796047.
- Китайские и американские государственные служащие и их дипломы. Режим доступа: https://gigazine.net/gsc_news/en/20160301-chinese-engineering-american-law
- Clark, W. (2022) Technocracy, Democracy and the Role of Scientists in Natural Resource Policy. Oregon state university, 59. Available at: <https://ir.library.oregonstate.edu/downloads/vq27zq140>

References

- Arellano, D. (2020) Responding to the populist attack on public administration. *Asia Pacific Journal of Public Administration*, 42, 6-8. DOI: 10.1080/23276665.2020.1733854.
- Boden, R., Epstein, D. (2006) Managing the research imagination? Globalisation and research in higher education. *Globalisation, Societies and Education*, 4 (2), 223–236. doi:10.1080/14767720600752619.
- Drapalova, E., Wegrich, K. (2020) Technocratic Populism and Subnational Governance. *Government and Opposition*, 56, 1-21. DOI: 10.1017/gov.2020.16.
- Pabst, A. (2022) Beyond binaries: technocracy, populism and public policy. *National Institute Economic Review*, 259. 67-80. 10.1017/nie.2022.10.
- Taylor, F.W. (1911) *The Principles of Scientific Management*. Monograph, *Harper & Brothers*, 144.
- Tobin, H. (2022) The Narrative Hegemony of Smart Governance: Social Change through a Critical Theoretical Perspective. DOI: 10.1007/978-3-030-87624-1_255-1
- Windholz, E. (2020) Governing in a pandemic: from parliamentary sovereignty to autocratic technocracy. *The Theory and Practice of Legislation*. 8, 1-21. DOI: 10.1080/20508840.2020.1796047.
- Chinese and American civil servants and their diplomas. Available at: https://gigazine.net/gsc_news/en/20160301-chinese-engineering-american-law
- Clark, W. (2022) Technocracy, Democracy and the Role of Scientists in Natural Resource Policy. Oregon state university, p. 59. Available at: <https://ir.library.oregonstate.edu/downloads/vq27zq140>

Дата получения рукописи: 13.08.2022
Дата окончания рецензирования: 10.09.2022
Дата принятия к публикации: 15.09.2022

Информация об авторе

Понамарёв Александр Борисович – кандидат социологических наук, стажер-исследователь, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalvarus94@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Ponamaryov Alexander Borisovich – Candidate of Sociological Sciences, research-intern, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalvarus94@gmail.com

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316.346.32

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.7

EDN HFPISS

Формирование гражданского патриотизма студенческой молодежи Юга России: факторы и барьеры (по материалам фокус-групп)**Елена Ю. Колесникова¹**¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия

e-mail: anabel_le@mail.ru

Аннотация

Введение. Определяется актуальность исследования, обоснованная необходимостью «социологического обращения» к проблеме формирования гражданского патриотизма студенческой молодежи. По мнению ряда исследователей, современное студенчество не имеет достаточных возможностей и условий для полноценного, активного участия в конструктивных гражданских практиках, поэтому молодежный патриотизм, его установки и ценности не закрепляются в реальных практиках гражданской активности, что сдерживает формирование у молодежи качеств гражданина-патриота своей страны.

Методы. Эмпирическое исследование проведено с применением метода фокус-групп. При проведении фокус-групп были выбраны студенты 1-4 учебных курсов Университета экономики и управления (Крым, г. Симферополь), Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь), Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Были отобраны по два студента с каждого курса различных (гуманитарных) направлений подготовки.

Результаты. В статье, на основании результатов качественного эмпирического социологического исследования, был осуществлен анализ мнений и оценок студенческой молодежи Юга России относительно особенностей формирования и проявления гражданского патриотизма, факторов, препятствующих его формированию в регионе; исследована мотивация студенческой молодежи, участвующей в гражданско-патриотических практиках. Важнейшими факторами, препятствующими формированию гражданского патриотизма, по мнению студенчества, является не вполне сбалансированная образовательная и молодежная государственная политика, неготовность администрации вузов создавать реальную мотивацию гражданской активности студентов и формировать пространство для их самоорганизации. Среди барьеров следует отметить также правовую неграмотность молодежи, отсутствие необходимой информации о легитимных возможностях отстаивания своих прав и интересов.

Ключевые слова: студенческая молодежь; Юг России; патриотизм; гражданственность; гражданский патриотизм; государственный патриотизм; гражданское сознание; гражданско-патриотические практики; фокус-группы.

Для цитирования: Колесникова Е.Ю. (2022). Формирование гражданского патриотизма студенческой молодежи Юга России: факторы и барьеры (по материалам фокус-групп) *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 82-98. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.7>

Formation of civil patriotism of student youth in the South of Russia: factors and barriers (based on focus groups)**Elena Yu. Kolesnikova¹**¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

e-mail: anabel_le@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined, justified by the need for “sociological appeal” to the problem of formation of civil patriotism of student youth. According to a number of researchers, modern students do not have sufficient opportunities and conditions for full active participation in constructive civic practices, therefore youth patriotism, its attitudes and values are not fixed in real practices of civic engagement, which hinders formation of qualities of a citizen-patriot of him/her country among young people.

Methods. The empirical research was carried out using the focus group method. During focus groups, students of 1-4 training courses of the University of Economics and Management (Simferopol, Republic of

Crimea), Crimean branch of the Russian State University of Justice (Simferopol), Southern Federal University (Rostov-on-Don) were chosen. Two students from each course of various (humanitarian) areas of training were selected.

Results. In the article, based on the results of a qualitative empirical sociological research, an analysis of the opinions and assessments of student youth in the South of Russia was carried out regarding the peculiarities of formation and manifestation of civil patriotism, factors hindering its formation in the region; motivation of student youth participating in civil-patriotic practices was investigated. According to students' opinion, the most important factors hindering formation of civil patriotism are incompletely balanced educational and youth state policy, unwillingness of administration of universities to create real motivation for students' civil activity and create space for their self-organization. Among the barriers, one should also note the legal illiteracy of young people, the lack of necessary information about legitimate opportunities to defend their rights and interests.

Keywords: student youth; South of Russia; patriotism; citizenship; civil patriotism; state patriotism; civic consciousness; civil-patriotic practices; focus groups.

For citation: Kolesnikova E.Yu. (2022). Formation of civil patriotism of student youth in the South of Russia: factors and barriers (based on focus groups) *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 82-98. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.7>

Введение

Проблема формирования патриотизма молодежи последнее время находится «в фокусе» современного социологического дискурса, причем особое внимание уделяется гражданскому патриотизму, который представляет собой систему представлений и ценностей, определяющих отношение человека к обществу, а также отношение государства к своим гражданам (Гражданский патриотизм...).

Студенческая молодежь, по мнению ряда исследователей (Патриотизм, гражданственность и солидарность...), не получает в достаточной мере возможности активного участия в социальных солидаристских практиках, а также недостаточно владеет опытом реализации поведенческих практик, в которых может проявиться социально-ответственная, конструктивная гражданственность.

Обзор литературы

Социологическое изучение патриотизма и гражданственности южнороссийской молодежи представлено, прежде всего, трудами ученых региона, в которых содержится разносторонний теоретический и практический анализ социального сознания и поведения, особенностей социализации южнороссийской молодежи в условиях современной реальности (Volkov, Chernobrovkin, Lubskiy et al., 2018; Volkov, Vereshchagina, Lubsky et al., 2017; Volkov, Vereshchagina, Lubskiy et al., 2018).

Проблематика этих работ весьма обширна: в них рассматривается круг вопросов, связанных с разнообразными формами социальных практик молодежи, различными направлениями и моделями проявления патриотизма (Волков, Бинева, Печкуров, 2017), формированием гражданского сознания и гражданской идентичности (Dustin, 2005), реализацией субъектности молодежи с учетом региональной специфики (Blum, 2006), а также особенностями социализации молодежи в условиях тотальной цифровизации и информатизации (Асланов, 2016; Зети, 2012; Немчинова, 2017).

Ряд работ анализируют ресурсный потенциал молодежного патриотизма и гражданственности, социокультурные ресурсы их формирования (Верещагина, 2017). Целый спектр региональных разработок посвящен анализу общих проблем формирования патриотизма и гражданственности молодежи региона (Шевченко, Вагина, 2017), которые рассматриваются в широком этносоциальном и этнокультурном контексте (Барков, Водолацкий, Садко и др., 2011).

Однако, несмотря на обширную палитру научно-исследовательских работ в этом предметном поле, в социологии все же недостаточно внимания уделено иден-

тификации и эмпирической верификации особенностей гражданского патриотизма студенчества Юга России на современном этапе. В частности, недостаточно исследованы факторы, как способствующие, так и препятствующие формированию гражданского патриотизма, реализации гражданской активности студенчества, не исследована мотивация студенческой молодежи региона, участвующей в гражданско-патриотических практиках.

Методология и методы

Методологической базой исследования является деятельностный подход, поскольку гражданский патриотизм проявляется, прежде всего, в форме социальной активности деятельного субъекта, реализующего свои гражданские идеалы и цели, социальные интересы и ценности.

Методология исследования ориентируется также на теоретические императивы феноменологического подхода, позволяющие интерпретировать патриотизм и гражданственность через призму ценностных и ментальных факторов, определяющих социальное поведение молодежи (Lubsky, Kolesnikova, Lubsky R., 2016).

Основными методами получения эмпирической информации в ходе аналитического исследования явились методы качественного анализа и теоретической интерпретации полученных эмпирических данных. В частности, был использован метод фокус-групп.

Выбор метода фокус-группы обусловлен спецификой феноменологического подхода, согласно которому образы социальной реальности постоянно воссоздаются нами, зависимы от нашего сознания и наших интерпретаций. Поэтому в фокусе внимания социологии все чаще оказывается человеческая субъективность; взгляд на неё с позиции внешнего наблюдателя фактически ограничен, а использование формализованных методов затрудняет доступ к выявлению внутренних истоков и мотиваций. Следовательно, необходимо погружение в мир, в котором живет субъект, т. е. в «мир жизни» или жизненный мир. Главное, что делает фокус-группы уникальным методом – это возможность показать не одни лишь инварианты проявления массового сознания (как это происходит при опросе), но сам процесс его возникновения новых идей, мотивов, целеустановок, ценностей и т.д. Таким образом, метод фокус-групп позволяет получать субъективно окрашенную информацию о мотивах поведения, давать более глубинные объяснения социальной реальности.

Метод фокус-групп в нашем исследовании был ориентирован на задачи определения особенностей гражданского сознания студенчества, мотивации участия студентов в гражданско-патриотических практиках, при этом особое внимание было уделено причинам и факторам, способствующим или препятствующим формированию гражданского патриотизма в молодежной студенческой среде региона, выделению основных форм и направлений гражданско-патриотических практик, анализу форм реализации государственной молодежной политики в сфере воспитания гражданского патриотизма студенчества.

При проведении фокус-групп были выбраны студенты 1- 4 учебных курсов Университета экономики и управления (Крым, г. Симферополь), Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь), Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Выбор университетов именно этих двух городов, Ростова-на-Дону и Симферополя, связан со следующими обстоятельствами. Город Ростов-на-Дону является крупной городской агломерацией («ворота Северного Кавказа»), организующей трансрегиональные процессы (миграционные, торговые, экономические, научно-технические, культурные и т.д.), и выполняет роль

одного из самых поликультурных анклавов Российской Федерации, в котором процессы социализации новых поколений молодежи, формирования у них ценностей патриотизма и гражданственности происходят в сложных социокультурных условиях полиэтничного окружения. С другой стороны, Южный федеральный университет, действующий в Ростове-на-Дону, является крупнейшим межрегиональным научно-образовательным центром России, в котором студенчество наиболее полно представляет социально-демографическую и этническую структуру молодежи Юга России.

Крым является особым регионом России, ее особой геополитической точкой. Процесс воссоединения Крыма и России в социально-экономическом отношении оказался продолжительным, усугубляемый санкциями и блокадой, проявляющейся также в изоляции молодых людей от «большого мира Запада». Поэтому важно было узнать мнения и оценки именно крымской студенческой молодежи (представленной в нашем исследовании студентами двух крупных вузов столицы Крыма, города Симферополя: Университетом экономики и управления и Крымским филиалом Российского государственного университета правосудия), которая наиболее остро реагирует на все эти процессы и находится в состоянии поиска своей идентичности, в том числе – гражданской.

Проведение фокус-групп осуществлялось в рамках реализации Государственного задания по теме «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации» № 28.3486.2017/ ПЧ (2017-2019 гг.).

Результаты

Анализ результатов качественного эмпирического исследования методом фокус-группы позволил констатировать, прежде всего, фрагментарность, «мозаичность» и дифференцированность гражданского сознания студентов. Студенты вузов, с одной стороны, демонстрируют приверженность гражданскому, социально-ответственному, конструктивному патриотизму, а с другой стороны – манифестируют элементы традиционного гражданского сознания, характерного для государственного типа патриотизма.

Следует отметить, что значительная часть студентов, принимающих участие в фокус-группах, демонстрирует приверженность к этатистскому типу гражданского сознания и, как следствие, к государственному типу патриотизма. В то же время, необходимо отметить и появление группы студенчества, для которой ключевыми становятся социально-ориентированные ценности, и доминантой выступает уже не государство, а локальное сообщество. В целом, фокус-групповые исследования позволили выявить три группы студенческой молодежи, одна из которых демонстрировала приверженность патриотизму государственного типа, вторая – к патриотизму гражданскому, социально-ответственному, третья (самая малочисленная) – ориентирована на космополитический тип гражданского поведения. Эта часть студенчества ассоциирует себя с «гражданами мира», не признавая ограничений рамками отдельного национального государства.

Безусловно, не следует жестко дифференцировать гражданские представления и установки студенчества в системе координат этих трех форматов, возможно лишь социологически «улавливать» некоторые симптомы, тенденции формирования, демонстрирующие существование определенных различий в формах проявления патриотизма и гражданственности.

В начале фокус-группы студентам была предложена игра в ассоциации. В процессе ее студенты обозначили такие ассоциации со словом «патриотизм», как «вой-

на», «гордость за Родину», «любовь», «военные песни», «держава», «флаг», «русский народ», «вера в страну». Игра в ассоциации подтвердила предположение, что понятие «патриотизм» для большинства респондентов органично связано с понятием «Родина», ее военной доблестью и героическим прошлым, что характерно для патриотизма государственного типа.

В ходе дискуссии было выявлено, что сам патриотизм представляется значительной части студентов в качестве навязанной государством установки, которая не имеет, по их мнению, адекватного «укоренения» в повседневных социальных практиках. По оценкам студентов, молодежная политика, как на уровне страны, так и на уровне учебных заведений, ограничивается военно-патриотическим воспитанием и соответствующими акциями. При этом на эти оценки порой накладываются элементы дискурса в рамках идеологических штампов, когда ценность «защиты отечества» подменяется ее интерпретацией в качестве признака «милитаризма» социальных практик.

«Вообще, честно говоря, как мне кажется, государство навязывает нам патриотизм. Вот посмотрите, сейчас в Крыму, как и вообще везде, есть «Юнармия». Делается «ставка» на значимость армии, войны, в это вовлекаются дети от 11 и старше. Их там учат большей частью милитаристскому, воинственному патриотизму» (Симферополь)¹.

«Складывается такое впечатление, что России гражданский патриотизм не очень-то и нужен. Продолжает сохраняться и подпитываться государством военизированный патриотизм. А гражданский патриотизм сейчас на очень минимальной отметке. Нужно более развитое гражданское общество. Патриотизм – это готовность что-то делать и отвечать за то, что ты делаешь. Но сейчас совсем все другое» (Симферополь).

Группа молодых людей, которую условно можно отнести к «группе гражданского патриотизма», полагает, что гражданин должен стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Эта часть студенческой молодежи довольно критично оценивает ситуацию в стране и стремилась бы к ее изменению, однако полагает, что на уровне государства эти инициативы не будут поддержаны:

«Я вижу, что в России реализовать модель западного гражданского общества невозможно. Демократия в России – мнимая, в ее условиях непонятно, в чем будут проявляться гражданские действия человека... Мне кажется, что у нас скорее будет всегда развиваться именно державный патриотизм. Я сомневаюсь, что кто-то или когда-то будет готов к реальным действиям, к гражданской активности. У нас устройство общества пока это не позволяет» (Симферополь).

«Человек в России понимает, что, если он сейчас проявит активную гражданскую позицию, то он натолкнется на барьеры, барьеры политизированные. Поэтому, пока не изменится строй в России, не изменится и гражданская позиция населения. Но изменится ли строй в России, вопрос очень большой. Мне кажется, что ответ скорее всего будет отрицательный» (Симферополь).

«Да, гражданский патриотизм нужно развивать, и мы придем к этому тогда, когда государство начнет стимулировать это, когда мы будем видеть не бесполезность наших действий, когда мы ощутим повышение уровня жизни, повышения качества медицинских услуг, только тогда, когда мы увидим результат своей деятельности тогда и будет присутствовать этот гражданский патриотизм. Ведь среди на-

¹ Здесь и далее приведены высказывания студентов в форме «прямой речи».

шего населения много людей, которые готовы что-то делать, но они не видят в этом смысла, либо есть люди, которые сидят просто дома и так «любят Родину». Проблема в том государственном аппарате, который руководит нашей страной, где невозможно никакое стимулирование гражданского патриотизма» (Симферополь).

Как показывает исследование, молодые люди лишь иногда участвуют в гражданских инициативах местного уровня, в частности, мероприятиях, направленных на благоустройство территории проживания и т.д.

«Самый элементарный пример – это благоустройство своей же улицы. То есть мы не дождалась никакой помощи не от городских властей, не от администрации и пришлось своими силами её благоустроить» (Симферополь).

«Да, я вот сама из Бахчисарая, у нас уже там есть такое водохранилище. И вот мы ходили к нему, там убрали, чистили. Нас мотивировали на это, говоря, что это всё-таки наша природа, наш город, и наша страна. То есть мы уже желали этого и радостные были, когда приходили туда. Мы радовались тому, что делали что-то хорошее...» (Симферополь).

Однако в целом молодежь констатирует довольно низкий уровень собственной гражданской активности и объясняет его, прежде всего, отсутствием веры в эффективность гражданских действий.

«Я считаю, что дело не в том, что людям лень проявлять гражданскую активность или им неинтересно, они просто понимают, что это бесполезно» (Ростов-на-Дону).

«Когда задавали вопрос, мне сразу пришла в голову и вспомнилась такая ситуация, если помните, когда принималась пенсионная реформа, здесь в Ростове-на-Дону, были проведены разнообразные митинги и протесты, где активисты выступали против этой пенсионной реформы. Эти митинги были санкционированные, и все в порядке, и вы приходите и просто поддерживаете. Я так загорелась этой идеей, сфотографировала этот буклетик, разослала своим знакомым и спросила: придёте ли вы, мне ответили, что это утром, это надо вставать рано. При этом свои негативные, эмоциональные реакции высказывал каждый второй. Но когда доходит до дела, или как-то реализовать это, начинаются отговорки. Да есть активисты, микро-организации, микро-группы, которые пытаются что-то изменить, но в умах населения есть, быть может, какой-то страх, какая-то неуверенность, и как её преодолеть, пока не понятно» (Ростов-на-Дону).

«Я считаю, что патриотизм – это понятие такое временное, и плавающее. Патриотизм не проявляется каждый день, в ежедневной деятельности. И часто он употребляется, активно используется и он становится заметным, когда им играют в политике, его используют как бы с корыстными целями. Как мне кажется, его используют в повседневной жизни люди, которым это нужно. Обычные же люди проявляют патриотизм в ситуациях, когда это требуется: например, какая-то революция, какой-то переворот государственный или война. Вот, например, чем прославился русский народ, тем что сила духа, любовь к Родине. Вот говорят, что Вторую мировую войну русские выиграли именно благодаря своей силе духа и любви. Мне кажется, это чувство было у них в душе, им это помогло. Но в наше время, в 21-м веке, когда наши политики выходят к людям во время государственных переворотов и начинают кричать о патриотизме, о народном единстве, они делают это в своих интересах. Не для того, чтобы говорить о том, что это важно, а для того, чтобы продвинуть себя как политика. Из этого и порождается популизм. И он бывает дешёвым. И патриотизм используется в каких-то своих корыстных целях, при этом дешёво и популярно у должностных лиц, вот, к примеру, когда происходит выборы и те, кто избираются, им нужен патриотизм для того, чтобы давить именно на население. Они не говорят о

том, что народное единство – это так важно, то есть гласно они об этом скажут, но непосредственных целей не будет. То есть они идут к власти не для того, чтобы усилить объединение народа или проводить политику по объединению каких-то национальностей, этнических меньшинств, а именно к цели власти. То есть вот как говорят знаменитые мыслители: кто больше кричит, тому и не надо это. То есть тот, кто больше всего кричит о патриотизме, тот заинтересован именно в результате своего крика. Как я уже говорила, что патриотизм – это понятие плавающее и каждый день о нём не говорят» (Симферополь).

«Для меня прежде всего патриотизм – это активная позиция, направленная на улучшение жизни каждого находящегося в государстве: патриотизм – это просто, когда я иду по улице и вижу, что кому-то нужна помощь, то я им помогаю. И в этом как мне кажется и проявляется любовь к своей Родине. И при этом я не вижу патриотизма и какого-то национального характера или оттенка, украинского или русского. Потому что патриотизм – это вообще для всех, в рамках государства. Да как мне кажется правильно говорила предыдущая выступающая о дешёвом популизме патриотизма. Да патриотизм как светлая идея – это великолепно, ну, когда мы делаем это в рамках дешёвого популизма, когда мы используем его в корыстных целях – то это отвратительно. По сути, это омрачает идею. Я согласна, что мы должны начинать с молодого поколения. Допустим можно привести пример старшего поколения, с которым я активно общаюсь, это и мои родители, друзья родителей, я могу сказать, что они не готовы измениться. И я никаким образом, и никто и никогда не сможет их переубедить в этом. Это советская система, это особый тип мышления. И нам тяжело это понять, а им тоже тяжело понять нас и наши идеи. Как мне кажется, это разговор просто на разных языках. Ещё я искренне верю в то, что: сегодня мы маленькие, завтра мы взрослые, а послезавтра мы старые. Поэтому, по сути, данные проекты не решают все за один день, они нацелены на будущее, вот мы через пять лет станем полноценными профессионалами, затем мы станем родителями, и мы уже будем вкладывать эти идеи в наших детей. И как мне кажется да, действительно, направлять эти идеи уже на взрослое поколение это нерентабельно. Как мне кажется, когда нас начнут убеждать в этом мы уже перейдём из молодого поколения в старшее поколение, которое уже трудно в чем-либо убедить» (Симферополь).

Высказывания и оценки респондентов в ходе фокус-группы свидетельствуют также о достаточно низком уровне самоорганизации студенческой молодежи, инертности в решении вопросов местного значения, социальных проблем своих локальных сообществ.

«Дело в том, что в головах людей нет этого чувства ответственности за свои действия. Конечно, в этом виновато государство, но люди тоже в этом виноваты. Если бы люди хотели что-то изменить, они бы изменили. Они, наверное, не хотят, их все устраивает» (Симферополь).

В ходе исследования было установлено, что в целом молодежь знает о наличии ряда общественных организаций в своих городах. Однако непосредственное участие в деятельности этих организаций фактически не принимает. Большинство молодых респондентов ответили, что не участвуют ни в работе общественных организаций, ни в деятельности политических партий. Эти данные дают основание говорить о низком уровне активности, деятельного участия в общественной и политической жизни своего поселения и региона.

Это связано (и об этом свидетельствуют данные исследования) как с устойчивыми представлениями студенческой молодежи об отсутствии возможностей влияния на социальную ситуацию в стране и процесс принятия политических решений,

так и с формальным характером функционирования институтов, организующих гражданскую активность молодежи. Именно поэтому значительная часть молодых людей региона убеждены в том, что эффективных и конструктивных способов отстаивания своих гражданских интересов на сегодняшний день как в регионе, так и в России в целом, не существует.

«Люди должны видеть ответную реакцию на свои действия. Но, как мне кажется, в России мы не выражаем свою гражданскую позицию, потому что, на каком-то эмоциональном или интуитивном уровне, мы понимаем, что наши действия будут бесполезны и ответа от государства мы не увидим» (Симферополь).

«Да, действительно если человек что-то делает, но не видит отдачи, у него пропадает желание дальше заниматься чем-либо. То же самое происходит и когда, допустим, люди выходят на митинги или протесты, а затем у них начинаются проблемы с законом, и люди понимают, что их действия не привели ни к чему, а только к появлению проблем в жизни, и у них не будет потом желания дальше что-то менять. Власть не отвечает своему народу, точно не слышит его, не видит, при этом непонятно, специально или нет, нет взаимодействия между управлением государством и народом. Из-за этого, мне кажется, вся проблема» (Симферополь).

Причины гражданской пассивности, по мнению респондентов, также кроются в специфике российского менталитета:

«Да, мне кажется это наш такой менталитет российский, мы не сделаем ничего, пока не увидим, что кому-то действительно плохо и нужна помощь. Мне кажется это не только проблема государства, но и проблема народа, нашей ментальности» (Ростов-на-Дону).

Тем не менее, запрос на гражданский патриотизм в студенческой молодежной среде есть:

«Я считаю, что гражданский патриотизм, безусловно, нужен. Причём его необходимость на данный момент чрезвычайно высока. Потому что без него фактически невозможно и построение гражданского общества, и государственной системы, и развитие государственности в России и как мне кажется в целом национальный интерес. В долгосрочной перспективе, это все может привести к негативным последствиям: как и отсутствие гражданского общества, так и отсутствие гражданского патриотизма» (Симферополь).

«Я, например, гражданский патриотизм воспринимаю как важный в современном обществе. Как мне кажется, сейчас, в наше время, таких людей очень мало, которые были бы настоящими патриотами. Для некоторых патриотизм проявляется, например, это выложить фотографии на фоне флага России, с надписью я патриот, если вдруг случится какая-то неприятность, было бы хорошо если бы народ оказался таким сплочённым. Как я уже говорила ранее, что патриотизм для меня – это победа, это не только победа в Великой Отечественной войне, а именно победа в каких-то действиях и в решении проблем» (Симферополь).

«Патриотизм не определяется тем, чтобы сходить на митинг, или там на парад Победы, или пройти вместе с Бессмертным полком. Патриотизм может выражаться в том, чтобы качественно исполнять свои обязанности. То есть, нормальное функционирование общества, в моем понимании, и есть основа патриотизма» (Симферополь).

На вопрос модератора, что реально делается на практическом уровне (на уровне школ, вузов, администрации, некоммерческих организаций), чтобы сформировать конструктивный, ответственный гражданский патриотизм, были получены следующие ответы:

«Вариации гражданского патриотизма, с которыми я сталкивался: во-первых, для меня самой главной практикой гражданского патриотизма было разрешение муниципалитетам благоустройства городской территории; второе это президентские гранты, поскольку это хороший рычаг, это то, с чем я непосредственно сталкивался; готовность каких-то административных ресурсов воздействует на окружающую ситуацию. К примеру, даже ваши исследования, вы его выиграла и получили деньги я понимаю, что это рычаг, который позволит потом, ориентируясь на мнение людей, понять какие реформы изменения нужно проводить» (Симферополь).

«Возможно, к таким практикам относится организация городских квестов, с целью изучения истории города. Причём не только, именно где кто жил и что это за здание, а именно с целью изучения именно истории города. Просто мы собирали группу обычных людей, 170 человек. Мы сами организовывали, нами никто не руководил, и всё отлично прошло. То есть это показатель того, чтобы делать дела можно, и на это не нужны деньги. То есть мы провели этот квест по городу, у нас было задействовано три городских района и это мероприятие затянулось на два дня» (Симферополь).

«У нас проводятся различные конференции, на которых мы что-то узнаем новое о гражданском патриотизме. Сами где-то выступаем или к нам приглашают лекторов, которые нам рассказывают что-то. Приходят преподаватели с большим опытом, которые нам рассказывают что-то. Я считаю, что это способствует формированию гражданского патриотизма» (Симферополь).

«Как мне кажется, примером развития гражданского патриотизма у молодёжи могут быть проведения различных молодёжных форумов. Проводятся тренинги, где развиваются лидерские качества ребят. Всегда в результате таких вот формах, итогом здесь является создание какого-нибудь социального проекта, нацеленного на решение какой-либо социальной проблемы. Человек, там оказывается в рамках данных форумов, задумывается и таким образом развивает в себе гражданский патриотизм. Кому-то может и придёт в голову на следующий день пойти и реализовать этот проект. То есть, как бы, человек на следующий день или сразу же после этого мероприятия выходит с мыслью и осознанием того, что нужно сделать для того чтобы улучшить жизнь в этом обществе. Я считаю, что такие молодёжные формы является примером развития гражданского патриотизма» (Симферополь).

На вопрос модератора «Как часто студенты проявляют инициативу, связанную с гражданскими практиками?» были получены следующие ответы:

«Вот организовали студенческое научное общество. И оно успешно функционирует и организует различные мероприятия, сами студенты его организовали» (Симферополь).

«В нашей школе в параллельном классе была такая история: ребята сами самостоятельно собрались всем классом и пошли к ветерану, они не просто пришли, чтобы подарить ему там коробку конфет, а именно помочь ему по хозяйству» (Симферополь).

«Да, в нашем городе за последние несколько лет произошли изменения, связанные с ростом гражданской активности. Вот есть волонтерской штаб, который понял, что помогать ветеранам и проводить различные мероприятия нужно не только 9 мая, и появилась отдельная организация, ребята, которые на постоянной основе ходили к ветеранам и помогали им по хозяйству. Также проводились акции для малоимущих семей. Для детских домов, для домов престарелых. И, как мне кажется, очень важно каждому человеку поучаствовать в данных мероприятиях. При этом появляется понимание того, что происходит в окружающем мире, понимание того, как решать проблемы, и ты уже начинаешь невольно участвовать в данном процессе, потому что

тебе уже становится интересно – а как решить данную проблему или разрешить эту ситуацию» (Симферополь).

«Есть такие площадки и такие группы в интернете, которые формируют гражданский патриотизм, взять те же самые социальные сети: есть какая-то группа или паблик, куда человек может вступить и начать обсуждение с другим человеком о волнующих его гражданских и патриотических вопросах. Есть тематические сайты. Да, они конечно, разрозненные, но они есть» (Симферополь).

Однако, начав с повествования о деятельности образовательных учреждений, направленной на формирование гражданского патриотизма учащихся, респонденты довольно скоро перешли к критике этой деятельности:

«Особенно это касается школ. Как мне кажется, все это делается для того, чтобы создать видимость, грубо говоря, это снимается класс с уроков, куда-то ведут их и выстраивают, заставляют, не спрашивая при этом ни мнение, ни желания, и проводят какую-то гражданско-патриотическую акцию. Все это делается, грубо говоря, на показуху: всё отлично, у нас есть патриотизм, проводятся занятия для того, чтобы научить гражданскому патриотизму, чтобы воспитать это в детях, но как таковых реальных практик нет» (Симферополь).

«Уж лучше полное отсутствие гражданского патриотизма, чем показной гражданский патриотизм. Что действительно получается, что все напоказ, все наиграно, и это отталкивает людей от того, чтобы что-то делать» (Ростов-на-Дону).

«Как мне кажется, да, сейчас у нас развитие патриотических практик происходит для галочки. Мы как-то проводим мероприятия, потому что сверху давят. Меня затронул такой момент, который происходил недавно на Универсиаде в Казани, писали о том, что там что было допустим скрыть черный снег прикрывать его свежим, беленьким, или срубали ели где-то, и привозили туда, и ставили, кого они пытаются обмануть, вот этим искусственным маневром» (Симферополь).

«Да вот мы говорили о том, что не всем школьникам интересно участвовать в каких-то гражданско-патриотических акциях. Проблема в том, что ещё это всё делается для галочки. Администрация школы проводит, делает какие-то фотографии с отчётом о том, кто выступал и все это делается сугубо для галочки, то есть, нет никаких интересных моментов, какого-то интерактивного взаимодействия с теми же детьми в целях воспитания в них настоящего патриотизма и гражданственности» (Симферополь).

«Я считаю, что праздники не относятся к гражданскому патриотизму. У меня вот есть такая долгая история: я состоял в организации Волонтеры Победы, и в Молодой гвардии, и потом сильно я в этом разочаровался, потому что Волонтёры Победы сводилась к тому, что мы ездили на квесты и это действительно было весело, но, по сути, это не приближало нас к любви к Родине и каким-то конструктивным моментам. Это была игра. Когда тебе 16 – 17 лет да это весело. А вот были другие Волонтёры Победы или другие команды, которых я знаю, они действительно этим занимались, ходили к ветеранам и помогали им. Вот это да, это гражданские практики» (Симферополь).

Мотивы участия молодежи в гражданско-патриотических акциях были идентифицированы большей частью как «прагматические» и «корыстные»:

«Мой молодой человек является руководителем движения «Молодая гвардия». Он рассказывал, что, когда проводятся какие-то мероприятия, им говорят, что вы обязаны прийти, потому что там какая-то комиссия из Москвы, то есть это всё ещё и контролируется, в результате этого вы получите какие-то хорошие баллы или ценные вещи. То есть получается, что всё это делается только для того, что это нужно

для какой-то формальной отчетности, а не потому, что люди этого хотят. Им говорят: вы должны прийти, а не придёте, мы вас вычеркнем из этой партии. Так получается, что люди там тоже из-за выгоды, потому что им дают какие-то бонусы, какие-то плюсы. Не из-за целей, которые были изначально заложены в эту организацию, а из-за своих собственных целей: материальная выгода, карьерные мотивы и корыстные побуждения» (Ростов-на-Дону).

«Людей, состоящих в данной организации, заставляют выкладывать эти картинки, они должны отмечаться и сообщать об этом всем. Вот им говорят: вы были на мероприятии, обязательно сфотографируйтесь. Обязательно напишите какой-то путь, проявите какие-то свои чувства, сообщить о своей гордости. И это все наиграно. И люди, которые их не знают, могут действительно поверить в то, что они проявляют свою гражданскую позицию» (Ростов-на-Дону).

«Я считаю, что это проблема и нравственности самого человека, и проблема самого государства. Потому что человек проявляет свои корыстные побуждения только для того чтобы заработать, и он идёт на такие патриотические практики. И действительно есть много способов заработать, но человек понимает, что зачем ему работать на заводе, если можно заработать таким образом. Просто я пойду сюда, и буду показывать свою любовь, но при этом я не чувствую ее. Как мне кажется, здесь всё-таки сказывается наш низкий уровень жизни, наше невысокое качество жизни. В этом и проблема» (Ростов-на-Дону).

«Вот, допустим есть у нас есть движение «Молодая гвардия», и, как мне кажется, их главная цель – это пробиться к власти. У них такой прагматический подход. Как мне кажется, когда у молодого человека, нет поддержки, и нет связей, то ему сложно пробиться к власти и свою идею продвинуть. Просто её не услышит» (Симферополь).

«Моя личная мотивация участия в гражданско-патриотических мероприятиях – это приятно делать приятно. Всё-таки на душе легче становится, доброе дело сделал. Однако, везде есть выгода. Человека нужно заинтересовать, потому что просто так свое время и деньги люди не готовы тратить» (Ростов-на-Дону).

«Я, допустим, участвую в различных гражданских практиках с целью узнать что-то новое. Для саморазвития» (Симферополь).

«Я могу привести пример такого мероприятия, которое проводилось в нашем городе и называлось «Чистые игры». Цель его в том, что люди приходили на какие-то субботники и убирали и за это получали какие-то призы. Тут можно говорить о том, что среди них были и те которые приходили именно за призами, то есть их мотивировали именно получить ценные подарки. А лично для меня, как организатора данного мероприятия мотивировка была в том, что я могу помочь организовать данный процесс. Да и тот объект, который мы уберём, будет чистым, независимо от того каких людей туда привлекают и с какими целями они приходят» (Симферополь).

«Когда мне было 15 лет, я вступила в движение «Молодая гвардия». Впоследствии появилась даже какая-то некая гордость, желание помочь, то, что мы называем возможно неконструктивным. Впоследствии я немного разочаровалась в данных политических практиках, так как я начала понимать, что это не несёт никакой ценности» (Ростов-на-Дону).

«Когда люди что-то организуют сами, именно не государство, то чувствуешь, что можешь действительно что-то решить и что-то изменить. Получаешь мотивацию, вдохновение делать что-то» (Симферополь).

«Я могу также поддержать ребят, которые рассказывали о «Молодой гвардии», я тоже в неё вступала. И вступала именно с такими чувствами, что я помогу и что я что-то сделаю. Когда мы пришли на первые занятия, то слышали такие слова, что

вот вы получили некий социальный лифт, который позволит вам подойти поближе к власти и что-то решать и делать. Я поняла, что на самом деле люди, которые там собрались они не преследуют тех целей, которые я себе думала в тот момент, когда вступала. Что в какой-то момент понимаешь, что ты хотел совершенно другого» (Ростов-на-Дону).

«Я могу рассказать реальную историю – у меня знакомый был помощником депутата. Он мне рассказывал, что он хотел изменить мир, помогать людям, но по факту его начальник посылал его для галочки на мероприятия. Причём его начальник всем рассказал: вот видите это моя инициатива, не государственная, я могу себе позволить выполнить данную инициативу. Вот яркий пример, наш известный политик, вот он отказался от зарплаты, вы думаете на что он живёт, его жена очень богатейший человек. Опять же это все дешёвый популизм» (Симферополь).

По мнению студенческой молодежи, формированию гражданского патриотизма мешают цинизм бюрократии, коррупция, а также незнание законов и своих прав самими гражданами. Также молодые люди возлагают надежду на создание платформ и интернет-площадок для отстаивания гражданских прав и свобод, констатируя бессмысленность публичных протестных акций.

«Как мне кажется, прежде всего, должна быть юридическая, правовая грамотность населения. Большинство из нас не знают своих прав, каких-то законов, которые помогли бы защитить наши права. Как мне кажется, что знание законов, и своих прав, и умение их отстаивать, как раз таки и есть основа гражданского патриотизма. То есть знание рождает действия» (Ростов-на-Дону).

Исследование позволило выделить факторы, препятствующие, по мнению молодежи, формированию гражданского патриотизма. Это факторы, связанные, прежде всего, с недобросовестностью, равнодушием и корыстью чиновников, коррупцией, социально-экономическим неблагополучием. Для студенческой молодежи в целом характерно негативное отношение к работе местных правительств, государственных и муниципальных властей, бюрократии и т.д.:

«В формировании гражданского патриотизма, гражданского сознания нам мешает наша бюрократия. Опять пример из жизни: я родилась на Донбассе, в 2002-м году мои родители решили переехать в Россию и получали гражданство только через восемь лет, хотя они вернулись при этом на историческую Родину. Этот закон не работал. Все знали этот закон, кто сидел в паспортном столе тоже знали законы, но жажда наживы мешала им. И только тогда, когда из Ростова приехала проверка, родителям удалось получить гражданство. Также и тут же и такой яркий пример, что в этом законе есть такая строчка, что если человек уже получил гражданство, то его дети имеют право получить тоже гражданство. Вот мой брат закончил здесь школу, поступил в университет и ему гражданство по-прежнему не давали. Дело не в том, знаешь ты закон или не знаешь, а проблема в том, как их осуществлять, кто занимает те посты, кто вправе решать получишь ли ты гражданство или образование, или нет. В этом проблема, нужно начинать с верхов. В первую очередь обучить тех людей, которые занимают руководящие должности, работать не только ради наживы, а для того, чтобы сделать лучше, а уже затем объяснить гражданам их права и возможности реализации через этих людей» (Симферополь).

Согласно данным фокус-группового исследования, среди факторов, оказывающих влияние на формирование молодежного гражданского патриотизма, наибольшее значение имеет семья.

«Что касается семьи... Действительно, независимо от того, как сложится жизнь ребенка дальше, основы, которые заложены в семье, формируют его дальнейшее ми-

ровоззревание. Кажется, что семья и есть как раз таки то, с чего нужно начинать воспитание гражданского патриотизма».

«Семья действительно формирует тот базис, который затем формирует нас. Допустим, если представить ситуацию, что у ребенка есть какое-то чувство отторжения Родины или неприятие её, продиктованное родителями, то учитель или преподаватель уже не сможет изменить этого. Потому что человек после школы попадает все равно в семейную среду, и там уже все равно идут эти разговоры. Как мне кажется наше формирование, наше сознание идёт именно из семьи. Именно семья диктует нам ценности, потом на их основе уже мы развиваемся».

Также прозвучали версии о том, что за гражданской активностью молодежи иногда скрываются модные тренды и желание «хайпа»¹.

«Я знаю, что у блоггеров есть такая знаменитая личность...Она очень сильно пропагандирует идеи экологической политики. Как я это вижу, мне кажется это тренд. Как мне кажется, это не воля человека, не желание что-то изменить, а как мода становится. Новый способ распиариться, быть услышанным, иметь каких-то подписчиков и сторонников. С одной стороны, это не гражданский патриотизм, с другой стороны – через нас, через сторонников, можно как-то изменить ситуацию. Кажется, если не получится сделать это через ценности общества, то можно как бы использовать данный канал, пропагандируя ценности гражданского патриотизма через моду. мода становится как бы средством формирования молодого поколения. С другой стороны, это всё-таки обман» (Ростов-на-Дону).

Среди причин, которые препятствуют гражданской активности, молодые люди назвали как страх, так и уверенность в безрезультатности своих действий:

«Действует какой-то страх, поэтому мы, наверное, не проявляем гражданскую активность так активно, как хотели бы» (Ростов-на-Дону).

«Если можно было бы увидеть и получить результаты, то мы бы пошли. Если есть цели, которые ты можешь достичь, тогда и страха нет, но пытаемся и это не работает, и поэтому мы сидим молча» (Симферополь).

«Не хочется оказаться в полиции, сходя на митинг, и чтобы этот факт отразился потом негативно в твоей биографии, и поэтому проще ничего не делать» (Ростов-на-Дону).

На вопрос «В каких социальных практиках может проявить себя гражданин как патриот своей страны?» были получены следующие ответы: «акции, направленные на помощь малоимущим», «участие в политической жизни», «общественные слушания, разработка программ», «общественные движения и движения по решению каких-то экологических проблем», «поддержка социально незащищенных слоев населения», «волонтерские движения».

На вопрос модератора «Что необходимо сделать, чтобы сформировать гражданский патриотизм?» последовали следующие ответы респондентов:

«Да, я тоже за то, чтобы гражданский патриотизм развивался в программах. Как мне кажется, нужно развивать социальную рекламу. Вот, например, помните Стахановские движения, вот помните же как оно поднималось, через публикации в газетах, через культивирование этой идеи как заведомо хорошей для общества и государства. Во-вторых, я искренне полагаю, что это должно происходить через куль-

¹ Хайп (англ. *hype*) — агрессивная и навязчивая реклама, целью которой является формирование предпочтений потребителя. В отличие от традиционной рекламы, основным назначением которой являлось сообщение информации о товаре, хайп, или «сверхреклама», ставит задачу не столько информационную, сколько стимулирующую. Как следствие, смысловое содержание такой рекламы резко снижено, а на первый план выходит внешняя форма рекламного сообщения.

туру, то если мы сейчас видим, что у нас в основном западная культура и кино тоже западное мы смотрим. Да я не утверждаю, что моя позиция, действительно верна, но как мне кажется именно такой стоит развивать. Для меня это во многом культивирования этой идеи в обществе, может быть социальная реклама или различные социальные примеры, которые будут распространяться, и будут популяризированы» (Ростов-на-Дону).

«Значит, я подумала над вашим вопросом вначале так, что наверно побольше денег надо выделять, а потом подумала – сколько денег не выделяй, их все равно украдут или они дойдут в меньшем количестве. Мне кажется, наверно, надо не больше денег выделять, а следить за тем, как они спускаются вниз, как они доходит до конкретного исполнителя. То есть как бы система контроля. Известно, что деньги до адресатов часто просто не доходят...» (Симферополь).

«Я вообще считаю, что все должно идти из детства. Я уже говорила выше, что мы, когда делаем какой-то скучный проект, ну, после седьмого урока детям это уже не интересно, то мы получаем такой результат. Мне кажется если сделать этот проект более интерактивно, то детям станет более интересно. Им самим захочется узнавать что-то новое» (Симферополь).

«Я считаю, что мы должны просвещать молодёжную среду. Хотя не только именно молодёжную категорию, но как мне кажется и все другие слои населения. Например, допустим, возьмём того же слесаря Васю, 45 лет, имеющего двоих детей, и который никогда не слышал ничего о гражданском патриотизме, о каких-то там видах патриотизма, он даже толком не может сказать, что это. Мне кажется если у него спросить, что такое патриотизм, он ответит, что это любить там государство, подчиняться власти, не критиковать власть. И вот я считаю, что наша задача, при помощи информационных технологий создать условия, чтобы человек мог выражать свое мнение через тот же интернет, просвещать ту часть населения, которая не задействовано в интернете там или не знает, что такое патриотизм через диалог или через разговор» (Ростов-на-Дону).

Заключение

В ходе фокус-группового исследования были выявлены две основных формы гражданской активности студентов вузов, проявляющейся в реальных социальных практиках. Первая форма тесно связана со спецификой, традициями, этосом того образовательного учреждения, в стенах которого протекает жизненная повседневность и реализуются образовательные стратегии студенческой молодежи. Вторая предполагает реализацию гражданской активности за стенами образовательного учреждения в рамках волонтерских и других общественных некоммерческих организаций.

Характерно, что в ходе беседы со студентами во всех фокус-группах происходил постепенный «переход» в дискурсе от рефлексии вокруг крупных общественно-государственных проблем к акцентуации важности местных, локальных задач, ориентированных, прежде всего, на локальные сообщества.

Одним из важнейших факторов, препятствующим формированию гражданского патриотизма, по мнению студенчества, является не вполне сбалансированная образовательная и молодежная государственная политика. Участники фокус-групповых исследований делали акцент, прежде всего, на нежелании администрации вузов формировать и поддерживать реальную мотивацию гражданской активности студентов и создавать пространство для их самоорганизации, зато отмечает создание ими множества имитационных форм гражданско-патриотических практик.

Еще барьером формирования гражданского патриотизма является правовая неграмотность молодежи, отсутствие необходимой информации о легитимных возможностях защиты своих прав и интересов.

Результаты фокус-групповых исследований верифицируют существование в значительной части образовательных учреждений лишь дискурса гражданского патриотизма, который не конвертируется ни в какую подлинную созидательную деятельность.

Среди наиболее популярных гражданско-патриотических практик студенты называют волонтерство, попытку создания западного формата добровольчества. Однако, по мнению студентов, и эти практики носят зачастую корыстный, коммерческий, прагматический характер или напоминают популистские мероприятия.

Студенты выделяют ряд действительно конструктивных гражданско-патриотических практик, но связывают их результативность с деятельностью конкретного высшего учебного заведения, а не с эффективностью системы в целом.

Исследование позволило выделить факторы, препятствующие, по мнению молодежи, формированию гражданского патриотизма. Это барьеры, связанные, в первую очередь, с тем, что политика государства в сфере формирования гражданственности носит амбивалентный характер. С одной стороны, в России разработан большой массив нормативных и программных документов, направленных на формирование патриотизма и гражданственности молодежи, с другой стороны, повседневные практики формируют у молодежи «разорванное» сознание в сфере гражданственности, связанное с рассогласованием дискурсивного и практического уровня деятельности и поведения.

Установки гражданского патриотизма, хотя и имеют определенный потенциал в молодежной среде, все же не являются в полной мере востребованными. Это связано с фрагментарным и асимметричным развитием на Юге России институтов гражданского общества, в том числе институтов молодежной политики, призванных формировать социальную ответственность и мотивировать гражданскую активность молодежи.

Литература

- Асланов, Я.А. (2016). Формирование патриотизма в процессе социализации российской студенческой молодежи (на примере Ростовской области): (автореферат кандидатской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.
- Зети, П.П. (2012). Информационные механизмы формирования гражданского сознания молодежи на Юге России. *СИСП*, 10, 47-60.
- Немчинова, И.П. (2017). Влияние медиа на воспитание патриотических ценностей у молодежи. *Молодой исследователь Дона*, 5(8), 199-203.
- Барков, Ф.А., Водолацкий, В.П., Садко, Д.О., Сериков, А.В., Черноус, В.В., Черных, Е.Ю. (2011). Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). В Ю.Г.Волков (ред.). *Коллективная монография*. Ростов-на-Дону: Антей, 10-43.
- Верещагина, А.В. (2017). Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России. *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*, 1 (60), 21-31.
- Волков, Ю.Г., Бинева, Н.К., Печуров, И.В. (2017). Реализации этнокультурного образования и гражданско-патриотического воспитания на юге России в контексте национальной политики. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 3 (204), 86-96.
- Гражданский патриотизм – основа народного большинства. Режим доступа: <http://valyanko.livejournal.com/595.html>
- Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России. (2018). В Ю.Г. Волков (ред.). *Коллективная монография*. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 255-316.
- Шевченко, О.М., Вагина, В.О. (2017). Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования. *Гуманитарий Юга России*, 3, 304-307.

- Beck, U., Beck-Gernsheim, E. (2009). Global Generations and the Trap of Methodological Nationalism for a Cosmopolitan Turn in the Sociology of Youth and Generation. *European Sociological Review*, 25 (1), 25–36.
- Blatberg, Ch. (2000). *From Pluralist to Patriotic Politics: Putting Practice First*. Oxford: Oxford University Press.
- Blum, D.W. (2006). Official Patriotism in Russia. Its Essence and Implications. *PONARS Policy Memo*, 420. Режим доступа: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0420.pdf.
- Cohen, J., Nussbaum, M.C. (1996). *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press.
- Dustin, Gr. (2005). *Patriotism and Poetry in Eighteenth-Century Britain*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goode, P.J. (2016). Everyday Patriotism and Putin's Foreign Policy. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 432. Режим доступа: <http://www.ponarseurasia.org/memo/everyday-patriotism-and-putins-foreign-policy>.
- Goodrich, L.A. (2016). Picture of Russian Patriotism. *On Geopolitics*, Mar 22. Режим доступа: <https://worldview.stratfor.com/article/picture-russian-patriotism>.
- Newton, M. (2017). Russia Media Profile: Digital Patriotism and a Nationalist Agenda. *International policy institute. The University of Washington. niversity of Washington*, September 6. Режим доступа: <https://jis.washington.edu/news/russia-media-profile-digital-patriotism-nationalist-agenda/>
- Patriotism* (2002). In I. Primoratz. New York: Humanity Books .
- Calhoun Cr. (2004). *Is it Time to Be Postnational?* In St. May, T. Modood, J. Squires (Eds.) *Ethnicity, Nationalism, and Minority Rights*. Cambridge: CambridgeUP, 231–256.
- Schatz, R.T. (1994). On being a good American: Blind versus constructive patriotism: (Doctoral Dissertation). Amherst: University of Massachusetts, 220.
- Volkov, Yu. G., Vereshchagina, A. V., Lubsky, A. V., Vagina, V. O., Gubarev, I. V. (2017). Patriotism as the Subject of Discursive Practices in Russia. *Astra Salvensis*, 2, 841-859.
- Volkov, Yu.G., Chernobrovkin, I.P., Lubskiy, A.V., Bineeva, N.K., Gubarev, I.V. (2018). Civic patriotism in the context of solidarity practices in western european countries. *International Journal of Engineering & Technology*, 7 (2.13), 67-70;
- Volkov, Yu.G., Vereshchagina, A.V., Lubskiy, A.V., Vagina, V.O., Gubarev, I.V. (2018). Patriotism and solidarity in the west and in Russia. *International Journal of Engineering & Technology*, 7 (2.13), 46-50.

References

- Aslanov, Ya.A. (2016). Formation of patriotism in the process of socialization of Russian student youth (on the example of Rostov Region): (abstract of Ph.D. thesis). Southern Federal University, Rostov-on-Don,
- Zeti, P.P. (2012). Informational mechanisms that form the civil consciousness of the youth on the South of Russia. *Modern Studies of Social Issues*, 10, 47-60.
- Nemchinova, I.P. (2017). Influence of media on education of patriotic values among young people. *Young Researcher of the Don*, 5(8), 199-203.
- Barkov, F.A., Vodolatsky, V.P., Sadko, D.O., Serikov, A.V., Chernous, V.V., Chernykh, E.Yu. (2011). Cossacks as an ethnosocial phenomenon of modern Russia (based on the results of a sociological study of the Don Cossacks). edited by Yu. G. Volkov. *Collective monograph*. Rostov-on-Don: Antei, 10-43.
- Vereshchagina, A.V. (2017). Resource potential of social consolidation in the South of Russia: features of formation and problems of implementation. *PSSASC: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture*, 1 (60), 21-31.
- Volkov, Yu.G., Bineeva, N.K., Pechkurov, I.V. (2017). Implementation of ethnocultural education and civil patriotic education in the South of Russia in the context of national policy. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology*, 3 (204), 86-96.
- Civil patriotism is the basis of popular majority. Accessed: <http://valyanko.livejournal.com/595.html>
- Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России. (2018). edited by Yu. G. Volkov. *Collective monograph*. Rostov-on-Don: Fund for science and education, 255-316.
- Shevchenko, O.M., Vagina, V.O. (2017). Civil patriotism as the idea of consolidation of youth in the South of Russia: specifics and difficulties of formation. *Humanities of the South of Russia*, 3, 304-307.
- Beck, U., Beck-Gernsheim, E. (2009). Global Generations and the Trap of Methodological Nationalism for a Cosmopolitan Turn in the Sociology of Youth and Generation. *European Sociological Review*, 25 (1), 25–36.
- Blatberg, Ch. (2000). *From Pluralist to Patriotic Politics: Putting Practice First*. Oxford: Oxford University Press.
- Blum, D.W. (2006). Official Patriotism in Russia. Its Essence and Implications. *PONARS Policy Memo*, 420. Accessed: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0420.pdf.
- Cohen, J., Nussbaum, M.C. (1996). *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press.
- Dustin, Gr. (2005). *Patriotism and Poetry in Eighteenth-Century Britain*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goode, P.J. (2016). Everyday Patriotism and Putin's Foreign Policy. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 432. Accessed: <http://www.ponarseurasia.org/memo/everyday-patriotism-and-putins-foreign-policy>.

- Goodrich, L.A. (2016). Picture of Russian Patriotism. *On Geopolitics*, Mar 22. Accessed: <https://worldview.stratfor.com/article/picture-russian-patriotism>.
- Newton, M. (2017). Russia Media Profile: Digital Patriotism and a Nationalist Agenda. *International policy institute. The University of Washington*. September 6. Accessed: <https://jsis.washington.edu/news/russia-media-profile-digital-patriotism-nationalist-agenda/>
- Patriotism* (2002). In I. Primoratz. New York: Humanity Books .
- Calhoun Cr. (2004). *Is it Time to Be Postnational?* In St. May, T. Modood, J. Squires (Eds.) *Ethnicity, Nationalism, and Minority Rights*. Cambridge: CambridgeUP, 231-256.
- Schatz, R.T. (1994). *On being a good American: Blind versus constructive patriotism: (Doctoral Dissertation)*. Amherst: University of Massachusetts, 220.
- Volkov, Yu. G., Vereshchagina, A. V., Lubsky, A. V., Vagina, V. O., Gubarev, I. V. (2017). Patriotism as the Subject of Discursive Practices in Russia. *Astra Salvensis*, 2, 841-859.
- Volkov, Yu.G., Chernobrovkin, I.P., Lubskiy, A.V., Bineeva, N.K., Gubarev, I.V. (2018). Civic patriotism in the context of solidarity practices in western european countries. *International Journal of Engineering & Technology*, 7 (2.13), 67-70;
- Volkov, Yu.G., Vereshchagina, A.V., Lubskiy, A.V., Vagina, V.O., Gubarev, I.V. (2018). Patriotism and solidarity in the west and in Russia. *International Journal of Engineering & Technology*, 7 (2.13), 46-50.

Дата получения рукописи: 18.08. 2022

Дата окончания рецензирования: 23.09.2022

Дата принятия к публикации: 28.09.2022

Информация об авторе

Колесникова Елена Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; e-mail: anabel_le@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kolesnikova Elena Yurievna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; e-mail: anabel_le@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 316.7 316.4.06

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.8

EDN ANRJQP

**Социокультурные факторы реформирования ЖКХ
и реализации программы капитального ремонта в России****Людмила В. Клименко¹**

¹Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: lucl@yandex.ru

Аннотация

Введение. Жилищно-коммунальная реформа в России и реализуемая программа капитального ремонта (направленная на децентрализацию и минимизирование участия государства в жилищной экономике) предполагает формирование массового слоя активных собственников жилья, способных договариваться друг с другом и финансово управлять личным и общим имуществом многоквартирных домов. В реальности фиксируются многочисленные трудности и проблемы в процессах институционализации эффективных собственников жилья в нашей стране. На основе анализа исследовательской литературы верифицируется положение о том, что помимо факторов нормативно-правового и социально-экономического характера значительную роль в процессе реформирования жилищно-коммунальной сферы играют социокультурные особенности развития российского общества.

Теоретическое обоснование. На основе компаративного анализа выделяются макроуровневые факторы организации и регулирования жилищно-коммунальной сферы в России, описанные в контексте социокультурного и институционального подходов.

Результаты и их обсуждение. Анализ исследовательской литературы позволяет увидеть историко-культурные и социетальные комплексы причин, влияющие на эффективность реформирования ЖКХ. К историко-культурным факторам исследователи чаще всего относят предшествующую советскую практику организации жилищной экономики, которая сформировала и закрепила пассивность населения и диверсифицировала опыт коллективных действий в сфере обслуживания и модернизации жилого фонда. В институциональном подходе к социетальным детерминантам относятся следующие факторы: коммунитарность материально-технологической среды, патернализм и централизация власти, институциональная инерция и «эффект колеи».

Ключевые слова: реформа ЖКХ; капитальный ремонт; социокультурные факторы; многоквартирный дом; социально-историческое развитие; социетальные особенности.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-01-00503.

Для цитирования: Клименко Л. В. (2022). Социокультурные факторы реформирования ЖКХ и реализации программы капитального ремонта в России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 100-106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.8>

**Socio-cultural factors of reforming housing and communal services
and implementation of a major overhaul program in Russia****Lyudmila V. Klimenko¹**

¹Higher School of Business of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: lucl@yandex.ru

Abstract

Introduction. The housing and communal reform in Russia and the ongoing overhaul program, aimed at decentralization and minimizing state participation in the housing economy, involves the formation of mass layer of active homeowners who are able to negotiate with each other and financially manage the personal and common property of apartment buildings. In reality, numerous difficulties and problems are recorded in the processes of institutionalization of effective homeowners in Russia. Based on the analysis of research literature, the proposition is verified that, in addition to factors of a regulatory, legal and socio-economic

nature, a significant role in the process of reforming the housing and communal sector is played by socio-cultural features of the development of Russian society.

Theoretical justification. Based on the comparative method, macro-level factors in the organization and regulation of the housing and public utilities in Russian, analyzed in the context of socio-cultural and institutional approaches.

Results and discussion. The analysis of the research literature makes it possible to see the historical, cultural and societal complexes of causes that affect the effectiveness of housing and public utilities reform. Researchers most often refer to the historical and cultural factors as the previous Soviet practice of organizing the housing economy, which formed and consolidated the passivity of the population and diversified the experience of collective action in the maintenance and modernization of the housing stock. In the institutional approach, the societal determinants include the following factors: the communitarian nature of the material and technological environment, paternalism and centralization of power, institutional inertia and the «path-dependence».

Keywords: housing and communal reform; overhaul; socio-cultural factors; apartment house; socio-historical development; societal features.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-01-00503.

For citation: Klimenko L.V. (2022). Socio-cultural factors of reforming housing and communal services and implementation of a major overhaul program in Russia. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 100-106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.8>

Постановка проблемы

Обеспечение эффективного функционирования жилищно-коммунального комплекса в России – одно из наиболее сложных направлений социально-экономических реформ. Современная модель жилищной экономики в России предполагает коллективное использование и управление жильцами общей собственности многоквартирных домов (МКД), переложение бремени капитального ремонта большого объема ветшающих домов и коммунальной инфраструктуры на собственников жилья. Это требует активности, самоорганизации и сотрудничества собственников МКД, либо принуждение к исполнению обязательств.

Другой особенностью реализуемых реформ является необходимость общественного контроля за реализацией государственными и муниципальными органами регулирующих функций в сфере ЖКХ. Существующая в России модель капитального ремонта МКД, которая предполагает сбор обязательных денежных взносов собственников (на общий счет регионального оператора или специальный счет МКД), имеет множество проблем, связанных с недофинансированием, коррупцией и неэффективным использованием собранных средств, фрирайдерством и пассивностью жильцов (Ермишина, Клименко, 2020). В целом, нельзя пока говорить о формировании и устойчивом воспроизводстве на массовом уровне паттерна эффективного собственника жилья в России (Литвинцев, 2021).

Вместе с тем, ответственность в использовании общественных благ, готовность к коллективным действиям и участие в принятии решений по содержанию и модернизации общедомового имущества населения не формируются только в результате политической воли и изменения законодательного регулирования. Институционализация эффективного собственника жилья в МКД – сложный и многофакторный процесс, который в российском обществе протекает с различного рода трудностями. К очевидным и эмпирически верифицируемым в общероссийских и региональных исследованиях проблемам относятся: низкий уровень информированности собственников жилья о проводимых реформах ЖКХ и реализуемых моделях капитального ремонта; невысокая степень жилищной самоорганизации (участие в общедомовых собраниях, доверие между жильцами, голосование, общественного контроль за качеством услуг и пр.); критичное отношение к модели «общего котла» в реализации программы капитального ремонта (Абрамова, 2020).

Подобная пассивность российского населения в сфере модернизации жилищной экономики зачастую обусловлена социокультурными причинами и факторами, которые стараются идентифицировать и объяснить современные исследователи. Ведь эффективность социально-экономических реформ обусловлена не только политико-правовыми трансформациями, но, в большей степени, определяется подвижками на глубинном социетальном уровне, которые могут как ускорять, так и существенно замедлять модернизационные процессы. Обратимся в этой связи к рассмотрению концептуальных подходов, интерпретирующих социокультурные факторы реформирования жилищно-коммунальной сферы в российском обществе. Под социокультурным ракурсом здесь понимается рассмотрение института ЖКХ в контексте культурных особенностей и традиций, а также ценностно-нормативных смыслов и моделей поведения. Наш анализ не претендует на полноту охвата исследовательской литературы, но направлен на рассмотрение содержательных аргументов, характеризующих значимость неэкономических факторов реформирования жилищно-коммунальной сферы.

Социально-исторические детерминанты. Трудности и проблемы перехода к новым принципам организации и финансирования жилищной экономики в целом и программы капитального ремонта, в частности, связываются с отсутствием в советском прошлом институционализированного опыта коллективных действий в сфере управления МКД. На советском этапе развития России многоквартирные дома (сами квартиры, общедомовые помещения – подъезды, чердаки, крыши, подвалы) полностью обслуживались государством через коммунальные службы (ЖЭК, РЭУ), а жители фактически были исключены из участия в этом процессе и, соответственно, не несли ответственности за состояние МКД. Поэтому сейчас возникают сложности перехода от полного государственного контроля к коллективной ответственности собственников жилья в МКД (Жукова, Быкова, 2019).

Финская исследовательница R.Vihavainen на основе наблюдений и опросов в товариществах собственников жилья в Санкт-Петербурге также апеллирует к советскому прошлому как одному из предикатов инертности жильцов. Многолетняя политика и практика государственной монополии в сфере собственности, управления и обслуживания МКД предполагала отнесение населения к пассивным получателям общественных благ. В этих условиях сформировалась и осталась устойчивой позиция жильцов как пользователей, а не активных потребителей благ и услуг. Как пишет автор, «в России это часто называют «советским» менталитетом, что соответствует так называемому менталитету «арендатора» в других странах мира» (Vihavainen, 2019, p. 85). Однако по результатам исследований R.Vihavainen «советский менталитет», то есть пассивность и нежелание жителей самоорганизовываться, не является главным препятствием на пути жилищной реформы. Большую роль здесь играют несовершенные институциональные механизмы и местные органы власти, ограничивающие свободу и самоуправление ТСЖ.

Кроме того, на примере государств Восточной Европы и Балтии можно увидеть, что советское прошлое и государственный контроль в жилищной экономике не являются существенным препятствием для формирования у населения коллективной ответственности собственников. Два десятилетия назад в процессе приватизации жилья в таких постсоветских странах как Словакия, Венгрия, Румыния, Эстония и пр. население получило от государства обязанности по содержанию и ремонту МКД. За прошедшее время наблюдается существенное повышение показателей жилищной самоорганизации собственников данных стран при обслуживании общедомового имущества и проведении капитального ремонта (Генцлер, Лыкова, 2007). Обратимся в

этой связи к рассмотрению тех научных работ, которые усматривают истоки современных трудностей реформирования жилищной экономики еще в более далеком прошлом.

Социетальные факторы

Социокультурные особенности и традиции организации жилищной сферы в России попадают в фокус анализа С.Г. Кирдиной-Чэндлер в рамках разработанной ею концепции институциональных матриц. С точки зрения автора регулирование основных сфер общества, в том числе организация жилищно-коммунального хозяйства, определяется исторически сложившейся в конкретном обществе институциональной структурой или так называемой институциональной матрицей. Автор понимает под последней исторически устойчивую взаимосвязь экономических, политических и идеологических институтов, регулирующих функционирование всей общественной системы. Исходная природно-географическая и последующая материально-технологическая среда дифференцирует страны с различными моделями институциональных матриц: X-матрица (принципы редистрибутивной экономики, политические институты унитарного типа, коммунитарная идеология) и Y-матрица (принципы рыночной экономики, федеративность политической системы, идеологии субсидиарности) (Кирдина, 2014).

Россия в данной типологии тяготеет к X матрице, в которой коммунитарность материально-технологической среды задает принципы организации и жилищно-коммунальной сферы: «единые энергетические системы, централизованные коммуникации теплоснабжения и водообеспечения, жилищное хозяйство городов и т.д.» (Кирдина, 2014, с. 84), которые детерминируют особенности институционального воспроизводства и в современной России. Поэтому преобразования коммунального типа организации жилищно-коммунального хозяйства в России в индивидуализированный тип (по западному образцу) протекают со значительными сложностями.

С опорой на теорию институциональных матриц Е.М. Зарубина в своем диссертационном труде предпринимает попытку эмпирически верифицировать противоречие между коммунальным типом жилищной экономики в России и субсидиарно ориентированной реформой ЖКХ. На материалах опросов она делает вывод о несоответствии жилищно-коммунальных реформ «характеру культурной среды российского общества и ценностным установкам населения, направленным на жилищную сферу» (Зарубина, 2003).

Роль социокультурных факторов экономического развития России анализируется в исследованиях А.А. Аузана и его коллег. Авторы указывают, что ценностные установки и паттерны оказывают существенное влияние на экономическое поведение, в свою очередь, успешные трансформации экономических систем должны сопровождаться подвижками на ценностном уровне (Антонов и др., 2011). В данном контексте повышение качества услуг и модернизация ЖКХ, применение ресурсосберегающих технологий невозможна без самоорганизации эффективных собственников. Но, как показывают общероссийские опросы, и в 2020, и в 2021 гг. подавляющее большинство собственников (около 85%) даже не знают о государственном софинансировании энергоэффективного капитального ремонта МКД (ВЦИОМ, 2021). А.А. Аузан вслед за Д. Нортон обозначает инерцию социально-экономического развития определенных стран как «эффект колеи», а этот феномен исследует в рамках направления «социокультурной экономики» («Cultural Economics»).

Многие ученые говорят об устойчивости в России государственно-патерналистической политической культуры (самодержавие, крепостничество, тоталитаризм),

которая проявляется на всех уровнях социально-экономической жизни и определяет пассивность населения, ожидания государственной опеки. «С этим историческим опытом связано слабое развитие в русском обществе «мотивации достижения» (Дилигенский, 1997, с. 274), которое было основным социально-психологическим фактором в обеспечении экономического благополучия западноевропейских государств. При этом сами представители власти амбивалентно воспринимают патернализм населения. С одной стороны, государство стремится переложить бремя финансовой нагрузки в той же сфере обслуживания ЖКХ и капитального ремонта МКД на собственников. С другой, за последние годы фиксируется существенное увеличение вмешательства государства в жилищную экономику, «а региональные фонды капитального ремонта стали еще одной сферой деятельности государственной бюрократии, с устойчивой тенденцией роста расходов на свое содержание» (Ермишина, 2020, с. 73).

Кроме того, как показывают результаты многолетних Международных исследований ценностей (World Values Survey) внедрение инноваций в экономике и социальной сфере наиболее эффективно в тех национальных культурах, в которых высокие показатели индивидуализма и долгосрочных ориентаций (Инглхарт, Вельцель, 2011). Тогда как воспроизводящаяся в российском обществе высокая дистанция власти и т.н. высокое избегание неопределенности, а также достаточно низкие показатели социального капитала (в форме доверия друг к другу) (по данным Европейского социально исследования (The European Social Survey) (Андрееenkova, 2018) не способствует глубокой и интенсивной модернизации.

В условиях доминирования т.н. «вертикальной схемы общественного договора» (Аузан, 2005) плохо развивается самоорганизация и низовая инициатива собственников. Этот же принцип централизации и принуждения срывает при формировании фонда капитального ремонта в нашей стране. Так значительный рост собираемости взносов (на фоне низких показателей поддержки модели «общего котла» (ФОМ, 2015) обусловлен скорее принудительными причинами, когда упростился механизм взыскания долгов по оплате жилищно-коммунальных расходов и оплату капитального ремонта (ГПК РФ ст. 122 в редакции Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ).

Заключение

Таким образом, в большинстве современных исследований делается акцент на нормативно-правовых, финансовых и технологических аспектах реформы ЖКХ. В то же время важным является анализ социокультурных детерминант развития российского общества. Анализ научной литературы позволяет увидеть макроуровневые историко-культурные и социетальные комплексы причин, влияющих на эффективность реформирования ЖКХ. Каковы же в таком случае дальнейшие перспективы модернизации жилищно-коммунального хозяйства в России, фактический износ которого может стать в ближайшее время критическими? С точки зрения большинства указанных в данной статье исследователей «культура не является судьбой» национального развития, и перестройка различных сторон общественно-экономической жизни возможна. Только необходима комплексная и продуманная программа трансформаций в области жилищной экономики с учетом сложившихся социокультурных особенностей общества, помогающих преодолеть «эффект колеи». И реализация этих изменений не может быть скоротечной, но требует систематических и пролонгированных усилий по просвещению и формированию финансовой грамотности собственников, поддержке жилищной самоорганизации, налаживанию эффективного диалога с властью.

Литература

- Абрамова Н.В. (2020) Вызовы и перспективы реформ ЖКХ и вовлечения собственников в управление жилищным фондом: социологический анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 65-83. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.717
- Андреенкова А.В. (2018) Стабильность и изменения социальных установок россиян и европейцев в 2002-2016 гг. *Социологические исследования*, 2018, 10, 66-76. DOI: 10.31857/S013216250002159-7
- Аузан А.А. (2005) Общественный договор и гражданское общество. *Мир России*, 3, 3-18.
- Генцлер И.В., Лыкова Т.Б. (2007) *Практика организации капитального ремонта многоквартирных домов в странах Восточной Европы и Балтии: опыт, полезный для России*. М.: Фонд «Институт экономики города», 22.
- Дилигенский Г.Г. (1997) Российские архетипы и современность. Т.И. Заславская (ред). *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии*. М.: МВШСиЭН, 273-279.
- Ермишина А.В. (2020) Эволюция государственного регулирования локальных общественных благ в жилищной экономике (на примере капитального ремонта многоквартирных домов в России). *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 11 (4), 64-77. DOI: 10.17835/2078-5429.2020.11.4.064-077.
- Ермишина А.В., Клименко Л.В. (2020) Капитальный ремонт многоквартирных домов: проективные установки и поведенческие практики россиян. *Вестник Института социологии*, 11 (4), 190-212. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685.
- Жукова И.В., Быкова Д.Г. (2019) Трансформация отношений личности и государства в системе капитального ремонта. *Вопросы управления*, 1 (37), 6-12. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-1-6-12.
- Зарубина Е.М. (2003) Реформа жилищно-коммунального хозяйства в России: социокультурная направленность и факторы реализации (автореферат кандидатской диссертации). Ростов-на-Дону.
- Инглхарт Р.Ф., Вельцель К.П. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 464.
- Кирдина С.Г. (2014) *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию*. 3-е издание. СПб.: Нестор-История, 469.
- Литвинцев Д.Б. (2021) 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2, 186-212.
- Антонов Е.В., Аузан А.А., Брызгалин В.А., Вороненко В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Трухачев С.А. (2019) *Социокультурные факторы инновационной активности населения (исследовательский отчет)*. М.: Институт национальных проектов, 2019, 124.
- Vihavainen R. (2009) *Homeowners' Associations in Russia after the 2005 Housing Reform*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 274.
- Национальный центр общественного контроля в сфере ЖКХ (2021). *Осведомленность россиян о реформе ЖКХ. Отчет по результатам исследования для некоммерческого партнерства*. М.: ВЦИОМ, 2021. Режим доступа: <https://fondgkh.ru/work-result/infografika/social-studies/>
- О расходах на капитальный ремонт. Официальный сайт ФОМ. Режим доступа: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/12380>

References

- Abramova, N.V. (2020) Challenges and prospects for housing reform and the involvement of owners in the housing stock management: a sociological analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 65-83. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.717
- Andreenkova, A.V. (2018) Stability and changes in social attitudes of Russians and Europeans in 2002-2016. *Sociological research*, 2018, 10, 66-76. DOI:10.31857/S013216250002159-7
- Antonov, E.V., Auzan, A.A., Bryzgalin, V.A., Voronenko, V.A., Zolotov, A.V., Nikishina, E.N., Pripuzova, N.A. & Trukhachev, S.A. (2019) *Socio-cultural factors of innovative activity of the population (research report)*. Moscow: Institute of National Projects, 2019, 124.
- Auzan, A.A. (2005) Social contract and civil society. *World of Russia*, 3, 3-18.
- Diligensky, G.G. (1997) *Russian archetypes and modernity*. T.I. Zaslavskaya (Eds.). Where is Russia going? General and special in modern development. Moscow: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, 273-279.
- Ermishina, A.V. (2020) Public Regulation Evolution of Local Public Goods in the Housing Economy (on the Example of the Major Renovation of Apartment Buildings in Russia). *Journal of Economic Regulation*, 11(4), 64-77. DOI: 10.17835/2078-5429.2020.11.4.064-077.
- Ermishina, A.V. & Klimenko, L.V. (2020) Overhaul of apartment buildings: projective attitudes and behavioral practices of Russians. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 11(4), 190-212. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685.

- Gentsler, I.V., Lykova, T.B. (2007) *The practice of organizing the overhaul of apartment buildings in Eastern Europe and the Baltic countries: experience useful for Russia*. Moscow: Foundation «Institute of Urban Economics», 22.
- Inglehart, R.F. & Welzel, K.P. (2011) *Modernization, cultural change and democracy. Sequence of human development*. Moscow: New publishing house, 464.
- Kirdina, S.G. (2014) *Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory*. 3rd edition. St. Petersburg: Nestor-History, 469.
- Litvintsev, D.B. (2021) 30 years of housing privatization in Russia: have you managed to educate responsible owners? *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2, 186-212.
- Vihavainen, R. (2009) *Homeowners' Associations in Russia after the 2005 Housing Reform*. Helsinki: Aleksanteri Institute, 274.
- Zarubina, E.M. (2003) *Housing and Communal Services Reform in Russia: Socio-Cultural Orientation and Implementation Factors (Abstract of Candidate's Dissertation, Rostov-on-Don)*.
- Zhukova, I.V. & Bykova, D.G. (2019) Transformation of the relationship between the individual and the state in the overhaul system. *Management Issues*, 1 (37), 6-12. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-1-6-12.
- National Center for Public Control in the Housing and Utilities Sector (2021). *Awareness of Russians about the reform of housing and communal services. Research report for a non-profit partnership*. M.: Russian Center for the Study of Public Opinion, 2021. Available at: <https://fondgkh.ru/work-result/infografika/social-studies/>
- On the cost of major repairs. Official website of FOM (Foundation "Social Opinion"). Available at: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/12380>.

Дата получения рукописи: 20.10.2022

Дата окончания рецензирования: 05.11.2022

Дата принятия к публикации: 07.11.2022

Информация об авторе

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, доцент, профессор, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: lucl@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Higher School of Business, Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia, e-mail: lucl@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 316.35

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.9

EDN KOHBKO

**Образовательная инклюзия и профессиональное самоопределение
выпускников школ с инвалидностью:
по материалам регионального социологического исследования****Маргарита С. Астоянц¹**¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Лариса В. Тарасенко²²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: lvtarasenko@sfedu.ru

Анастасия Г. Красножон³³Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: akrasnozhon@sfedu.ru

Аннотация**Введение.** Статья посвящена проблемам образовательной инклюзии и профессионального самоопределения выпускников школ с инвалидностью.**Методы.** Авторами приводится анализ результатов собственного регионального социологического опроса, проведенного в 2020-2021 гг., целью которого было выявление специфики образовательных потребностей и профессиональных предпочтений обучающихся 9-11 классов с инвалидностью. В эмпирическом исследовании приняло участие 1320 человек из Ростовской области, Краснодарского края и Калмыкии.**Результаты и обсуждение.** В статье анализируются образовательные потребности и профессиональные предпочтения выпускников с инвалидностью, на основании чего выделен перечень наиболее привлекательных для данной социальной группы профессий. Авторами делаются выводы о проблемах доступности профессионального образования для детей с инвалидностью, что, в частности, определяет ранний отсев многих школьников с инвалидностью при переходе из системы общего в систему профессионального образования, а это, в свою очередь, лишает их возможности накопления человеческого капитала, необходимого для достижения успеха в современном обществе, а также нивелирует шансы приобретения навыков, позволяющих им конкурировать на рынке труда. Авторами выявлены серьезные деформации в системе профориентационной работы с выпускниками школ, абитуриентами СПО и вузов с инвалидностью, в связи с чем делается вывод о необходимости трансформации профориентационной работы с детьми с инвалидностью с учетом социально-экономических реалий современного российского общества.**Ключевые слова:** образовательная инклюзия; образовательные потребности; профессиональное самоопределение; инвалидность; дети с инвалидностью.**Для цитирования:** Астоянц М. С., Тарасенко Л. В., Красножон А. Г. (2022). Образовательная инклюзия и профессиональное самоопределение выпускников школ с инвалидностью: по материалам регионального социологического исследования. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 108-120. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.9>**Educational inclusion and professional self-determination
of school graduates with disabilities:
based on the materials of a regional sociological research****Margarita S. Astoyants¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Larisa V. Tarasenko²

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: lvtarasenko@sfedu.ru

Anastasia G. Krasnozhon³

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: akrasnozhon@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the problems of educational inclusion and professional self-determination of school graduates with disabilities.

Methods. The authors present the results of their own regional sociological survey conducted in 2020-2021, the purpose of which was to identify the specifics of educational needs and professional preferences of students in grades 9-11 with disabilities. The empirical study involved 1,320 people from the Rostov Region, Krasnodar Territory and Republic of Kalmykia.

Results and its discussion. The article analyzes the educational needs and professional preferences of graduates with disabilities, on the basis of what a list of the most attractive professions for representatives of this social group is compiled. The authors draw conclusions about the problems of access to vocational education for children with disabilities – in particular, it determines their unwillingness to continue their education in secondary vocational education and universities. The authors revealed serious deformations in the system of career guidance work with school graduates, applicants of colleges and universities with disabilities. In this connection, it is concluded that it is necessary to transform career guidance work with children with disabilities, taking into account the socio-economic realities of modern Russian society.

Keywords: educational inclusion; educational needs; professional self-determination; disability; children with disabilities.

For citation: Astoyants M. S., Tarasenko L.V., Krasnozhon A. G. (2022). Educational inclusion and professional self-determination of school graduates with disabilities: based on the materials of a regional sociological research. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 108-120. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.9>

Введение

Социальная инклюзия представляет собой формирование осознания принадлежности индивида или группы к сообществу, результатом чего становится интеграция индивида в социум. В условиях нестабильности современного общества этот процесс приобретает особое значение, базируясь на ценностях социальной справедливости, гражданственности, социального равенства, составляющих основу инклюзивной культуры. По мнению индийского экономиста, Амартья Сена, социальная инклюзия «...характеризуется наличием широко используемого всеми слоями населения социального опыта и активным участием в жизни общества, всеобщим равенством возможностей и шансов добиться успеха в жизни, которые предоставляются каждому человеку, а также достижением всеми гражданами базового уровня благосостояния» (Sen Amartya, 2001).

Основным компонентом социальной инклюзии, ее фундаментом, является образовательная инклюзия, рассматривающая образование как одно из главнейших прав человека и основу построения экономических развитого, устойчивого и конкурентоспособного общества.

Образовательная инклюзия направлена на преодоление исключения из системы образования и обеспечивает равенство образовательных возможностей посредством создания специальных условий для людей с особыми образовательными потребностями. К таковым относятся дети с инвалидностью.

Дети с инвалидностью в системе образования современной России

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» представлена только категория детей с ограниченными возможностями здоровья (ст. 79. Организация получения образования обучающимися с ограниченными возможностя-

ми здоровья), что, по мнению экспертов, ограничивает права инвалидов, которые не всегда попадают в категорию лиц с ОВЗ. (Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022), 2022). Именно поэтому некоторые эксперты считают необходимым внести изменения в законодательную базу и разделить понятия, являющиеся спорными. Около 40 тысяч детей-инвалидов в РФ не относятся к категории детей с ограниченными возможностями здоровья, в то время как последних в системе образования представлено вдвое больше. Так, дети, имеющие серьезные заболевания или последствия травм, но не получившие группу по инвалидности (в результате прохождения медико-социальной экспертизы федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы), являются детьми с ограниченными возможностями здоровья. Ребенок с ограниченными возможностями здоровья может одновременно иметь инвалидность, но дети-инвалиды не могут быть приравнены к детям с ОВЗ. Отличие детей с ОВЗ от детей-инвалидов упускает из виду понятие «инвалид с детства». К инвалидам с детства относятся лица, у которых инвалидность по причине врожденных заболеваний и последствий травм и болезней, установленная в возрасте до 18 лет, остается после достижения совершеннолетия. (Дети с ОВЗ и дети-инвалиды: в чем разница?, 2019)

По данным Федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов» на 1.08.2022 г. численность детей-инвалидов в Российской Федерации составляет 742 234 человека, процент инвалидизации – 2,48. В Ростовской области численность детей-инвалидов составляет 14 937 человека, процент инвалидизации – 1,89. (Федеральный реестр инвалидов, 2022). Численность детей инвалидов в Ростовской области по возрастным группам:

- 0-3 лет – 891 (5,97%);
- 4-7 лет – 2940 (19,68%);
- 8-14 лет – 7 764 (51,98 %);
- 15-17 лет – 3 342 (22,37%).

По данным Росстата в 2020-2021 учебному году в учреждениях среднего профессионального образования в Российской Федерации обучались 34045 студентов-инвалидов; по программам высшего образования – 31100. (Федеральная служба государственной статистики (Росстат): Сведения об инвалидах – студентах профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, 2021)

По данным Росстата в 2020 году 74,2% детей-инвалидов в возрасте от 9 до 15 лет в РФ посещали общеобразовательные организации, 12,4% детей с инвалидностью получали образование на дому; 45,6% родителей были ориентированы на продолжение обучения детей-инвалидов в возрасте до 15 лет в образовательных учреждениях (в том числе 18,6% – в учреждениях начального или среднего профессионального образования, 26,9% – высшего профессионального образования) (Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Положение инвалидов: Посещение общеобразовательных организаций детьми в возрасте от 9-ти до 15 лет, 2020).

Прием лиц с инвалидностью в учреждения СПО в Ростовской области в 2020 году по сравнению с 2019 годом увеличился с 232 человек до 465 (на 100%). Общая численность обучающихся с инвалидностью, получающих образование в организациях СПО, в 2020 году составляла 1023 человека (Информационная справка о состоянии системы образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью в Ростовской области на 1 сентября 2020 г., 2020).

Однако российские исследования подтверждают, что, несмотря на действующее Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. N 363 «Об утверждении

государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» и расширение мер, направленных на интеграцию инвалидов в жизнь общества, они по-прежнему остаются социально незащищенной группой населения с более низким уровнем жизни, образования и занятости (Демьянова, Лукьянова, 2016). В исследованиях и практике социальной политики считается общепризнанным, что уровень образования является одним из важнейших факторов, определяющих занятость людей с ограниченными возможностями, и, следовательно, эффективным способом улучшить положение людей с ограниченными возможностями на рынке труда и уменьшить систематические различия в показателях занятости между людьми с инвалидностью и не имеющими ее. При этом уровень образования существенно более важен для уровня занятости людей с ограниченными возможностями, чем для людей, не являющихся инвалидами. Оценка значимости влияния уровня образования на уровень занятости для инвалидов по сравнению с теми, кто инвалидности не имеет, в различных исследованиях варьируется в границах от 11% до 20% (Bliksvær, 2018).

Так как одним из важнейших последствий низкой вовлеченности инвалидов в профессиональное образование и трудовую деятельность являются высокие расходы государственного бюджета на поддержку данной группы лиц, разработка институциональных мер по повышению инклюзивности системы образования и устранению дискриминации на рынке труда позволит не только лицам с функциональными ограничениями иметь больше возможностей для повышения качества жизни, но и снизить затраты государства на их содержание.

Таким образом, обеспечение равных возможностей в сфере профессионального образования и на рынке труда для учащихся с инвалидностью определяет приоритет не только образовательной, но и социальной политики. Очевидно, что для изменения положения данной группы в структуре неравенства социально-экономическая система должна обладать устойчивыми механизмами формирования социальной инклюзии.

Среди проблем, снижающих эффективность образовательной инклюзии детей с инвалидностью, необходимо отметить серьезные деформации в системе профориентационной работы с выпускниками школ, абитуриентами с инвалидностью, что проявляется, частности, в наличии целого ряда проблем в сфере формирования образовательных траекторий и профессиональных установок данной группы обучающихся.

Методы исследования

Изучению комплекса указанных проблем было посвящено региональное социологическое исследование, проведенное авторами статьи в 2020-2021 гг., результаты которого представлены в данной статье. Для выявления специфики образовательных потребностей и профессиональных предпочтений выпускников школ с инвалидностью было проведено анкетирование 1320 респондентов в трех регионах Юга России: Ростовской области, Краснодарском крае и Республике Калмыкия. Объектом исследования выступили обучающиеся 9-11 классов с инвалидностью.

Основными задачами исследования являлись: анализ образовательных стратегий и их мотивационной структуры у обучающихся 9-11 классов с инвалидностью; изучение ожиданий от получения образования; выявление особых образовательных потребностей, в том числе потребностей в сопровождении профессионального самоопределения и развития обучающихся 9-11 классов с инвалидностью.

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании приняли участие 1320 человек из Ростовской области, Краснодарского края и Калмыкии, в том числе:

Учащиеся 9 классов	839	63,5%
Учащиеся 10 классов	223	16,9%
Учащиеся 11 классов	259	19,6%

Из них: 59% – юношей; 41% – девушек

По месту проживания респонденты распределились следующим образом: 63% – городские жители; 35% – жители сельской местности и 2% – жители областных (краевых) центров.

По типу ограничения по здоровью: большинство (31,2%) имеют заболевания внутренних органов. На втором месте – дети с нарушениями функций зрения (16,7%), на третьем – с нарушением функций опорно-двигательного аппарата (10,1%).

Анализируя ответы респондентов, следует отметить, что большинство ребят оценивают свою учебу в школе положительно (79%). В то же время, менее трети участников опроса планируют после окончания школы поступать в вуз (27,4%). Еще 8,9% опрошенных рассматривают возможность поступления в вуз после получения диплома СПО. Почти половина респондентов планируют поступать в учреждения СПО (47,2%). 11,2% вообще в ближайшее время не связывают свои жизненные планы с продолжением образовательной деятельности, планируя начать работать непосредственно после окончания школы. Примерно столько же пока не определились в своих жизненных планах. (рис. 1)

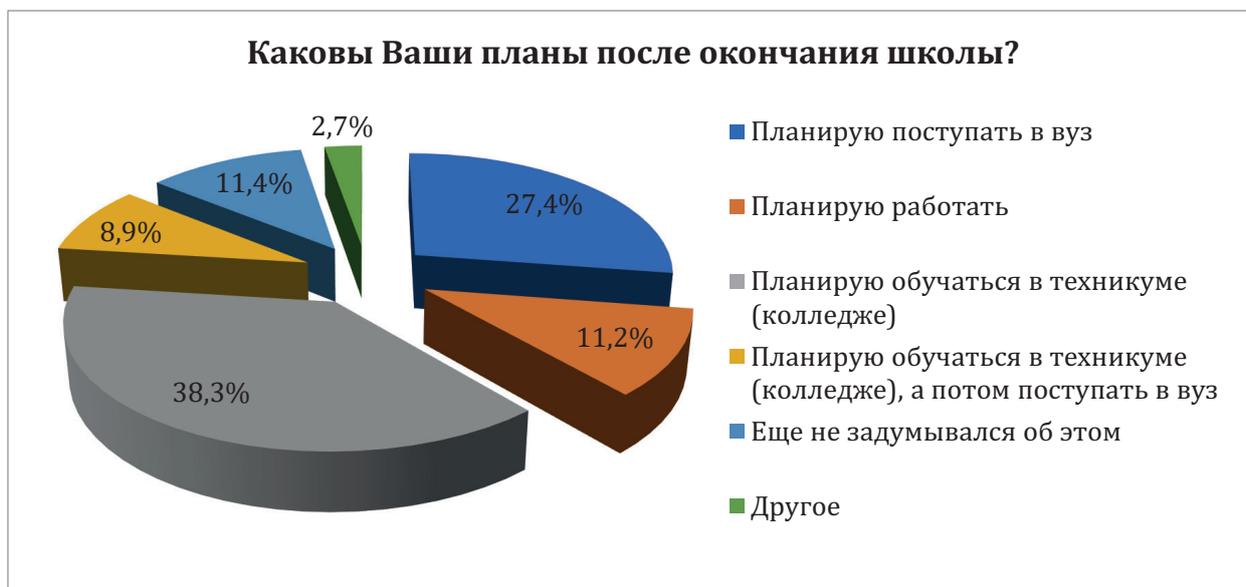

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Каковы Ваши планы после окончания школы?», в %

Далее авторы попытались выяснить мотивацию выбора уровня образовательного учреждения после окончания школы.

Более трети опрошенных не планируют поступление в вуз в связи с незавершенностью профессионального самоопределения. 21,1% полагают, что их знаний не-

достаточно для поступления в вуз. Помимо мотивационного компонента (непосредственное желание учиться в вузе ВУЗе и быть студентом), готовность к вузовскому обучению включает в себя интеллектуальный (необходимый уровень умственного развития), волевой (самоорганизация), моторно-организационный и профессиональный (наличие знаний о профессии, желание учиться по выбранной профессии) компоненты (Кусакина, 2008). 11% респондентов, как показало проведенное исследование, не собираются продолжать обучение из-за сложного материального положения семьи.

Полученные данные согласуются с выводами российских исследователей о том, что уровень образовательных притязаний школьников с инвалидностью напрямую зависит от уровня благосостояния их семей. Чем выше уровень благосостояния семей респондентов, тем выше притязания на получение образования и тот уровень профессионального образования, который респонденты хотели бы получить. (Баскакова и др., 2012; Жукова, 2018; Хасанова, Макаренцева, 2018).

Чуть более 10% респондентов ссылаются на плохое состояние здоровья. Действительно, как утверждают исследователи проблем образования детей с инвалидностью, проблемы со здоровьем не обязательно выступают демотивирующим фактором принятия решения о продолжении образования. Напротив, их мотивирует стремление преодолеть свой недуг; функциональные трудности, вызванные ограничениями здоровья, побуждают детей с инвалидностью искать обходные пути и задействовать скрытые ресурсы, развивать у себя компенсаторные способности (Ансимова, Чупрова 2017; Робустова, Баглюк 2017).

Среди тех, кто планирует продолжить учебу в вузе, почти треть уверены, что диплом о высшем образовании обеспечит успешное трудоустройство. Почти 20% рассматривают вуз, как возможность стать профессионалом. На третьем месте по распределению выборов оказался вариант расширения кругозора. Вопросы карьерных амбиций и социального статуса гораздо в меньшей степени волнуют представителей данной социальной группы (рис.2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Почему Вы решили поступать в вуз?», в %

Около половины опрошенных (48,5%) предпочитают обучаться очно вместе со сверстниками, не имеющими ограничений по состоянию здоровья. Почти 24% затруднились ответить на данный вопрос. 10% респондентов предпочитают очно-заочную форму обучения, но также со здоровыми сверстниками. Специальные формы обучения в гомогенных группах по здоровью выбирает довольно небольшое число абитуриентов с инвалидностью.

Ответы на вопрос о необходимости особых условий для обучения, в целом, коррелируют с вышеприведенными результатами и выглядят следующим образом.

Большинство опрошенных (55,7%) заявили, что не нуждаются в специальных условиях для обучения. Наиболее востребованными среди остальных опрошенных нами респондентов оказались социально-психологическое сопровождение (14,7%) и разработка индивидуальной программы обучения (12%).

Также авторами был проведен анализ ценностных ориентаций и ожиданий ребят относительно периода обучения (рис.3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного наиболее важно для Вас в период обучения?», в %

Анализ ответов респондентов относительно дальнейших планов после окончания вуза показывает, что абсолютное большинство (61,6%) планируют работать по выбранной специальности. Почти 17% не задумывались об этом. Остальные варианты ответов не получили сколь-нибудь значимого количества выборов (рис. 4).

Отдельная группа вопросов анкеты связана с профессиональными предпочтениями старшеклассников с ОВЗ. Следует отметить, что абсолютное большинство респондентов (73,7%) либо полностью определились с профессиональным выбором (33,4%), либо, в целом, определились, но имеют некоторые сомнения (40,3%). Но, тем не менее, почти 26% не сформировали свои профессиональные предпочтения.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Каковы Ваши планы после окончания учебы в вузе?», в %

В группу лидирующих по количеству предпочтений попали следующие профессии:

№	Профессия	%
1.	Программист, IT-технологии	9,7 %
2.	Повар	9,4%
3.	Механик, автомеханик, инженер-механик, автослесарь	7,3%
4.	Врач	5,8%
5.	Парикмахер, визажист, маникюр	5,6%

Как видно, практически поровну распределяются выборы среди профессий, требующих среднего и высшего уровня профессиональной подготовки. Далее в список выбранных профессий попали:

1.	Педагог, учитель, воспитатель	4,4%
2.	Сварщик	4,4%
3.	Экономист, бухгалтер, финансист	3,9%
4.	Юрист, адвокат	3,8%
5.	Строитель	3,8%
6.	Швея	3,3%
7.	Технолог	2,6%
8.	Дизайн интерьера, дизайн одежды, графический дизайн	2,4%
9.	Мед. работник - 24	2,4%
10.	Водитель - 16	1,6%
11.	Каменщик - 15	1,5%
12.	Военный, спасатель МЧС - 14	1,4%
13.	Архитектор - 13	1,3%
14.	Массажист -11	1,2%
15.	Ветеринар - 10	1,1%

С точки зрения понимания сущности процесса профессионального самоопределения детей с инвалидностью важно понимать, какие факторы определяют профессиональный выбор ребят. Это отражено на рис 5: на первом месте – семья (не совпадает с результатами аналогичных опросов детей без инвалидности). На втором – средства массовой информации. На третьем – учителя. Правда, более 19% затруднились ответить на вопрос.

Также интересно было выяснить, чем руководствуются выпускники с инвалидностью при выборе профессии. Как видно из результатов опроса (рис. 6), первые 3 позиции занимают доходность (24,1%), соответствие интересам (22,9%) и востребованность на рынке труда (14,2%), а также, с небольшим отрывом, соответствие физическим возможностям. Это более трезвый взгляд, чем у их здоровых сверстников.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Кто или что повлияло на Ваш профессиональный выбор?», в %

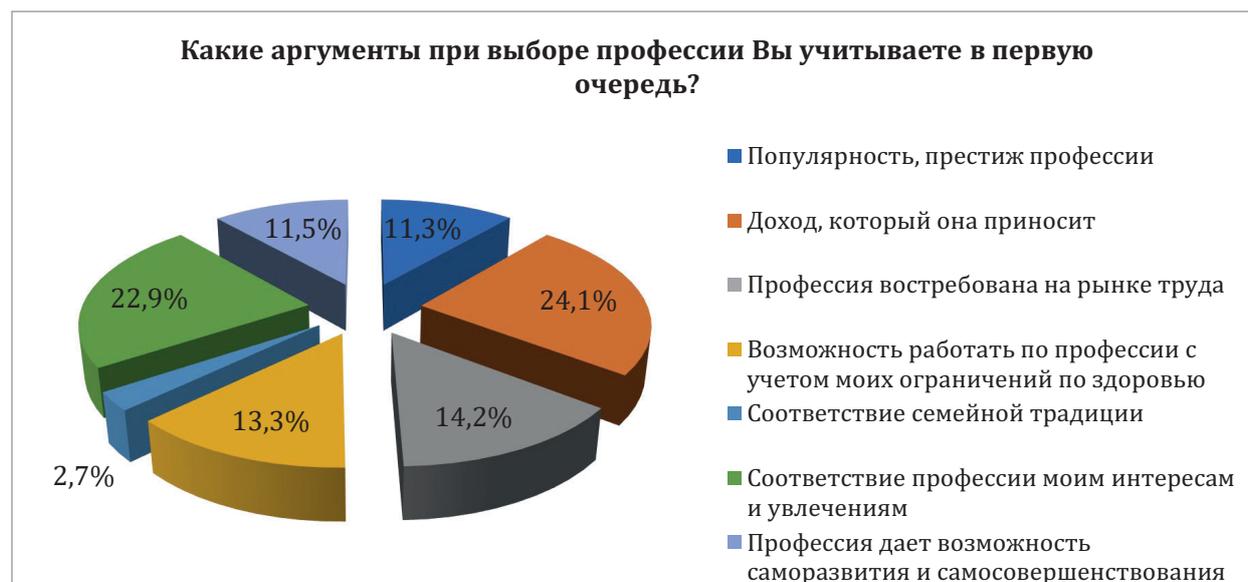

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Какие аргументы при выборе профессии Вы учитываете в первую очередь», в %

В завершении статьи важно обратить внимание на еще один важный аспект проблемы, который можно выразить в виде следующего вопроса: какая помощь необходима исследуемой группе ребят в процессе профессионального самоопределения? Ответы респондентов распределились, практически, поровну, и только 17% не нуждается в профориентационном сопровождении. Подавляющее большинство испытывают потребность в тех или иных формах профориентационной поддержки (рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Какую помощь в процессе профориентации Вы хотели бы получать?», в %

Заключение

Сегодня образование должно охватывать все социальные и этнические группы, особенно те, которые считаются имеющими особые образовательные потребности, инвалидность и трудности в обучении. Вопрос доступа к качественному образованию детей с инвалидностью имеет решающее значение, поскольку, несмотря на все проблемы, с которыми сталкивается система образования сегодня, образование по-прежнему рассматривается как способ повысить их жизненные шансы. Доступное и качественное образование является необходимым условием для естественного удовлетворения жизненных потребностей и доступности областей общественной и культурной жизни, выступает условием социального благополучия и профессиональной самореализации.

С проблемами и ограниченными возможностями получения образования сталкиваются выпускники школ с инвалидностью. Проанализировав образовательные потребности и профессиональные предпочтения выпускников школ Юга России, мы обнаружили, что:

- Большинство респондентов полагают более предпочтительной перспективу обучения в организациях СПО.
- Диплом вуза рассматривается как возможность будущего удачного трудоустройства.
- Большая часть абитуриентов с инвалидностью не видят необходимости в особых условиях обучения, предпочитая обучаться со здоровыми сверстниками.

- Абсолютное большинство респондентов свою профессиональную деятельность связывают с выбранной специальностью.
- В выборе профессии руководствуются советами семьи, реже – информацией из СМИ и мнением учителей.
- Наиболее значимыми аргументами при выборе профессии выступают фактор доходности, соответствие личным интересам и физическим возможностям, востребованность на рынке труда.
- Потребность в профессиональной профориентационной помощи и сопровождении испытывает абсолютное большинство респондентов.

Получение качественного образования должно привести школьников с инвалидностью к независимости, повысить их чувство собственного достоинства и дать максимально возможную способность функционировать в социальной, школьной, а, затем, и профессиональной среде. Основываясь на приведенной выше информации, мы предполагаем, что образовательным учреждениям всех уровней для обеспечения целей инклюзивности необходимо оказывать образовательную, а также психолого-педагогическую и профориентационную поддержку обучающимся.

Литература

- Анимова, Н.П., Чупрова, Л.В. (2017). Психологическое сопровождение профессионального самоопределения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в процессе общего образования. *Ярославский педагогический вестник*, 3, 170-177.
- Баскакова, М.Е., Соболева, В.И., Тодэ, Н.О., Токсанбаева, М.С., Чадова, Т.А. (2012). Проблема доступности профессионального образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве. Москва: Международная Актуарная Компания.
- Демьянова, А.В., Лукьянова, А.Л. (2016). Влияние статуса инвалидности на предложение труда в России. *Прикладная эконометрика*, 4, 50-74.
- Жукова, Т.В. (2018). Особенности психологической готовности к обучению в вузе студентов и выпускников средней общеобразовательной школы. *Гуманитарные науки*, 4 (44), 122-126.
- Кусакина, С.Н. (2008). Мотивация поступления в вуз у старшеклассников и студентов. *Психологическая наука и образование*, 13(1), 58-66.
- Робустова, Е.В., Баглюк, С.Б. (2017). Личностные и мотивационные особенности обучения студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья при интегрированном обучении с условно здоровыми учащимися. *Высшее образование сегодня*, 4, 57-63.
- Хасанова, Р.Р., Макаренцева А.О. (2018). Бедность инвалидов и домохозяйств с инвалидами. *ЭКО*, 3, 44-59. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-3-44-59>
- Bliksvær, T. (2018). Disability, Labour Market Participation and the Effect of Educational Level: Compared to What? *Scandinavian Journal of Disability Research* 20(1), 6–17. DOI: <https://doi.org/10.16993/sjdr.3>
- Sen, A. (2001). *Development as freedom* (2nd ed.). Oxford New York: Oxford University Press.
- Дети с ОВЗ и дети-инвалиды: в чем разница? (2019) Режим доступа: <https://www.belovo42.ru/gic/2019/03/28/10086-7900673.html>
- Информационная справка о состоянии системы образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью в Ростовской области на 1 сентября 2020 г. (2020) Режим доступа: <https://minobr.donland.ru/documents/active/61083/?ysclid=17k7f4qebe371280506>
- Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) (2022). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/708566b2fd52d51c70e2f0c8e02abb2d81a6c22e/
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат): Сведения об инвалидах – студентах профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования (2021). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Положение инвалидов: Посещение общеобразовательных организаций детьми в возрасте от 9-ти до 15 лет (2020). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>

Федеральный реестр инвалидов: Численность инвалидов в Российской Федерации, федеральных округах и субъектах Российской Федерации (2022). Режим доступа: <https://sfri.ru/analitika/chislennost>

References

- Ansimova, N.P., Chuprova, L.V. (2017). Psychological Support of Professional Self-Determination of People with Disabilities in the Process of General Education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* (3), 170-177.
- Baskakova, M. E., Soboleva, V. I., Tode, N. O., Toksanbaeva, M. S., Chadova, T. A. (2012) The Problem of Accessibility of Vocational Education for Persons with Disabilities in the City of Moscow. M.: Mezhdunarodnaya Aktuarnaya Kompaniya.
- Bliksvær, T. (2018). Disability, Labour Market Participation and the Effect of Educational Level: Compared to What? *Scandinavian Journal of Disability Research* 20 (1), 6–17. DOI: <https://doi.org/10.16993/sjdr.3>
- Demyanova, A., Lukyanova, A. (2016). Influence of disability status on labor supply in Russia. *Applied Econometrics*, (44), 50–74.
- Khasanova, R.R., Makarentseva, A. O. (2018). Poverty of Disabled People and Households. *ECO Journal*. (3), 44-59. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-3-44-59>
- Kusakina, S.N. (2008). Motivation for Applying to University in High School and University Students. *Psychological Science and Education*. 13(1), 58-66.
- Robustova, E.V., Baglyuk, S.B. (2017). Personal and motivational features of teaching students with disabilities and disabilities with integrated training with relatively healthy students. *Higher Education Today*, (4). 55-61.
- Sen, A. (2001). *Development as freedom* (2nd ed.). Oxford New York: Oxford University Press.
- Zhukova, T.V. (2018). Peculiarities of psychological readiness to study at university high school students and graduates of secondary school. *The Humanities*. 4(44), 122-126.
- Challenged children and children with disabilities: what is the difference? Available at: <https://www.belovo42.ru/gic/2019/03/28/10086-7900673.html>
- Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 (as amended on 14.07.2022) "On Education in the Russian Federation" (with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2022) (2022). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/708566b2fd52d51c70e2f0c8e02abb2d81a6c22e/
- Federal Register of Disabled Persons: The number of disabled persons in the Russian Federation, federal districts and subjects of the Russian Federation. Available at: <https://sfri.ru/analitika/chislennost>
- Federal State Statistics Service (Rosstat): Information about disabled students of professional educational organizations and educational institutions of higher education. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
- Federal State Statistics Service (Rosstat). The situation of disabled people: Attendance of general education organizations by children aged 9 to 15 years, 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
- Information certificate on the state of the education system of students with disabilities and disabilities in the Rostov region on September 1, 2020 Available at: <https://minobr.donland.ru/documents/active/61083/?ysclid=l7k7f4qebe371280506>

Дата получения рукописи: 21.09.20222

Дата окончания рецензирования: 01.10.2022

Дата принятия к публикации: 05.10.2022

Информация об авторах

Маргарита Сергеевна Астоянц – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Тарасенко Лариса Викторовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной социологии и моделирования социальных процессов, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: lvтарасенко@sfedu.ru

Красножон Анастасия Геннадьевна – преподаватель, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: akrasnozhon@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Astoyants Margarita Sergeevna– Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Branch and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Tarassenko Larisa Viktorovna– Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: lvtarassenko@sfedu.ru

Krasnozhon Anastasia Gennadievna – Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: akrasnozhon@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.334.52(470.67)

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.10

EDN FGBWOD

Роль национального языка в воспроизводстве этнической идентичности городского населения Дагестана**Мадина М. Шахбанова¹**¹ Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия

e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. Возросший интерес к положению национальных (родных) языков в мировом пространстве обусловлен усилением процессов глобализации и наряду с ней урбанизации, формированием информационного общества, который сам определяет доминантный язык, необходимый для осуществления коммуникации.

Теоретическое обоснование. Рост значимости одного языка закономерно способствует ослаблению статуса других национальных языков, сужению областей их функционирования, соответственно, трансформации языкового сознания и поведения человека. В этой связи, изучение национального языка не только как ключевого идентификатора этнической самоидентификации индивида, но и средства общения представляется актуальным в русле этноязыковых процессов, которые очень сложно протекают в многонациональном сообществе.

Методы. Эмпирическое исследование проведено в 2021 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является городское население. Предметом исследования выступают языковое сознание и языковое поведение городского населения Дагестана. Место проведения опроса – гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр. Основанием для включения данных городов в выборку исследования является территориальный параметр, который позволяет равномерно охватить северную, равнинную и южные административные образования. N = 563.

Результаты и их обсуждение. Аналитика полученного социологического материала показывает важность для опрошенного городского населения Дагестана всех маркеров воспроизводства этнической идентичности, только их место и вес в идентификационной системе различны.

Основные положения.

– сопоставление эмпирического материала по годам (2009 и 2021 гг.) констатирует изменения в установках опрошенного населения: заметно увеличилась доля указывающих на маркер национальные традиции и обычаи при снижении значимости национального языка в воспроизводстве этнической идентичности;

– эмпирические данные свидетельствуют о наличии в языковом сознании и поведении опрошенного городского населения деструктивных тенденций, в частности, в определении родного (материнского) языка. Доля указывающих в качестве родного языка на язык своей этнической общности существенно уменьшилась при увеличении считающих для себя родным «национальный и русский языки одновременно»;

– изменение языкового сознания несет угрозу сохранению целостности и самобытности любого этнического образования, независимо от его численности. Сознательный отказ от национального (родного) языка является сигналом о протекающих в языковой области негативных процессах.

Ключевые слова: национальный язык; языковое поведение; языковое сознание; городское население; этноязыковые процессы.

Для цитирования: Шахбанова М. М. (2022). Роль национального языка в воспроизводстве этнической идентичности городского населения Дагестана. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 122-135. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.10>

The role of the national language in the reproduction of the ethnic identity of the urban population of Dagestan**Madina M. Shakhbanova¹**¹Institute of History, Archeology and Ethnography,

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. The increased interest in the position of national (native) languages in the world space is due to the intensification of the processes of globalization and, along with it, urbanization, the formation of an information society, which itself determines the dominant language that is necessary for communication.

Theoretical justification. The growth of the importance of one language naturally contributes to the weakening of the status of other national languages, the narrowing of the areas of their functioning, respectively, the transformation of linguistic consciousness and human behavior. In this regard, the study of the national language not only as a key identifier of an individual's ethnic self-identification, but also as a means of communication, seems relevant in the mainstream of ethno-linguistic processes, which are very difficult in a multinational community.

Methods. The empirical study was conducted in 2021 by random selection. The object of the study is the urban population. The subject of the study is the linguistic consciousness and linguistic behavior of the urban population of Dagestan. Location of conducting the study – cities Derbent, Kaspiysk, Makhachkala, Khasavyurt, Kizlyar. The basis for including these cities in the study sample is the territorial parameter, which allows you to evenly cover the northern, plain and southern administrative entities. N = 563.

Results and its discussion. The analysis of the obtained sociological material shows the importance for the surveyed urban population of Dagestan of all markers of the reproduction of ethnic identity, only their place and weight in the identification system are different.

Basic provisions.

– comparison of empirical material over the years (2009 and 2021) indicates changes in the attitudes of the surveyed population: the share of national traditions and customs indicating the marker has noticeably increased, while the significance of the national language in the reproduction of ethnic identity has decreased;

– empirical data indicate the presence of destructive tendencies in the linguistic consciousness and behavior of the surveyed urban population, in particular, in the definition of the native (mother) language. The share of those who point to the language of their ethnic community as their native language has significantly decreased, while the number of those who consider “the national and Russian languages at the same time” as their mother tongue increased;

– change in linguistic consciousness poses a threat to the preservation of the integrity and originality of any ethnic formation, regardless of its size. A deliberate rejection of the national (native) language is a signal of negative processes taking place in the linguistic area.

Keywords: national language; linguistic behavior; linguistic consciousness; urban population; ethno-linguistic processes.

For citation: Shakhbanova M. M. (2022). The role of the national language in the reproduction of the ethnic identity of the urban population of Dagestan. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 122-135. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.10>

Введение

Сложившиеся в отечественной этносоциологии и западной антропологии концепты показывают ключевую роль этноопределителя «национальный язык» в воспроизводстве этнической идентичности, поэтому можно согласиться с утверждением, что «язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса» (Толстой, 1995, 34). На важную роль культурного компонента указывал Н.А. Бердяев: «культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная» (Бердяев, 1990, 85), что предполагает характерность в каждой культуре собственной этнокультурной специфики, которая, в основном, проявляется именно через национальный (родной) язык. Вместе с тем, взаимовлияние и взаимосвязь культуры и языка не всегда себя ярко проявляют, хотя, несомненно, имеют место, поэтому «ощущая свою принадлежность к определенной культуре, люди не всегда осознают, что ее основополагающие смысловые ценности облекаются в языковую форму. Языковое общение есть та среда, та стихия, в которой происходит взаимопонимание индивидов, наций, государств» (Айтматов, 1998, 30), потому что «всякая национальная культура строится, прежде всего, на языке, и национальная идентификация включает в себя владение этим языком в качестве основополагающего момента» (Здравомыслов, 2001, 44). Иными словами, в процессе межнационального общения происходит этническое окрашивание, становление, формирование ценностей, нацио-

нальных интересов, этнического поведения и т.д. Точно так же любой язык – абсолютное основание национальной культуры, фундамент этничности. В этой связи, можно предположить, что одним из основных факторов в развитии родных языков титульного населения республик России (региональных или республиканских языков) и национальных меньшинств выступает повышение языкового сознания народов и значимость национального (родного), которое означает осознанное, заинтересованное отношение себя к этноязыковой общности, ориентацию на включенность в языковую среду этноса, готовность к действиям и реальные действия во имя сохранения и развития родного языка, этноязыкового воспроизводства народа.

Теоретические основы исследования

Функциональное восстановление языка в полном объеме, обеспечение его широкого распространения среди всей этнической общности может быть достигнуто, прежде всего, усилиями самого народа – «превращением потенциальных носителей языка в активных пользователей им» (Гарипов, 2012, 68). Поэтому «приобщенность к важнейшему признаку этнической культуры – к национальному языку, как хранителю и ретранслятору духовных ценностей, выражающему менталитет и характер народа, национальные чувства усиливает у его носителей ощущение принадлежности к определенному этносу, формирует национальное самосознание, без которого нет самой этносоциальной общности. Вот почему велика и непреходяща роль родного языка в этническом становлении и социализации каждой личности» (Тухватуллин, 1997, 49). Более того, национальная культура и язык идентифицируют человека с определенным этническим образованием (нация, этническая группа и т.д.), соответственно, усиление роли национального языка в современный период развития российского общества во многих его регионах процесс закономерный. Иными словами, одним из важнейших символов, который в полной мере характеризует этническое образование, является национальный язык – как ядро его духовной жизни, при этом значение национального языка возрастает при наличии написанных на нем сакральных текстов. Кроме того, «этнографический материал показывает, что горцы, спустившиеся на равнину, потерявшие привычную территорию проживания, оказавшиеся в иной этнической среде, продолжают стойко считать себя частицей того народа или этнической группы, к которым они принадлежали. У компактно поселившихся переселенцев родной язык играет важную роль в объединении, сближении людей, сохранении этнического самосознания» (Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев, 1988, 231).

Дифференциация элементов, по интенсивности проявления в них этноидентифицирующей функции каждого, может служить основой для сопоставления качественно различных моделей этнического самосознания. Так проявляется возможность для сравнительной характеристики этноидентифицирующей функции языка с аналогичной функцией других элементов этноса. В одном случае, в этом плане, язык может сопоставляться с элементами, характерными для данного этноса. Например, что больше сближает человека со своей этнической общностью: родной язык, национальная одежда, национальная пища и т.д. В другом случае, этноидентифицирующие функции элементов этноса будут сравниваться с аналогичными функциями элементов другого этноса (Губогло, 1984, 269).

Методы исследования

Социологический опрос по изучению языкового сознания и языкового поведения городского населения Дагестана проведен в 2021 г. в гг. Дербент, Каспийск,

Махачкала, Кизляр, Хасавюрт. N = 521. Методом исследования является массовое стандартизированное анкетирование и анализ эмпирических данных. Для сравнительного анализа используются результаты социологического исследования, проведенного в 2009 г. в Казбековском, Карабудахкентском, Хасавюртовском, Унцукульском, Каякентском районах и гг. Махачкала, Хасавюрт, Кизилюрт. N=523. Из общего массива опроса 2009 г. выделен подмассив городского населения.

Результаты исследования

В рамках исследования языкового сознания и поведения городского населения был задан вопрос, позволяющий показать вес национального языка в идентификационном процессе (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?»,
(по группам национальностей), % от общего количества опрошенных
(вторая цифра в таблице опрос 2009 г.)**

Варианты ответов	Национальный язык	Национальные традиции и обычаи	Совместная жизнь на определенной территории	Религия	Национальная литература, творчество, музыка	Национальная одежда, жилище, быт	Историческая территория моего народа	Общность характера, схожесть поведения	Историческое прошлое	Ничего не объединяет
Национальности										
Аварцы	70,9	64,2	35,1	48,6	13,5	12,2	18,2	15,5	22,3	0,7
Даргинцы	59,8	68,3	35,4	35,4	13,4	12,1	22,0	8,5	20,7	3,7
Лезгины	59,0	67,2	37,7	42,6	21,3	9,8	18,0	13,1	31,1	1,6
Лакцы	53,3	62,2	37,8	31,1	22,2	6,7	17,8	13,3	20,0	0
Кумыки	62,0	51,9	29,1	36,7	22,8	7,6	15,2	11,4	26,6	1,3
Чеченцы	55,2	55,2	44,8	62,1	24,1	20,7	20,7	31,0	27,6	0
Другие	44,6	55,4	26,8	21,4	19,6	5,4	14,3	5,4	16,1	1,8
Возраст										
До 20 лет	67,0	61,9	35,6	50,5	18,6	11,3	20,6	12,4	25,8	1,0
От 20 до 40	56,8	63,0	32,7	38,3	13,0	6,2	14,8	9,3	19,8	0,6
От 40 до 60 лет	55,3	60,5	33,3	27,2	18,4	11,4	18,4	18,4	25,4	1,8
От 60 лет и старше	71,9	62,5	34,4	31,3	37,5	18,8	18,8	15,6	21,9	3,1
Образование										
Среднее	65,4	61,6	32,1	47,2	19,5	11,9	23,9	12,6	24,5	1,3
Среднее специальное	59,4	56,6	37,8	41,3	17,5	9,8	18,2	13,3	19,6	1,4
Высшее	58,2	65,2	33,3	32,3	16,9	9,0	13,4	12,9	25,4	1,0
Всего:	60,8/ 56,0	61,6/ 44,0	34,4/ 46,7	40,0/ 21,3	18,0/-	10,4/ 22,0	18,1/-	13,0/ 8,7	23,2/-	1,4/-

Полученные результаты исследования показывают, что подавляющая часть опрошенных по этнической принадлежности и социально-демографическим признакам обозначает национальный язык как важнейший маркер самоидентификации, однако по значимости он располагается на втором месте, пропустив, с небольшой разницей, вперед признак «национальные традиции и обычаи». С заметным отрывом на третьем месте располагается этноопределитель «религия» (одна вторая часть по всему массиву), в сравнении выделяется подмассив опрошенных чеченцев, который поставил данный идентификатор на 1 место (больше половины опрошенных). В сравнении с другими этническими подгруппами, среди лакцев меньше всего обозначающих религию как этнообъединяющий признак. Кроме того, обращает на себя внимание уменьшение ценности параметра «религия» при воспроизводстве этнической идентичности с повышением возраста и уровня образования опрошенных горожан. Далее признаком воспроизводства этнической идентичности для одной третьей части опрошенных горожан является «совместная жизнь на определенной территории». По этнической принадлежности на данный параметр указывает одна вторая часть чеченцев, каждый третий опрошенный в подмассиве аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и кумыков; анализ по социально-демографическим показателям показывает, что такая же доля респондентов по всем разрезам образования и возрастным интервалам разделяет данный вариант ответа. Следующим этнообъединяющим признаком для городского населения Дагестана является «историческое прошлое», который важен для одной трети опрошенных лезгин, каждому четвертому в подмассиве кумыков и чеченцев, а также возрастным подгруппам «до 20 лет» и «от 40 до 60 лет», имеющим среднее и высшее образование. Почти на одинаковых позициях находятся 2 суждения – «национальная литература, творчество, музыка» и «историческая территория моего народа». Признак «национальная литература, творчество, музыка», в сравнении с другими подгруппами, важен для респондентов старшего поколения («от 60 лет и старше» – каждый третий опрошенный), а «историческая территория моего народа» обозначена респондентами со средним образованием (одна четвертая часть).

Исследователи изначально подвергают скепсису психологическое объяснение тех или иных процессов в межнациональной сфере, что совершенно обоснованно с научной точки зрения. Однако, данные авторского исследования показывают, что для опрошенных горожан не меньшее значение имеет «общность характера, схожесть поведения», то есть автостереотипы, которые, как правило, бывают больше положительными, по сравнению с гетеростереотипами. Среди этнических подгрупп выделяются опрошенные чеченцы, одна треть которых подчеркивает данный признак, остальные этнические массивы не придают ему существенного значения. Далее этноопределитель «национальная одежда, жилище, быт» отмечен одной десятой частью по всему массиву; по национальной принадлежности на него указал каждый пятый среди опрошенных чеченцев, одна восьмая часть аварцев и даргинцев, заметно большая часть респондентов старше 40 лет и имеющие среднее образование. При этом, статистически небольшая часть отметила вариант ответа «ничего не объединяет», в сравнении, больше всего таковых в подгруппе даргинцев. Сопоставление результатов исследования по годам (2009 и 2021 гг.) показывает, что если в опросе 2009 г. опрошенное городское население обозначало важность национального языка в идентификационных процессах, то ситуация заметно изменилась – в настоящее время более важным для городского населения является маркер «национальные традиции и обычаи», который отодвигает на второй план параметр «национальный язык». Кроме того, исследование этнической идентичности (2019 г.) показало доминирующую роль национального языка: если в 2009 г. и 2019 г. респонденты определяли

его на первое ранговое место (64,2 %), то эмпирика 2021 г. констатирует изменение в их позициях (60,8 %). И такая ситуация вызывает тревогу, ибо сигнализирует об изменении, вернее, уменьшении веса национального языка в общественной жизни, а такой сценарий развития закономерно способствует трансформации языкового сознания и поведения городского населения.

Далее в социологическом опросе респондентам было предложено выделить признаки в наибольшей степени характеризующие Дагестан, иными словами, символическая система этнической идентичности (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Варианты ответов	Национальный язык моего народа	Национальные традиции и обычаи моего народа	Национальная культура моего народа (литература, песни, танцы и т.д.)	Историческая территория моего проживания	Исторические памятники моего народа	Религия
Аварцы	56,8	60,8	39,9	20,9	22,3	54,1
Даргинцы	53,7	57,3	34,1	34,1	32,9	41,5
Лезгины	52,5	54,1	41,0	42,6	34,4	42,6
Лакцы	53,3	60,0	51,1	28,9	13,3	22,2
Кумыки	59,5	46,8	35,4	26,6	17,7	39,2
Чеченцы	69,0	62,1	41,4	34,5	34,5	58,6
Другие	41,1	42,9	37,5	30,4	39,3	26,8
Всего:	54,8	55,2	39,2	29,2	26,6	42,6

Установление места национального языка в иерархии этноопределителей требует аналитики ценностно-символической системы. Так, эмпирический материал, полученный в результате ответов на вопрос «Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?» показывает доминирование, с несущественным преимуществом, этнопризнака «национальные традиции и обычаи моего народа», отмеченный большей половиной респондентов во всех этнических подгруппах, за исключением опрошенных кумыков (одна вторая часть). При этом, с повышением возраста и уровня образования респондентов прослеживается уменьшение значимости данного индикатора с 57,0 % в разрезе «от 40 до 60 лет» до 46,9 % в когорте «от 60 лет и старше», с 60,0 % имеющих базовое среднее образование до 54,2 % с высшим образованием. С очень несущественным отличием второе ранговое место занимает символ «национальный язык», и выбравших данный признак больше в подмассиве чеченцев, в возрастном интервале «до 20 лет» (58,8 %). На третьем месте располагается параметр «религия», отмеченный каждым вторым опрошенным по всему массиву; по этнической принадлежности данный признак более важен для опрошенных аварцев и чеченцев (больше половины) и молодого поколения респондентов – 47,4 % в разрезе «до 20 лет», 46,9 % «от 20 до 40 лет» при уменьшении доли таковых в интервале «от 40 до 60 лет» (30,7 %) и от 60 лет и старше (25,0 %). Такая же картина наблюдается и по уровню образования респондентов: с его повышением уменьшается доля указывающих на религию как значимую ценность с 46,5 % со средним образованием до 40,8 % имеющих высшее образование. Далее, одна треть опрошенного городского населения

указывает на значимость национальной культуры своей этнической общности и придерживающихся данной позиции, в сравнении, больше в подмассиве лакцев (больше половины опрошенных), аварцев, чеченцев и лезгин (одна треть). По уровню образования выделяется подмассив в разрезе «от 40 до 60 лет», в котором существенно больше доля, разделяющих данное суждение (56,1 %), по сравнению с другими, подгруппами 38,1 % в разрезе «до 20 лет», 31,5 % «от 20 до 40 лет», 34,4 % «от 60 лет и старше». По уровню образования 37,7 % со средним, 38,5 % средним специальным и 41,8 % высшим образованием. Наряду с вышеназванными символами, для одной трети опрошенного городского населения важна «историческая территория своего проживания»; по этнической принадлежности на этот символ указал каждый второй в подгруппе лезгин, одна треть даргинцев, лакцев и чеченцев, такая же часть респондентов со средним и высшим образованием, а также возрастные интервалы «до 20 лет», «от 40 до 60 лет» и «от 60 лет и старше». По сравнению с другими этническими подгруппами, отметивших данный вариант ответа, меньше среди опрошенных аварцев. Не меньшее значение для респондентов имеет символ «исторические памятники моего народа» (одна четвертая часть по всему массиву), и на него указывает каждый третий опрошенный в подмассиве даргинцев, лезгин и чеченцев, возрастная подгруппа «от 40 до 60 лет» и респонденты с высшим образованием.

Эмпирический материал, полученный на вопрос «Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?» показывает, что для опрошенного городского населения Дагестана практически все предложенные символы этнической самоидентификации обладают большим весом, хотя внутри самой ценностно-символической системы можно наблюдать определенную иерархию, но при этом, как показывают результаты опроса, все этноопределители востребованы в массовом сознании горожан. Более того, сравнение полученных данных на вопросы «Какие ценности имеют для Вас значение?» и «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?» показывает, что опрошенные горожане последовательны в своих позициях: одни и те же этнопризнаки обозначены ими как ключевые элементы в ценностно-символической системе и как идентификаторы воспроизводства этнической идентичности.

Установление места каждого индикатора в иерархии ценностно-символической системы требует более глубокого изучения существующих в массовом сознании установок, вернее, осознание значимости национального языка в своей жизни, поэтому респондентам был задан следующий вопрос (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Какой язык Вы считаете для себя родным?»
(по группам национальностей), % от общего количества опрошенных
(вторая цифра в таблице опрос 2009 г.)**

Варианты ответов	Язык своей национальности	Русский язык	Русский и родной язык одновременно
Аварцы	62,8	6,1	29,7
Даргинцы	53,7	13,4	31,7
Лезгины	55,7	14,8	31,1
Лакцы	48,9	13,9	42,2
Кумыки	60,8	11,1	22,8
Чеченцы	65,5	13,8	17,2
Другие	44,6	30,4	19,6
Всего:	57,0/86,0	13,2/14,0	28,4 /2,7

Полученный эмпирический материал свидетельствует о том, что для подавляющей части опрошенных горожан родным языком является язык своей этнической общности. По национальной принадлежности данную точку зрения разделяют аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки и чеченцы (больше половины опрошенных), но при этом доля таковых заметно меньше в лакской подгруппе (одна вторая часть опрошенных). Также можно отметить, что с возрастом снижается доля считающих своим родным языком язык своей национальности с 64,2 % «от 20 до 40 лет» до 50,0 % в разрезе «от 60 лет и старше». При этом обратная картина прослеживается при анализе через образовательный признак: уменьшение придерживающихся данной позиции с повышением образовательного уровня респондентов – с 59,1 % среднее образование до 55,7 % с высшим образованием. Обращают на себя внимание процентные показатели, которые отождествляют два языка и считают для себя родными «национальный и русский язык одновременно» (одна треть опрошенных по всему массиву). Сравнительный внутригрупповой анализ показывает, что разделяющих вариант ответа «родной и русский язык одновременно» заметно больше в подгруппе лакцев и существенно меньше в подмассиве чеченцев. Аналогичной позиции придерживаются респонденты старшего поколения «от 60 лет и старше» (43,8 %), доля таковых в остальных возрастных разрезах меньше – 28,4 % в интервале «до 20 лет», 22,8 % «от 20 до 40 лет» и 29,8 % «от 40 до 60 лет». Аналитика по уровню образования респондентов показывает, что доля разделяющих данную позицию почти одинаковая во всех подгруппах: 28,3 % со средним, 28,7 % средним специальным, 27,4 % высшим образованием. Далее русский язык для себя родным считают 10,8 % опрошенных в возрасте «до 20 лет», 14,8 % «от 20 до 40 лет», 14,9 % «от 40 до 60 лет», 9,4 % в разрезе «от 60 лет и старше»; таковых меньше в подмассиве со средним специальным образованием (10,5 %) против 12,6 % со средним и 13,9 % с высшим образованием. Сравнение эмпирических данных по годам свидетельствует о наблюдающейся трансформации языкового сознания городского населения Дагестана: если в опросе 2009 г. родным для себя считали язык своей национальной общности существенная доля респондентов, то эмпирика 2021 г. констатирует кардинальное изменение позиций горожан – им ближе одновременное обозначение важности как национального (родного), так и русского языка в качестве родных языков. Чем же вызвана трансформация языкового сознания городского населения Дагестана? По мнению автора, деструктивные тенденции в языковой сфере обусловлены как объективными, так и субъективными факторами, среди которых вполне обоснованно можно перечислить мощные внутриреспубликанские миграционные процессы, которые увеличивают численность городского населения, урбанизация и изменение облика и сознания вчерашнего мигранта, его желание побыстрее адаптироваться в городском пространстве и почувствовать себя «полноценным горожанином», хотя культура поведения и сознание горожанина-мигранта, в данном случае, находятся в жестком противостоянии и конфликте. Желание мигрантов привнести в городскую среду, в места своего проживания определенные ценности и ритуалы, традиции не всегда встречает понимание со стороны местного населения. Кроме того, изменение образовательной сферы, введение Болонской системы, ЕГЭ и ряд других преобразований в образовательном пространстве не всегда имели, впрочем, и имеют позитивные последствия. Стремление подрастающего поколения стать «успешными», в совокупности с социальными сетями, которые пропагандируют определенный образ жизни, преподносимый как «идеальный», разумеется, больше несет в массовое сознание негативные установки, чем позитивные.

В рамках изучения этноязыковых процессов в городском пространстве Дагестана не менее важным является установление значения национального языка в повседневной жизни респондентов (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Какое значение для Вас имеет владение своим национальным языком,
умение читать и писать на нем?» % от общего количества опрошенных
(вторая цифра в таблице опрос 2009 г.)**

Варианты ответов	Для меня большое значение имеет умение говорить, писать, читать газеты, журналы и т.д. на родном языке	Для меня малозначимо умение говорить, писать и читать на родном языке	Для меня никакого значения не имеет умение читать и писать на родном языке	Для меня большое значение имеет говорить на родном языке и малозначимо умение писать и читать на родном языке	Затрудняюсь ответить
Национальности					
Аварцы	60,1	6,8	5,4	14,9	9,5
Даргинцы	37,8	20,7	6,1	22,0	13,4
Лезгины	54,1	13,1	6,6	18,0	14,8
Лакцы	46,7	13,3	8,9	22,2	8,9
Кумыки	45,6	20,3	5,1	19,0	5,1
Чеченцы	51,7	6,9	6,9	13,8	24,1
Другие	48,2	8,9	12,5	14,3	14,3
Возраст					
До 20 лет	46,4	18,6	6,7	18,0	11,9
От 20 до 40	51,9	11,1	6,2	18,5	11,1
От 40 до 60 лет	54,4	6,1	6,1	18,4	9,6
От 60 лет и старше	59,4	6,3	9,4	12,5	12,5
Образование					
Среднее	49,1	17,0	5,0	18,9	11,3
Среднее специальное	46,9	15,4	8,4	18,9	10,5
Высшее	56,2	7,5	6,5	15,4	10,9
Всего:	50,4/65,9	12,8/6,0	6,8/4,2	17,6/19,2	11,4/6,0

В общественном сознании опрошенного городского населения Дагестана превалирует позиция «для меня большое значение имеет умение говорить, писать, читать газеты, журналы и т.д. на родном языке», отмеченная большей половиной по всему массиву и разделяющих данный тезис заметно больше в подгруппах опрошенного аварского, лезгинского и чеченского населения. При этом каждый второй опрошенный из подмассива лакцев и кумыков, заметно меньшая часть даргинцев (одна треть) обозначают важность полноценного владения своим национальным языком. Наблюдается увеличение, с возрастом и повышением образовательного уровня респондентов процентного, показателей, подчеркивающих важность владения национальным (родным) языком. С большим отрывом на второй позиции располагается суждение «для меня большое значение имеет говорить на родном языке и малозначимо умение писать и читать на родном языке», разделяемое одной шестой частью опрошенных по всему массиву, и здесь, по своим предпочтениям, выделяется под-

группа лакцев и даргинцев (одна пятая часть). Пассивное языковое поведение ближе почти равной части респондентов по социально-демографическим параметрам: автор исходил из предположения, что возраст и уровень образования оказывают непосредственное влияние на формирование активного языкового поведения, но эмпирический материал показывает, что данные параметры не оказывают заметного воздействия на языковое самосознание и языковое поведение опрошенных горожан. Далее, одна восьмая часть опрошенных горожан по всему массиву придерживается суждения «для меня малозначимо умение говорить, писать и читать на родном языке», и по этнической принадлежности его разделяет сравнительно большая часть из подмассива даргинцев и кумыков, а также респонденты в возрастном интервале «до 20 лет» (каждый пятый опрошенный), каждый шестой из подгруппы со средним и средним специальным образованием, одна девятая часть в возрасте «от 20 до 40 лет». Можно констатировать, что с возрастом и уровнем образования опрошенного городского населения уменьшается доля придерживающихся позиции, что национальный (родной) язык в их жизни является малозначимым. Суждение «для меня никакого значения не имеет умение читать и писать на родном языке» разделяет каждый пятнадцатый опрошенный по всему массиву и среди придерживающихся его, в сравнении с иными подмассивами, выделяются лакцы, поколение «от 60 лет и старше» и имеющие среднее специальное образование. Вместе с тем, данные исследования показывают, что довольно большая часть (каждый девятый опрошенный) затруднилась выразить свою позицию в отношении национального (родного) языка. Автор исходил из гипотезы, что сужение пространства для полноценного функционирования национального (родного) языка закономерно должно способствовать превалированию суждения «для меня большое значение имеет говорить на родном языке и мало значения имеет умение писать и читать газеты, журналы и т.д. на родном языке», что полученным эмпирическим материалом не подтверждается: в общественном сознании горожан доминирует вариант ответа «для меня большое значение имеет умение говорить, писать читать газеты, журналы и т.д. на родном языке», что позволяет сделать вывод о важности национального языка для городского населения Дагестана.

Если посмотреть данные опроса по годам (2009 и 2021 гг.), то можно констатировать изменение позиций городского населения практически по всем параметрам, более того, на несколько процентов выросла доля придерживающихся вариантов ответов «для меня малозначимо умение говорить, писать и читать на родном языке» и «затрудняюсь ответить» (в 2 раза), впрочем, как и показатели «для меня никакого значения не имеет умение читать и писать на родном языке» с 4,2 % до 6,8 %, «для меня большое значение имеет говорить на родном языке и малозначимо умение писать и читать на родном языке» – с 19,2 % до 17,6 % и такая картина вызывает определенную тревогу. Язык нации есть продукт и факт культуры, поэтому изучение роли языка неизбежно связано с постижением культуры народа, говорящего на нем. В истории есть примеры, когда одна и та же национальная культура выражает себя на нескольких языках. Любую национальную литературу в РФ в настоящее время нельзя представить без творчества билингов, без произведений, созданных ими на русском языке (Габуня, Улимбашев, 2005, 81), поэтому латентное игнорирование роли национального (родного) языка респондентами заставляет задуматься.

Анализ языкового сознания предполагает изучение вытекающего из него языкового поведения, поэтому в анкету исследования был включен вопрос, показывающий характерное опрошенным горожанам языковое поведение (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«На каком языке Вам удобнее всего читать книги, журналы, газеты?»
% от общего количества опрошенных (вторая цифра в таблице опрос 2009 г.)**

Варианты ответов	На родном языке	На русском языке	На русском и родном языках	Затрудняюсь ответить
Национальность				
Аварцы	6,8	75,0	18,9	2,0
Даргинцы	6,1	81,7	11,0	0
Лезгины	6,6	57,4	29,5	0
Лакцы	6,7	66,7	24,4	0
Кумыки	3,8	73,4	19,0	0
Чеченцы	13,8	48,3	37,9	0
Другие	7,1	87,5	3,6	5,4
Возраст				
До 20 лет	3,6	72,2	23,2	0,5
От 20 до 40	9,3	72,8	17,3	3,1
От 40 до 60 лет	7,0	72,8	15,8	0
От 60 лет и старше	12,5	65,6	18,8	0
Образование				
Среднее	4,4	71,7	25,2	0,6
Среднее специальное	9,1	72,0	18,2	1,4
Высшее	7,5	72,6	15,4	1,5
Всего:	6,6/6,2	72,8/68,6	18,8/26,3	1,2 /0

Несмотря на обозначение опрошенным городским населением Дагестана важности владения национальным (родным) языком, реальное языковое поведение, как показывает аналитический материал, существенно отличается. Так, подавляющей части опрошенных горожан комфортно читать на русском языке; по этнической принадлежности такое языковое предпочтение проявляется в установках сравнительно большей части аварцев, даргинцев и кумыков, хотя лезгины и чеченцы также придерживаются аналогичной позиции, но среди последних доля таковых заметно меньше (одна вторая часть). Анализ по социально-демографическому разрезу, вполне ожидаемо, демонстрирует приоритетность русского языка, ибо он является, во-первых, государственным языком, во-вторых, языком межнационального общения. Ориентация на билингвизм, то есть предпочтительность получения информации на двух языках (русском и родном), характерно существенно меньшей части опрошенных горожан (каждый пятый по всему массиву), и здесь можно обратить внимание на языковое поведение лезгин и чеченцев (одна треть) и лакцев (каждый четвертый опрошенный). По сравнению с другими этническими подгруппами, среди опрошенных чеченцев больше отметивших удобство чтения на национальном (родном) языке, хотя, по мнению автора, сложно представить, по каким учебникам и как они могут обучаться в вузах и колледжах, впрочем, как и в школах, в которых обучение происходит исключительно на русском языке? Видимо, это декларируемое поведение, которое не имеет под собой основы.

Заключение

Общественность не одно десятилетие поднимает вопрос о необходимости сохранения родных языков, ибо наблюдающаяся в языковой сфере картина свидетельствует о стремительном исчезновении языков, которое они связывают с интенсивными преобразованиями в обществе, модернизацией и глобализацией. Соответственно, статус национальных (родных) языков, сферы и частотность их использования, языковое сознание и поведение населения являются индикаторами измерения состояния в межнациональной сфере.

Проведенное исследование показывает, что для опрошенного городского населения характерны сложное и противоречивое этноязыковое сознание и поведение. С одной стороны, обозначение национального языка как одного из ключевых индикаторов воспроизводства этнической идентичности и символа национального самосознания, с другой – предпочтительность русского языка и обозначение русского языка, наряду с национальным (родным) языком, в качестве родного языка. При этом вряд ли можно сделать однозначный вывод, что такая установка не имеет право на существование: в течение длительного исторического периода русский язык приобрел особый статус как язык межнационального общения, следовательно, закономерным является и обозначение его как родного языка опрошенными горожанами. Но, при этом, необходимо уважать национальные (родные) языки, четко обозначить государственную политику в отношении родных языков, которые, по объективным причинам, оказались на более слабых, по сравнению с русским языком, позициях. Более того, и само население, носители конкретно взятых национальных языков, как показывает практика, к сожалению, не ориентированы на поддержание общения на родном языке, даже на внутрисемейном уровне.

Огромное влияние на изменение языкового сознания и поведения оказывает миграция и миграционный процесс: чем интенсивнее данные процессы, тем быстрее и явственнее протекает языковой кризис, который выражается в утрате статуса национального (родного) языка, ограничении сфер его применения. Если в советский период можно было наблюдать, хотя и не очень активную, но все же национальную политику в сохранении этнического разнообразия, национальных (родных) языков, то распад Советского Союза и негативный сценарий развития нового Российского государства, появление более важных и актуальных проблем, ухудшение социально-экономического положения населения, бедность и нищета и ряд других факторов сделал менее приоритетной духовную сферу и определение вектора ее развития. Поэтому, в настоящее время мы пожинаем плоды периода 90-х гг. и накопили больше негативного опыта, чем позитивного в развитии этнической культуры и осуществлении эффективной этноязыковой политики. Кроме того, кардинальные изменения произошли в системе среднего и высшего образования, в сознание учеников внедряется необходимость владения русским и английским языками, при отсутствии ориентации подрастающего поколения на знание национального (родного) языка, причем не только в рамках школьной программы, но и в самой семье, даже если она мононациональная.

Авторская гипотеза, что для городского населения будет иметь большое значение полноценное владение родным языком (читать, писать, разговаривать) при сужении пространства использования национального языка, данными исследования не подтвердилась. Более того, эмпирический материал свидетельствует о пассивном языковом поведении опрошенного городского населения: информацию они в основном получают из источников на русском языке, что вполне закономерно при существующей языковой ситуации, когда латентно наблюдается игнориро-

вание языковой проблемы в целом. Несмотря на имеющиеся в научном сообществе идеи мультикультурализма и глобализации, которые могут нивелировать значение национального компонента в жизни индивида, в полиэтническом образовании определение этнической принадлежности человека является очень важным фактором. В данном процессе национальный язык выступает одним из ключевых идентификаторов воспроизводства этнической идентичности, поэтому любые негативные действия в отношении него (ущемление или игнорирование языковых прав, пренебрежительное или оскорбительное отношение) закономерно способствует формированию интолерантного отношения к народам, со стороны представителей которых оно наблюдается. Поэтому одной из обязанностей государства является защита национальных интересов представителей всех этнических образований, независимо от их численности, уровня образования, места проживания и т.д. В противном случае, ущемление этнических прав одного национального образования при лидировании другого, или других народов, которые численно превосходят первых, приведет к межнациональной интолерантности, формированию в обществе идей этнонационализма и националистических взглядов. Данные деструктивные установки в общественном сознании вполне способны спровоцировать рост межэтнической напряженности, появление негативных гетеростереотипов, которые как в совокупности, так и по отдельности вполне способны дестабилизировать ситуацию.

Литература

- Айтматов, Ч. (1998). Национальное и глобальное в культуре. Единство и многообразие культур. *Европейская интеграция. Большая гуманистическая Европа и культура*. М.: УССС, 30.
- Бердяев, Н.А. (1990). Судьба России. М.: Мысль, 346.
- Здравомыслов, А.Г. (2001). Трансформация смыслов в национальном дискурсе. *Язык и этнический конфликт* / Под ред. М. Брилл Олкотт, И. Семенов. М.: Гендальф, 34–57.
- Габуня, З.М., Улимбашева, Э.Ю. (2005). Межкультурная коммуникация как мирозозидающий факт языка. Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. ун-т, 230.
- Гарипов, Я.Г. (2012). Языковое развитие полиэтнического региона. *Социологические исследования*, 4, 64–69.
- Губогло, М.Н. (1984). Современные этноязыковые процессы в СССР. М.: Наука, 288.
- Толстой, Н.И. (1995). Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 512.
- Тухватуллин, Р.М. (1997). Язык как национальная ценность. *Социологические исследования*, 8, 47–49.
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев (1988). Отв. ред. А.Г. Булатова, А. И. Исламгагомедов, Г. А. Сергеева. М.: Наука, 313.

References

- Aitmatov, Ch. (1998). National and global in culture. Unity and diversity of cultures. *European integration. Greater Humanistic Europe and Culture*. Moscow: USSS, 30.
- Berdyayev, N.A. (1990). The Fate of Russia. Moscow: Mysl, 346.
- Zdravomyslov, A.G. (2001). Transformation of meanings in National discourse. *Language and ethnic conflict* / Edited by M. Brill Olcott, I. Semenov. M.: Gandalf, 34-57.
- Gabunia, Z.M., Ulimbasheva, E.Yu. (2005). Intercultural communication as a world-creating fact of language. Nalchik: Kabard.-Balkar State University, 230.
- Garipov, Ya.G. (2012). Linguistic development of a multiethnic region. *Sociological Research*, 4., 64-69.
- Guboglo, M.N. (1984). Modern ethno-linguistic processes in the USSR. Moscow: Nauka, 288.
- Tolstoy, N.I. (1995). Language and folk culture: essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow: Indrik Publishing House, 512.
- Tukhvatullin, R.M. (1997). Language as a national value. *Sociological Research*, 8, 47-49.
- Traditional and new in modern life and culture of Dagestani immigrants (1988). Ed. A.G. Bulatova, A.I. Islammagomedov, G.A. Sergeeva. Moscow: Nauka, 313.

Дата получения рукописи: 1.10.2022

Дата окончания рецензирования: 10.10.2022

Дата принятия к публикации: 14.10.2022

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр, e-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Информация для авторов

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки),

5.4.6. Социология культуры (социологические науки),

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge»

(редакция от 25.11.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),

Номер идентификатора ORCID,

Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, [скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID](#).

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);

Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,

(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 ал. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019), или, при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов, при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторы шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (а, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi, его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателя оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / а, b, c). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi:

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL

Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL

Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.

Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.

Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/ Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся

в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от *circa* – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)
Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказывається актуальность... Новизна исследования заключается в...**Методы.** Используются такие методы, как...**Результаты исследования и их обсуждение.** Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...**Ключевые слова**

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарём определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Используемые источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.